

О. ВОЛОБУЕВ С. КУЛЕШОВ

ИСТОРИЯ
И
ПЕРЕСТРОЙКА
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

65.5(2)7
В.68

ОЧИЩЕНИЕ

О. ВОЛОБУЕВ, С. КУЛЕШОВ

ОЧИЩЕНИЕ

**ИСТОРИЯ
И
ПЕРЕСТРОЙКА**

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ**

Издательство
Агентства печати Новости
Москва, 1989

Рецензент доктор исторических наук, профессор
И.Е. Горелов

Книга издана в авторской редакции
ИЖТ

От авторов	5
Два круга памяти	8
Личность на подмостках истории	16

* * *

"В чем наша сила и чего нам не хватает?"	24
"Чтобы ничей авторитет..."	36
"Никто не имеет права быть выше..."	56
Горькая правда или "закон крови на земле"	73
О мертвой и живой воде	82
Политический театр абсурда	97
Гамлетовские вопросы	115
"Поклонов в отношении вождей не будет"	132
Сивиллы и ЭВМ	147
"Серпочки и молоточки"	161
Трава сквозь асфальт	173
"Мартовские иды" Сталина	187
Глубины и рифы демократии	195
Альтернативы	211

* * *

Склероз исторической памяти и искусство икебаны	233
Экзамен экзаменаторам	249
Если взглянуть исторически... ..	260
Мучит забота садовника	269
В. Наумов. Восстанавливая ленинскую традицию (Вместо послесловия)	277

События последних лет, происходящие в СССР, все более привлекают внимание мировой общественности. Поистине по-космически в политический лексикон ворвались термины "перестройка" и "гласность". Не случайно серьезные обозреватели во многих странах предпочитают не переводить, а транскрибировать эти слова. Они многозначны в их современном социальном контексте и поэтому точно непереводинны.

Процесс перестройки вызван сложными, во многом неблагоприятными, процессами в жизни Советского государства. Он буквально страдан обществом, далеко не без потерь осваивавшим труднейший путь первопродвдцев цивилизации нового типа.

Перестройка предполагает не просто управленческую реорганизацию, а качественное преобразование общества, политическую и идеологическую борьбу за определение социальных приоритетов и методов обновления советского общества. Гласность — это не просто повышение уровня его информированности. Это — и революционный прорыв в мироощущении широких слоев населения, и социальное действие.

Преобразование общественного сознания советского народа приобрело всеобщий комплексный характер. На глазах возникают контуры нового экономического, правового и политического мышления (причем именно массового, а не элитарного). Огромные перемены произошли в культурной жизни Страны Советов. Идет переосмысливание внешней политики нашей страны, ее военной доктрины.

Книга посвящена лишь одной стороне революционного обновления духовного бытия советского народа: изменению его исторической, социальной памяти. Именно этот процесс мы называем в данном случае *очищением*, освобождением общественного сознания от фальсификаций и стереотипов.

Сегодня раздаются голоса (они звучали даже с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции) о будто бы прогрессирующем процессе разрушения нашей истории. На самом же деле разрушается не история, а догматические мифы о ней. Мифы, в которых нет достойного места народному подвигу, коммунистам, искренне выполнявшим ленинские заветы и поплатившимся за это жизнью, людям-труженикам,

их порывам, их нелегкой, заслуживающей глубокого уважения судьбе. Не было имен, оценки действий тех, кто дискредитировал своими черными делами социализм. Такая "лакированная" история не может выполнить свои социальные функции объективного познания прошлого и воспитания новых поколений.

Само обращение к историческому опыту несет в себе огромные политические и нравственные импульсы. Ведь чтобы не повторять былых ошибок, их необходимо знать, понимать, прочувствовать. Нет, мы вовсе не разрушаем свое прошлое, а восстанавливаем его во всей полноте и диалектической сложности. Мы хотим открыто смотреть в глаза своим детям, внукам и всему человечеству. Но строить новое здание можно только на расчищенной площадке. Необходимо освободиться от тяжкого груза в нашем историческом сознании, и прежде всего — от сталинизма. Это мы и делаем сейчас. Во имя созидания, во имя будущего.

Итак, *очищение*. По нашему мнению, это слово достаточно точно отражает влияние перестройки на массовое историческое сознание общества и, конечно же, на историческую науку. Да, идет восстановление нашей истории. Мы избавляемся от догматизма, ложных оценок, анонимности в освещении событий прошлого. При этом много внимания, естественно, обращено на "пятна", которые необходимо вывести. Необходимо для того, чтобы носить чистые одежды. Может быть, в книге много вопросительных знаков. Но мы слишком долго имели дело лишь с беспроblemным бодречеством. Может быть, в работе замечен и определенный крен в сторону негативного в нашей истории. Это вовсе не означает негативистского отношения авторов к опыту страны, народы которой вступили на нелегкий путь первопроходцев.

Предлагаемая читателю книга, конечно же, не научный труд и не претендует на систематическое изложение политической истории советского общества. Вопросы развития экономики, внешней политики и культуры затрагиваются лишь в той мере, в какой это нужно для понимания рассматриваемых в книге проблем. Жанр "публицистических заметок" достаточно точно указывает на то, что авторские размышления отражают тот этап, на котором сегодня находится наше общественно-историческое сознание в целом.

Публицистические заметки, касаясь различных сюжетов, часто не доводимых до жестко определенных выводов, в то же время не отрицают необходимости структурной цельности книги. В соответствии с композиционным замыслом все ее главы можно условно разделить на три смысловых блока. Вводный отражает размышления авторов об отдельных сторонах научного и массового исторического сознания, что поможет читателю лучше ориентироваться в материале. Следующий большой сюжетный цикл посвящен разговору о политической истории 20—50-х годов, о сложном процессе демократизации общественно-по-

литической жизни страны от XX съезда партии до перестройки. И наконец, заключительный блок, в котором затрагиваются современные проблемы. Авторы размышляют о неосуществившихся альтернативах исторического развития страны в прошлом, о ходе перестройки.

Работа писалась во многом на том информационном массиве, который создан перестройкой. Книга представляет собой попытку как обобщить первые итоги поисков ученых, публицистов, писателей, общественности, так и дать авторские ответы на некоторые вопросы, а если не ответить, то хотя бы еще раз поставить их.

Авторы, отдавая полный отчет в том, что затронутые ими проблемы могут и будут освещены и полнее и глубже, попытались по мере сил вывести часть из них в нечто цельное.

Еще раз повторим: перед читателем не монографическое исследование, а публицистические заметки. Авторы — не летописцы процесса перестройки, а его участники.

ДВА КРУГА ПАМЯТИ

В романе Бориса Пастернака "Доктор Живаго" есть такой эпизод. Доктор, представитель российской интеллигенции, стремится на уровне собственного мировосприятия осмыслить революционные события в стране. А сделать это ему очень непросто. И не только потому, что эти события действительно стремительны, противоречивы. Но еще они и неожиданны, так сказать, незапланированы... мышлением Живаго, ориентированностью его житейской логики и ценностных мотиваций. При внешней хаотичности мыслей доктора в них была некая система. Точнее, как говорится в романе, два неотвязных клубка мыслей, которые то сматывались, то разматывались.

Можете сказать — ну и что из того? Мало ли каково состояние растерявшегося интеллигента, с его идеализованно-романтическим образом революции, оказавшегося перед лицом кровавой, ни с чем не считающейся стихии.

Да, в обыденном сознании есть готовое решение: человек должен принимать жизнь такой, какова она есть. Но творческое социально активное сознание побуждает быть готовым к различным поворотам исторической ситуации, более того — уметь их предвосхищать, "проигрывать" в уме, быть во всеоружии в необходимый момент. И тем не менее это все, по нашему мнению, так и не так. В данном случае мы хотим обратить внимание на то, что во взгляде на события истории даже в сознании одного человека могут быть несовпадающие круги памяти. А если речь идет о разных людях, представителях разных социальных групп, политических течений, национальностей, религий?

Элементы исторического сознания включены в разные сферы духовной жизни общества, его культуры, являются составной частью идеологии, служат для обос-

нования политических программ. В массовом сознании может существовать синхронно несколько "историй": истинная или ложная, научная или ненаучная, но соответствующая интересам и сознанию различных классов и социальных групп.

Для нескольких поколений советских людей характерно существование и взаимопроникновение двух типов (двух кругов или клубков) социальной исторической памяти: нормативной, "книжной", по сути дела — официальной (сформированной школьными учебниками, господствующим направлением в литературе и искусстве, средствами массовой информации), и основанной на конкретном жизненном опыте. Эти типы памяти могут совмещаться в сознании человека. Те, кого постигла эта участь, в период бурных перемен в духовной жизни общества или заостряются в своем неприятии нового, или ощущают внутренний разлад. Но если же разрыв между реальностью и догмой осознан, то понимание этого становится источником страстных позитивных переживаний. Освобождение надличностной, нормативной памяти от мифов и стереотипов — суть "очищения".

Историческое сознание — это отношение к прошлому, связывающее наше представление о нем с сегодняшним миром социальных и политических явлений. Оценки прошлого — часть общественного сознания и последующих поколений. Тем самым исторические факты приобретают ценностную значимость. Диалог с прошлым превращается в поиски социальных ценностей, в обретение человеком социальных ориентиров и приоритетов. Мы не можем быть безразличны к прошлому, если хотим жить.

Сегодня, как никогда, на крутом переломе истории, в условиях перестройки советские люди (да и граждане других социалистических и несоциалистических стран) обращаются к истории Советского Союза — их интересуют Октябрьская революция и нэп, коллективизация и индустриализация, периоды реформ и застоя, Хрущев и Брежнев. В газетах и еженедельниках, в тонких иллюстрированных и толстых литературно-художественных и общественно-политических журналах печатаются историческая публицистика, интервью с учеными-историками, письма читателей об острых вопросах прошлого. Широком потоком идут воспоминания, авторами кото-

рых являются видные партийные и государственные деятели, писатели и артисты, ученые и так называемые простые люди. Говоря о многочисленных письмах в ЦК КПСС и в редакции, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев отмечал, что "о событиях полувековой давности люди пишут горячо и страстно, как о сегодняшних проблемах".

Да, разные присылают письма. Так, например, для одних в отношении к Сталину точкой отсчета является 1937-й — год, ставший символом сталинских репрессий. Для других — 1945-й — год Победы. Для последних Сталин — всегда в мундире генералиссимуса. И в массовом историческом сознании, в художественной литературе и кинофильмах одновременно "живут" два — полярно противоположных — образа Сталина. Для одних социализм и сталинизм — синонимы, для других — взаимоисключающие понятия. Вот что такое эти злополучные круги памяти, когда перед вашим внутренним взором встают картины парадов на Красной площади и экскурсий по Выставке достижений народного хозяйства, а в глазах вашего собеседника картины ареста или раскулачивания.

Перед ними, как говорят социологи, — мартирологическое (мартиролог — перечень потерь и жертв) и викторианское (виктория — победа) восприятие прошлого. Оба восприятия — односторонни, прямолинейны, но с разной окраской (черное или белое). Сторонники мартирологического представления о прошлом видят его как бесконечный ряд жертв (лучшие люди — жертвы, народ — страдалец и мученик). При викторианском видении истории — героические личности, события, подвиги заполняют прошлое, которое является предметом бездумного восхищения и преклонения. И те и другие призывают, естественно, не исказить историю. В действительности ни викторианское, ни мартирологическое массовое историческое сознание не является научным. "Мы над всем, что сделано, ставим "nihil", — вещают одни. И предлагают, как некоторые энтузиасты 20—30-х годов, все начинать сызнова, расчистив площадку под фундамент нового здания. Другие кричат "Ура!" героическому прошлому и "Так держать!" будущему, не желая задумываться над трудностями и издержками исторического процесса. Косточки косточками, но Петербург построен, и страна покрылась сетью железных дорог. Слава Петру

Великому и его деяниям. Руки прочь от Медного всадника!

Возьмем восьмой том сочинений писателя Бориса Пильняка. В нем Петр I предстает развратным деспотом, вызывающим неприязнь. И в романе Андрея Белого "Петербург" царь — символ власти, чуждой народу. В бывших некогда бестселлерами книгах Мережковского выписывались причудливые кружева взаимоотношений Петра и казненного затем по обвинению в государственном заговоре его сына царевича Алексея. Но массовое сознание советских читателей знает из романа А.Н. Толстого иной, просветленный, очищенный от неприязни современников образ Петра I, создающего новую Россию. Где же истина?

Оценки "плохо" и "хорошо" должны соотноситься с понятием "исторический процесс", а личная приязнь или антипатия — с объективным прочтением исторической ситуации на каждом ее временном этапе. То, что позволяет себе писатель, драматург, не всегда может допустить историк.

Выступая в роли то конкурента, то союзника ученых в формировании массового исторического сознания, художественная литература способна вызвать в читателе "чувство действительности". Возникновение его возможно, как отметил крупный русский историк А.С. Лаппо-Данилевский, даже если содержание художественного произведения "и не вполне точно соответствовало данной конкретной действительности, не давало точного ее описания". У многих людей представления о буржуазной революции XVI века в Нидерландах или об Отечественной войне 1812 года сложились не только по школьным учебникам, но и по романам Шарля Де Костера и Льва Толстого.

Вопросы о различии и сближении, совместимости или несовместимости научного и художественного познания прошлого часто являлись предметом споров. Но при этом не всегда учитывалось, что одно дело — совместимость или несовместимость научного и художественного познания с позиций исторической науки и другое дело — такая совместимость или несовместимость в сознании потребителя духовных ценностей — читателя.

Научное знание и художественно-исторические образы искусства не взаимозаменяемы, это различные формы информации со своей сферой воздействия. Однако обе

сферы воздействия смыкаются при формировании исторических представлений у массового читателя. Массовое историческое знание, представление большинства людей о прошлом интегрирует и научную, и художественную информацию. Историческая наука (в форме школьного или научно-популярного знания) и искусство осуществляют свой синтез в сознании читателя.

Художественные версии исторических событий, стереотипные образы исторических личностей прочно "поселились" в общественном сознании, в духовной жизни общества. Они ближе, понятнее, чем научные описания и характеристики. Они зримее, они впечатляют, они трогают сердце и пленяют мысль. Наконец, они часто расходятся с научной, но не пользующейся доверием версией. В современной жизни эти версии (художественная или научная) соотносятся и с семейным образом прошлого, с воспоминаниями близких и окружающих. Неписаная память об имевших место событиях, причем по-разному, отложилась в сознании людей. Здесь поле и для подлинного факта, и для вымысла, легенды. Наверное, так было и будет всегда. Истинные факты скрыть все равно нельзя. Другое дело, когда обыденное историческое сознание формируется в обстановке полуправды официальной науки. Эйфория "перманентных успехов", без ошибок и просчетов, без анализа и критики, несомненно, порождает мифы или их банальную разновидность — идеологическую химеру. Во многом это результат застоя и на исторической ниве. Когда на ней не создаются должные условия для произрастания полезных злаков, то неизбежен урожай... сорняков.

В массовом историческом сознании имеется немало мифов об отечественной истории. Не меньше их, часто основанных на произвольных исторических параллелях, в работах зарубежных авторов. Иногда — это результат приложения собственных стереотипов, несмотря на стремление искренне познать исторический путь другой страны, иного типа цивилизации. Иногда — порождение неприязни, недоброжелательного отношения к нам.

С какими только точками зрения и оценками не сталкиваешься, когда знакомишься с толкованием событий истории нашей страны на Западе! Иван IV фигурирует как предтеча сталинских репрессий. В книге французского публициста Жоржа Бортоли "Смерть Сталина", вы-

шедшей в 1973 году в Париже, есть такой пассаж. Автор рассуждает о том, какой же смертью умерла жена Сталина? И дает такую версию: народ хотел бы, чтобы эта смерть явилась результатом именно насилия со стороны Сталина. Хотел, ибо тогда Сталин поднялся бы в его глазах на еще более высокую ступень, приобрел ранг Петра I и Ивана IV, убивших, как известно, своих сыновей.

А легенды о "завещании" Петра I, давно уже переросшая свой первоначальный замысел и ставшая предметом непрекращающихся спекуляций против внешнеполитического курса Советского государства! Суть легенды в том, что на смертном одре Петр I якобы благословил своих потомков на широкомасштабные агрессивные завоевания, как бы дал исторический мандат на продолжение дела великих "завоевателей Вселенной" — Александра Македонского, Чингисхана и других. И вот уже во французской газете "Монд" чилийский диктатор Пиночет впадает, что перестройка в СССР — миф, поскольку его руководство реализует завещание Петра.

Влиятельная буржуазная газета "Уолл-стрит джорнал", комментируя ход XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, вполне серьезно писала о том, что Михаил Горбачев стоит перед необходимостью реализовать именно ту программу модернизации России, которую насильственно начал осуществлять Петр I и которую так и не сумел претворить в жизнь Никита Хрущев.

Есть, если можно их так назвать, попытки прочтения истории Российского и Советского государства методом интегралов — реформы и контрреформы. В 1984 году в США вышла книга, в которой именно так и рассматривался исторический процесс в нашей стране. Реформы Ивана IV и контрреформы боярской оппозиции, реформы Петра I и контрреформы эпохи дворцовых переворотов. Реформа — ленинский этап, контрреформа — сталинский, реформа — Хрущев и XX съезд, а контрреформы — период Брежнева. Понятно, что перестройка в этом ряду должна оцениваться, конечно, как реформа.

Так каждый выискивает в прошлом то, что ему любо, что соответствует его пониманию общественного развития.

Не случайно раздумья о связи прошлого — настоящего — будущего пронизывают многие произведения со-

временной советской литературы, например романы Чингиза Айтматова "Буранный полустанок", Евгения Евтушенко "Ягодные места", Владимира Чивилихина "Память", Василия Гроссмана "Жизнь и судьба". В этих романах писатели предостерегают от опасности, которую несет исключение прошлого из системы мировоззренческих ценностей. В предисловии к "Буранному полустанку" Чингиз Айтматов так формулирует одну из ведущих идей романа: "Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем". Особенно важен опыт социалистической революции, а в нем — опыт первопроходцев социалистического строительства. Не скроем, это не только опыт достижений и успехов, но и опыт негативный. И то и другое нужно знать.

Вот, к примеру, из дальнего грузинского села Архлоскало в редакцию журнала "Советский экран" (1988. № 16) приходит письмо читательницы М. Бурдули: "Я возмущена, даже фамилия Хрущев вызывает во мне ненависть, злость, я боюсь этого человека (действительно!), потому что раньше было запрещено даже произносить его имя. Мне 25 лет, в детстве в макулатуре я нашла старую книгу, там была фотография этого "Никиты", я так перепугалась — вдруг кто-нибудь увидит эту книгу у меня. А сейчас на страницах моего любимого журнала вижу, как боготворят этого человека. Конечно, вы рецензируете документальные фильмы, но не кажется ли вам, что слишком увлекаетесь политикой, ищите чего-то в истории?"

Я пишу о том, что меня возмущает. Мне кажется, что вы своими руками копаетесь в моем детстве, хотите изменить взгляды. Интересно, чему же верить?

А если Сталин "сосредоточил в своих руках необъятную власть", если он был во всем виноват, почему от нас скрывали эту "черную правду с белыми пятнами"? Это же позор наш! Оказывается, то, что мы учили в учебниках истории, — полуправда? Или еще меньше правды?

Вы оскорбляете не только память о Сталине, Брежнев, вы оскорбляете нашу память, память народа.

Извините за справедливость!"

Редакция журнала ответила очень резонно: "Не сле-

дует путать: память народа и лживые официозные легенды — совсем не одно и то же. Не только полуправде учили нас государственные лицемеры всех рангов — они учили нас глупости и пресмыкательству, ненависти и страху. Увлекаемся политикой? Но ведь политика — это наша повседневность, то, что сказывается на каждом из нас, то, что может и облагородить, и нравственно исказить человека. И девочка, пугающаяся портрета в старой книге, — это тоже политика, пагубные последствия жестокого сталинского террора в сочетании с гиблой трясинной "брежневщины".

Память прошлого необходимо постоянно очищать от наслоений, от фальсификаций, от мифов. Не будем "делать" историю ни лучше, ни хуже. Чем она правдивее, тем больше она дает человеку для понимания всей сложности и трудности общественного прогресса.

И все же мифы имеют огромную власть над сознанием людей, порой делая их неспособными воспринимать достоверную информацию, противоречащую уже известной догме. Тогда их надо сокрушать.

Литературовед начала XX века М.О. Гершензон, характеризуя общественную мысль накануне отмены крепостного права в России, писал, что рухнула стена старого мировоззрения; начался великий ледоход русской общественной мысли. Что ж, периоды "ледохода" неизбежны в общественном сознании. Вот и сейчас разрушается противостояние двух "кругов памяти". Оно может быть преодолено на путях социалистического плюрализма, создания полифонии нашей общественной мысли.

В природе и в обществе любое явление развивается диалектически и в любой момент может повернуться к нам своей противоположной стороной. Мощные ледоходы приводят к заторам, которые наносят значительный ущерб обитателям окрестных берегов. Резкие изменения в общественном сознании могут на время вызвать у многих людей растерянность, разочарование и даже нигилизм. Это, разумеется, следует иметь в виду.

И еще одно соображение. Один греческий драматург — друг и соперник Эсхила — был изгнан своими согражданами за то, что своей трагедией, изображавшей гибель города, произвел на зрителей такое сильное воздействие, что они не могли удержаться от стенаний и слез. "Он был наказан за то, что его искусство было не очищением, а сентиментальной эксплуатацией сострада-

ния зрителей, — указывал режиссер Всеволод Мейерхольд. — Если бы я принял участие в голосовании, я тоже подал бы свой голос за изгнание". Примем во внимание и это предупреждение.

Герцен в "Письмах старому товарищу" (Бакунину) предостерегал его от попыток заставить сознание людей "прыгать через ступеньки". Воспримем и этот урок и наберемся терпения.

ЛИЧНОСТЬ НА ПОДМОСТКАХ ИСТОРИИ

При подготовке "Краткого курса истории ВКП(б)" была осуществлена сталинская установка на то, что история должна быть историей не людей, а идей. В конечном счете мы имеем здесь явное противоречие с марксистско-ленинским пониманием роли личности в истории. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина густо "населены" людьми, творившими историю.

Вспомним, какие яркие характеристики давали они своим современникам. "Толпа, — писал К. Маркс Л. Кулешману 4 февраля 1871 года, — и знатная и простая, судит по внешности, по лицевой стороне, по непосредственному успеху. Так, она прославляла Л. Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, разоблачал его как *посредственную каналью*". А какие точные политические портреты нарисованы В.И. Лениным в его очерках, посвященных Герцену и Бабушкину, попу Гапону и графу Гейдену! "Идея детерминизма, — отмечал Владимир Ильич, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий... Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории..."

Не думаем, что Сталин недопонимал роль личности в истории. Нет, судя по всему, он ее даже сильно, чересчур сильно преувеличивал. И тем не менее, читая популярный учебник по истории ВКП(б) под редакцией В.Кнорина, Ем. Ярославского, П.Поспелова (Партиздат. 1935), он в раздражении замечает на полях: "Апофеоз лиц? А где же марксизм?" Эти слова могут быть истолкованы и как желание Сталина пресечь возвеличивание собствен-

ной личности (хотя на странице, где сделана пометка, не раз фигурировал и Ленин). Но может быть и другая интерпретация, и авторы склоняются именно к ней: Сталин хотел бы выдворить из истории "лишние личности", сократить информацию о людях, создавших большевистскую партию и совершивших революцию, и таким образом возвеличить себя.

Сформулированный, возможно, из узкопрактических соображений, этот тезис затем (через незримый аппарат идеологического контроля) получил всеобщее значение и оказал огромное воздействие на развитие советской исторической науки. В течение более чем трех десятилетий из нее почти полностью исчез жанр исторической биографии за исключением работ Е.В. Тарле, лично одобренных И.В. Сталиным, и дюжины иконописных портретов Ивана IV, Петра I, Суворова, Кутузова и некоторых других. В обобщающих исследованиях донныне отсутствуют за редчайшими исключениями характеристики исторических личностей. Любое суждение об особенностях тех или иных деятелей старательно устранялось при подготовке рукописей к печати. Былое часто предстает перед читателями как анонимный и автономный процесс.

Пришло время уточнить наши представления о роли личности в истории. Как известно, Клио, покровительница истории, была одной из древнегреческих муз. Ее сестрами, музами — покровительницами трагедии и комедии, были Мельпомена и Талия. У "отца истории" Геродота повествование о событиях и людях всегда разворачивается как драматический конфликт. Такова, например, история лидийского царя Крёза, наказанного роком за то, что он счел себя самым счастливым из людей. Это трагедия, которая вполне могла бы соперничать с трагедиями Софокла. Гибнет сын Крёза, сам царь терпит поражение от персидского владыки Кира, попадает в плен и осуждается на казнь. У трагедии сугубо драматическая развязка: спасение Крёза и его духовное прозрение. И в заключение нашего обращения к Геродоту еще один штрих: историк читает афинянам свой труд по главам в театре.

Для античных авторов, как и для авторов периода Возрождения, писать историю значило изучать человеческую драму, ставшую историей. Историческое сознание изначально ощущало прошлое как героическую трагедию. Аристотель сводил основное различие между историей и драмой к различию между фактом и вымы-

слом, к разграничению "повествования факта" и "повествования вымысла".

Начиная с античности, прошлое для большинства читателей приобретало смысл только как драма людей и идей (столкновение добра и зла и т.д.). Сюжетом ее служили события минувшего. Личностный смысл истории раскрывался через действительные человеческие судьбы. Автор "Истории государства Российского" Николай Карамзин в самом начале XIX века написал статью с многозначительным названием "О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств". Название статьи явственно свидетельствует о связи истории и драмы (в широком смысле слова) в сознании Карамзина. В предисловии к "Истории государства Российского" он это свое отношение к истории выразил в следующем рассуждении: "История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум и питают чувствительность".

Так что же такое история? Спектакль, персонажи которого "живут" по сценариям классицизма, построенным четко, логично, с соблюдением строго определенных правил, на представлениях о разумной закономерности мира? Или же это драма абсурда, мир алогичный и мистически неопределенный, где никто не знает, чего ждать от будущего, как в пьесе С. Беккета "В ожидании Годо"? А может быть, это хепенинг, бытовой срез хаотичной и случайной жизни, в которой смысл бытия в его сиюминутном и вечном повседневном? Не будем обсуждать эти версии. Наверное, в историческом сознании людей могут существовать и каждая из них, и иные представления об истории. Многое зависит от личного опыта человека, присущего ему мироощущения. Правда, в отличие от театра участники человеческого действия истории артисты и зрители одновременно. Вместе с тем люди не всегда знают, кто они — актеры или зрители? И что сегодня ставится на сцене — трагедия или комедия, а может быть, комедия для одних и трагедия для других?

Русский философ Николай Бердяев, оказавший боль-

шое влияние на развитие идеалистической философии XX века, видел драму истории в вечной борьбе двух начал — свободы и принуждения — и в постоянном переходе от одного начала к другому. Обращаясь к взглядам этого оригинального философа, нельзя не признать определенную обоснованность для ряда исторических этапов следующего его суждения: человек (с его свободой) подвергается в ходе истории смертельной угрозе, целью становится не он, а те средства, которые должны служить ему, на его благо; он, человек, перестает быть не только высшей ценностью, но и вообще какой-либо ценностью. Бердяев не находит для человека выхода в земной жизни, земной истории, где его деятельность ведет не к полному проявлению творческих способностей и свободе личности, а к ее социальному отчуждению.

Карл Маркс, занимаясь в молодости проблемой отчуждения человека, пришел к выводу: только уничтожение эксплуатации человека человеком может освободить людей от принуждения, сделать их свободными. Эта идея вдохновляла Ленина и других большевиков.

Было бы, наверное, величайшей наивностью предполагать, будто социалистическая революция или строительство социализма сразу снимут проблему отчуждения человека и автоматически обеспечат полную свободу личности. Эта проблема все еще существует в советском обществе, иначе демократизация не была бы одним из основных направлений перестройки, происходящей сегодня в Советской стране. Но за этим процессом демократизации важно видеть конечную цель. На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что "в конечном счете задача социализма — покончить с социальным отчуждением человека, характерным для эксплуататорского общества, отчуждением от власти, от средств производства, от результатов своего труда, от духовных ценностей".

Наверное, система "личное и общественное" всегда будет нести в себе потенциальную возможность драмы. И нереализованные возможности, и неверный выбор пути, и конфликты на правильно выбранном... Как раскрыть духовные резервы человека, озарить нравственной целесообразностью его жизнь, создать условия для подлинно гуманистического развития обитателей ойкумены? Эти вопросы волнуют людей сейчас, волновали раньше, будут волновать в будущем. Здесь первоочеред-

ное значение имеют характер общественных отношений, тип государства, режим политической власти.

Революции особо явственно обнажают драму истории. Вот перед нами вышедший в середине 80-х годов в США фотоальбом "Семья Романовых". Сколько идиллии, семейных сцен! Смена нарядов, детские лица — словом, пастораль, да и только. А погромы, расстрелы демонстраций, тюрьмы, ссылки? Сколько жертв, физических, духовных, на счету главы этого "милого семейства". И личность самого Николая II. В общем-то жалкая, заунывная. Но и жестокая, агрессивная. Показательны дневник императора и его переписка с женой. Чего там только нет: и ежедневные описания погоды, и количество убитых ворон, и перечисление завтраков, обедов, ужинов. А наряду с этим — надежда на казачью плеть, которая "образумит" бунтующие массы. Историческая обреченность звучит в каждой строке. Историки давно обратили внимание на то, что "августейшая фамилия" даже не замечала крупнейших политических событий в России и на мировой арене, почти не интересовалась художественной культурой. Это ограниченное мышление обывателей. А ведь и сам Николай в чем-то жертва своих либодоблюствующих сатрапов. Почему он "проморгал" революционный взрыв? Помимо прочих причин и из-за дезинформации. В начале февраля 1917 года председатель Государственной думы М. Родзянко добился приема у государя и стал предупреждать о грядущих социальных потрясениях. Император его сразу прервал: "Мои сведения совершенно противоположные". Оказывается, по указанию министра внутренних дел местные власти отовсюду слали Николаю II телеграммы о "безмерной любви" народа к "обожжаемому монарху".

Тема "революция и насилие", "революция и жертвы" особенно сложна и деликатна. Ни огульными оправданиями, ни огульными обвинениями здесь истину не найдешь. Если возможно вообще найти окончательное решение. Например — вопрос о расстреле царской семьи в Екатеринбурге (ныне Свердловск) летом 1918 года. Царская семья после свержения монархии была выслана в Тобольск, затем переведена в Екатеринбург и ввиду приближения белогвардейских войск по приговору ревкома расстреляна.

Давайте поставим вопрос так: чтобы сохранить завоевания революции, революции, действительно поведшей за собой широкие массы людей, обязательно ли было

физическое уничтожение царской семьи? Такой необходимости не было и не могло быть, хотя политическое руководство страны — ЦК РКП(б), ВЦИК и Совнарком — с определенным пониманием отнеслось к решению местных властей. Историк должен видеть социально-психологические причины, связанные с настроениями революционных масс, их отношением не столько к самому Николаю II и его семье, сколько к олицетворявшемуся ими царизму как символу угнетения. Да и политический момент был острейший.

Но это вовсе не отрицает необходимости проверки исторического гуманистическим. Гуманная, высокая цель не может достигаться безнравственными методами. Не будем доказывать обязательное соответствие высоких идей способам их осуществления. История, к сожалению, не раз доказывала обратное, ибо творится она через деятельность конкретных людей.

Кое-кто не хочет видеть подлинный демократизм новой власти — декреты о мире, земле, национализации промышленности, свободе совести... Да и началась Советская власть с того, что сейчас именуется социалистическим плюрализмом. Наличие нескольких партий, открытая критика Советской власти, множество взглядов на пути развития революции. Все было возможно: и сатирический еженедельник "Новый Сатирикон", буквально разивший едкой сатирой политику новой власти, и карикатуры, и далеко не безобидные, на большевиков...

Но началась гражданская война... Тема ее в разговоре о драме истории особая. У Сальвадора Дали есть известная картина "Предчувствие гражданской войны" (имеются в виду события в Испании 1936 — 1939 гг.). Тело нации, ею же самой разорванное на части. Ужас и трагизм. Наверное, вряд ли может быть что-либо более бесчеловечное, чем братоубийство, чем война отца с сыном, война, проходящая через судьбы, души членов одной семьи, села, страны.

В нашей революции, гражданской войне все резко разделено: два противостоящих друг другу лагеря. Красное и белое поле... Выбор ограничен: в конечном счете ты там или здесь. Межполье, суживаясь, порой совсем исчезает. Можно переходить с поля на поле, как это делал Григорий Мелехов в шолоховском "Тихом Доне", но только до поры до времени. Таких чаще всего ждет трагический исход. Красное и белое — третьего, казалось почти всем, не было дано. Здесь есть своя диалектика,

определяющая эволюцию, возможность перехода участников общественного движения в тот или иной стан. Личность может что-то перебороть в себе или, наоборот, что-то усугубить.

Удивительной способностью увидеть это "что-то" человеческое в людях, стоящих в тот момент по противоположную сторону баррикад, обладал Ленин. Приведем в этой связи только один пример. В мятеже левых эсеров летом 1918 года самое активное участие принимал Прошьян. Именно он организовал боевые действия эсеровских отрядов, арестовал председателя ВЧК Феликса Дзержинского. За все свои "подвиги" был приговорен к трем годам тюрьмы, правда, успел скрыться. Но рок подстерегал его. Заболел, попал в больницу и умер там от тифа. Узнав о его смерти, Ленин пишет статью-некролог, напечатанный в "Правде" в декабре 1918 года. Не оправдывая ошибок лидера эсеровской партии, он вместе с тем выделяет в личности Прошьяна именно то, что делало ее личностью революционера, высказывает уверенность, что "сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть".

А какова та логика, по которой люди, сделавшие для революции немало полезного, начинали увядать, склонять голову? Возьмем Клима Ворошилова. Известный деятель времен гражданской войны, он не выдержал испытания на поле боев иных. Он оказался одним из тех, кто начал возводить культовое капище Сталина. Его статья "Сталин и Красная Армия", опубликованная в декабре 1929 года — к 50-летию рождения Сталина, стала предвестницей последующего беспредельного возвеличивания вождя. Ворошилов причастен к приговорам, вынесенным советским военачальникам. В первый период Великой Отечественной войны со своей приверженностью к архаичным методам войны гражданской он, возглавляя фронт, проявил полную неспособность как военачальник. В августе 1941 года пытался сам вести красноармейцев в атаку — жест, может быть, храбрости, а может, и отчаяния.

Великие драмы всех революций, размышляет профессор-юрист Александр Яковлев на страницах "Московских новостей" (1988. № 7), отличались тем, что мир в представлениях участников драмы разделялся на полюсы добра и зла, а страдания и жертвы революционной борьбы освящали насилие во имя грядущего счастья. Так, ка-

тегории и понятия, присущие политической борьбе, приобретали важное свойство: они обозначали либо черную неправду, зло, либо истину, сияющее добро, революционный идеал.

Не хочется перегружать текст цитатами, но трудно удержаться, чтобы не привести такие замечательные слова из книги советского философа Арсения Гулыги "Эстетика истории": "И тот, кто исследует историю, и тот, кто ею только интересуется, не может быть равнодушен к материалу: история повествует о людских свершениях. Жизнь общества — это не только естественно-исторический процесс, но и всемирно-историческая драма. За каждым фактом — судьба человека, интерес к истории — это интерес к человеку. Читая жизнеописания римских цезарей, средневековые хроники, историю войн, революций, науки и искусства, мы видим перед собой людей, их устремления, борьбу, заблуждения и страсти, мы переживаем их судьбу".

Пора вернуться к "запеву" этой начальной главы. Традиция образного, эмоционального восприятия прошлого, его нравственной оценки и, в частности, человеческой судьбы в драме истории стала существенно изменяться в историографии с XVIII — начала XIX века, с "карамзинской поры". Тогда профессиональное изучение истории окончательно обособилось от "словесности", от литературы. На путях своего развития историческое знание многое приобрело, но и что-то стало терять, в частности, "человеческое" начало истории стало во многом проходить по "ведомству искусства".

В наши дни становится нетерпимым узкорационалистический, примитивно-дидактический подход специалистов-историков. Мы с неизбежностью возвращаемся на новом витке общественного сознания к синтезу безусловного исследовательского профессионализма с этическим, эмоциональным подходом, с пристальным интересом к человеческой личности вне зависимости от того, на "подмостки" истории она попала или в "зал".

"В ЧЕМ НАША СИЛА И ЧЕГО НАМ НЕ ХВАТАЕТ?"

Так был поставлен В.И. Лениным вопрос в политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии в марте 1922 года — в его последнем выступлении на съездах партии. Отвечая на него, Ленин говорил, что политическая власть в стране находится в руках пролетариата, ключевые позиции пролетарского государства, национализированного банки, крупную промышленность, железные дороги, обеспечивают его экономическую силу, но "не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет". В Москве 4700 ответственных коммунистов, с одной стороны, и бюрократическая машина государственного аппарата — с другой. В результате: "У нас направо и налево махают приказами и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят".

Так открыто было сказано о недостатках партийного и государственного управления молодой Советской страной. В самой постановке вопроса — "чего нам не хватает?" проявилась сила партии, имевшей в арсенале своего опыта традицию демократической гласности. Эта традиция, тем не менее, в буржуазной общественной мысли все время ставится под сомнение.

Прежде всего хотелось бы вернуться к давнему — еще со стороны меньшевиков (и имеющему хождение до сих пор в буржуазной советологии) — обвинению Ленина в недемократизме. Первые эти обвинения связаны с выходом его книги "Что делать?", которая подверглась меньшевистской критике за якобы содержащуюся в ней идею подчинения партийной организации абсолютной власти строго законспирированного центра. Как писал один из лидеров меньшевиков Мартов, у Ленина получала историческое оправдание диктатура партийных теоретиков в качестве гарантии того, что управляющая движением организация профессиональных революционеров не свернет с пути действительных классовых интересов пролета-

риата. В этой критике было много передержек. Речь у Ленина, во-первых, шла о подпольной партии в условиях самодержавного режима, во-вторых, профессиональные революционеры не противопоставлялись пролетарской массе, а действовали с ней и внутри нее. Профессиональный революционер в представлении Ленина рождался и воспитывался массовой революционной борьбой. И еще, в-третьих, говоря о внесении социалистической идеи в пролетарские массы, Ленин отнюдь не предполагал ее навязывания, а, наоборот, исходил из того, что под влиянием социал-демократической пропаганды и агитации идеология марксизма будет постепенно усваиваться рабочими.

Профессиональные революционеры, по мысли Ленина, централизуют лишь конспиративные функции революционного дела, а не все революционное дело. Ленин никогда не путал "направляют" и "управляют". "И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут "думать за всех", что толпа не будет принимать деятельного участия в движении", — разъяснял Ленин.

Уже тогда В.И. Ленин поднимал вопрос о демократии и гласности. Полную гласность и выборность всех функционеров он считал "широким демократическим принципом", соблюдение которого обязательно для партий, действующих в странах с политической свободой. "Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации". В качестве примера партии, построенной на основе "широкого демократического принципа", Ленин называл германскую социал-демократическую партию.

Ленин боролся за идейно сплоченную и сильную активность каждого своего члена пролетарскую партию, но он никогда не подвергал сомнению необходимость демократизма и гласности во внутрипартийной жизни.

В нормальных условиях деятельности социалистической партии выборность осуществляется в обстановке гласности и, по образному сравнению Ленина, "...вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра...". И далее — очевидно, Ленин уже тогда задумывался над тем, как обеспечивается лидерство в партии наиболее достойных, — он пи-

сал: "Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут со знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии "выживанием наиболее приспособленных". "Естественный отбор" полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов "на своей полочке", берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их". Какая уж тут — вспомним Мартова! — диктатура теоретиков! Какой не тот теоретик удержится при "естественном отборе" полной гласности, выборности и всеобщего контроля! Еще раз подчеркнем: полная гласность и всеобщий контроль (политическая арена, скажем так, освещается прожекторами всеобщего обозрения).

И в заключение: в ленинской работе "Что делать?" один из параграфов называется "Рабочий класс как передовой боец за демократию". Борьба за социализм в понимании Ленина неотделима от борьбы за демократию. В 1916 году в работе "Социалистическая революция и право наций на самоопределение" он писал: "...Невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии..." При этом здесь требуются по меньшей мере два пояснения. Первое: Ленин противопоставлял буржуазную и пролетарскую демократию и считал Советскую власть как действительную власть трудящихся высшей по сравнению с буржуазной парламентской формой демократии. Второе: пролетарское государство применяет насилие по отношению к эксплуататорскому меньшинству, включая ограничение его прав, вплоть до победы социализма, когда в стране не станет эксплуататорских классов.

О том, как создать действенный механизм социалистической демократии в партии и государстве, Ленин размышлял неустанно. Анализируя методы партийного руководства, Ильич в последних статьях и письмах все

время подчеркивает опасность администрирования и концентрации власти в руках узкого круга верхов. Но он ставит вопрос еще шире, предлагая предпринять на очередном съезде Коммунистической партии "ряд перемен в нашем политическом строе". Торопясь изложить в последних статьях и письмах свои взгляды на строительство социализма в СССР, Ленин, как нам кажется, все же не успел завершить разработку предложений о переменах в политическом строе.

Рассмотрим, опираясь на последние ленинские работы, предлагаемые подходы к изменениям в политических структурах.

Коммунистическая партия сильна коллективностью руководства — вот центральная идея "Письма к съезду".

Начнем с высшего партийного органа — с Центрального Комитета Коммунистической партии. Ленин советовал увеличить его состав (в то время насчитывалось в ЦК 27 членов) до 100 человек за счет рабочих-коммунистов, а также трудящихся крестьян. Пополнение состава ЦК рабочими должно было повысить его авторитет и роль как коллективного руководящего органа, препятствовать формированию и борьбе группировок на основе личных амбиций, способствовать улучшению партийного аппарата. Не случайно в "Письме к съезду" Ленин, давая характеристики наиболее видным фигурам в партии, обращал внимание преимущественно на недостатки. Расширение состава ЦК должно повлечь за собой "уменьшение личного, случайного элемента в его решениях".

Ленин постоянно был обеспокоен бюрократическими тенденциями в советском и партийном аппарате. Он подчеркивал, что государственный аппарат в значительной степени достался нам от старого режима, что им некогда было заниматься в течение пяти лет Советской власти и он нуждается в обновлении, улучшении, перестройке.

Да извинят нас цитирование, но вот несколько самых резких отзывов о государственном аппарате:

"...очень часто работает не для нас, а против нас..." ("Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г.").

"...наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий"

("Пять лет российской революции и перспективы мировой революции". Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.).

"*Ч а с т о*: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!" ("Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов", декабрь 1922 г.) Ленин не видит "...худшего средостения между трудящимися и местной и центральной Советской властью, а равно центральной властью РКП", чем местная бюрократия.

Но, конечно, Ленин, столь чутко (кстати, в отличие от многих других партийных вождей, чрезмерно полагающихся на декретирование и администрирование) улавливающий дыхание жизни, не сводит все к прижившемуся и приспособившемуся к Советской власти старому бюрократизму. Он рано распознает и рождение, по его словам, современного "комбюрократизма". В "Письме в Политбюро ЦК РКП(б)" о тезисах Е.А. Преображенского "Основные принципы политики РКП в современной деревне" он пытается установить источники, питающие бюрократизм.

Перечислим критические замечания Ленина на тезисы Преображенского, помогающие уяснить суть вопроса:

"Тошнит всех от общих фраз. Они *плодят* бюрократизм и поощряют его".

"Директивы в декретном порядке" — вот что предлагает автор. Это в корне неверно. Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в "директивы в декретном порядке".

"Не надо обольщать себя неправдой. Это — вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма".

И наконец, неизучение практического опыта. "Это корень всех бед и всего бюрократизма".

Ленину ясно, что "кавалерийским наскоком" здесь ничего не сделаешь, потому что еще низка и общая и политическая культура рабочих масс. Нужна еще и школа управления, а ведь эту школу управления приходится проходить в том же государственном аппарате. И вот пришедший туда рабочий "перевоспитывается" бюрократией, усваивая ее методы ("бумажные" и другие) руководства. "Годы и годы должны пройти, — констатирует Ленин, — чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его — не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме — на высшие ступени культуры".

Нужна система контроля — всеобъемлющая — от Политбюро ЦК до любого низшего звена, способная поправить, помочь, противостоять ведомственности (да, уже тогда говорили о ведомственности) и бюрократизму. Этому посвящены предложения Ленина XII съезду партии "Как нам реорганизовать Рабкрин", статья "Лучше меньше, да лучше" и ряд мест в других его работах. Рабкрин (РКИ) — Рабоче-крестьянская инспекция — орган государственного контроля, созданный в 1920 году в целях всемерного привлечения трудящихся к государственному управлению, Ленин предлагает соединить с ЦКК — Центральной Контрольной Комиссией РКП(б). Думая над размежеванием функций партийного руководства и государственного управления, Ленин видит в объединении ЦКК—РКИ возможность повышения роли и значения того и другого органа, усиления общественного контроля, укрепления связи с широкими массами трудящихся, средство для обеспечения единства действий партийных и государственных органов при разграничении их деятельности. Он предлагает предстоящему съезду партии выбрать 75—100 новых членов ЦКК и обязать членом заседания Политбюро. Члены ЦКК "должны составить сплоченную группу, которая "не взирая на лица" должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел". Ленин прямо не пишет, но из его плана реорганизации ЦКК—РКИ, который находится в тесной связи с расширением состава ЦК, вытекает необходимость проведения срочных мер, которые бы предотвратили возможность любого "засекречивания" в деятельности Политбюро и всего ЦК. "Члены ЦКК, — пишет Ленин, — должны будут под руководством своего президиума работать систематически над просмотром всех (выделено нами. — *Авт.*) бумаг и документов Политбюро".

Ленин стремится к тому, чтобы широкие партийные массы были осведомлены о том, как принимаются решения и кто из руководителей партии по своим политическим, деловым и личным качествам может претендовать на ту или иную должность. Вспомним уже приводившуюся цитату из "Что делать?" о "естественном отборе"

партийных лидеров на основе полной гласности, выборности и всеобщего контроля. Читая Ленина, мы ощущаем взаимосвязь его мыслей о демократии в партии, высказанных в начале века, и его предложений по совершенствованию партийных и государственных структур в последних статьях и письмах.

Волевому администрированию Ленин противопоставляет научную организацию управленческого труда и планирование социалистического строительства на научной основе. ЦКК—РКИ не просто контролирует, а учит (и сама, разумеется, в первую очередь учится) научной организации управленческого труда, принимает участие в улучшении всего аппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая низшими.

В течение некоторого времени Ленин выступал против предложения Троцкого о придании законодательных функций Госплану, считая, что может возникнуть неувязка в системе законодательных учреждений. Но потом Ленин приходит к выводу, что права Госплана могут быть расширены, так как он, представляя собой совокупность сведущих людей — представителей науки и техники, обладает наибольшими данными для компетентного решения дел.

Ленин ратует за обязательность публикации отчетов хозяйственных учреждений, "...ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительном превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи". Граждане должны как можно больше знать и о политической, и о хозяйственной жизни страны — в этом залог правильной линии как в экономике, так и в политике.

И еще — В.И. Ленина волновал вопрос о строгом соблюдении социалистической законности... В письме Сталину для Политбюро "О "двойном" подчинении и законности" Ленин резко возражает против решения Комиссии ВЦИК о "двойном" подчинении прокуроров — центру и местной власти. Он отстаивает независимость прокурорского надзора как гарантию против нарушения законов всеми учреждениями и лицами вне зависимости от влияния учреждений и должностных лиц.

Таким образом, ленинская концепция построения социализма не сводилась, как это пытались изобразить (и не случайно) позднее, к индустриализации, коллективиза-

ции и культурной революции. Ее составной частью являлось также дальнейшее совершенствование политической системы советского общества в рамках пролетарской диктатуры и расширение ее демократических основ. Тем самым ленинская концепция построения социализма суживалась и схематизировалась. Вместо комплекса преобразований, включающего все сферы жизни общества (экономическую, социальную, политическую, правовую, национальную...) и учитывающего как внутренние, так и международные факторы, — только три.

В тревожном и роковом тысяча девятьсот двадцать девятом, позже вошедшем в историю нашей страны как год "великого перелома", Н.И. Бухарин выступил на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти В.И. Ленина. Доклад тогда же был издан под названием "Политическое завещание Ленина". Вновь он был опубликован только в 1988 году в журнале "Коммунист" (№ 2). В начале этого же года на страницах газеты "Правда" появились два интересных интервью с историком В.П. Наумовым (26 февраля и 25 марта). Заглавие гласило: "Ленинское завещание". И в этом же, 1988 году вышла книга Е.Г. Плимака "Политическое завещание В.И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение". Итак, мы вновь возвращаемся на крутом витке нашего исторического пути к последним работам В.И. Ленина, к сорок пятому тому его Полного собрания сочинений, к его пониманию коренных вопросов социалистического строительства. Возвращаемся, говоря словами одного из участников "круглого стола", посвященного теории социализма, журнала "Политическое образование" (1988. № 12), "...в свете того беспощадного самокритичного анализа, которому мы подвергли свою историю..."

Обратимся к уже упомянутой работе Н.И. Бухарина "Политическое завещание Ленина". Бухарин правильно замечает, что поставленные вождем революции главные вопросы социалистического строительства рассматриваются не с точки зрения преходящей конъюнктуры, а с позиции широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги исторического развития страны. Насколько действительное содержание ленинской концепции шире трех вычлененных из нее направлений, дают представление заглавия разделов доклада Бухарина. Перечислим их: I. Общая оценка нашей революции с точ-

ки зрения возможности социалистического строительства; II. Общее направление нашего развития и генеральная установка партии; III. Международная обстановка и ее оценка; IV. Основы нашей стратегии и тактики с точки зрения международной обстановки; V. Основы экономической политики; VI. Вопросы основных классовых отношений; VII. Вопросы культурного строительства; VIII. Вопросы госаппарата и государственного и партийного руководства. Конечно, и Бухарин в 1929 году не все увидел в "ленинском завещании". Тем важнее для нас сегодня глубокий и всесторонний анализ ленинского наследия.

В чем заключалась суть стратегического плана В.И. Ленина начала 20-х годов? В одновременной реализации двух целей: строительства социалистического общества и преодоления экономической и культурной отсталости Советской страны. С помощью передовой надстройки — социалистической идеологии и государства — необходимо подтянуть страну до высшего уровня, достигнутого мировой цивилизацией. Социалистическое общество в представлении классиков марксизма-ленинизма по всем параметрам — экономической эффективности, культурным достижениям, богатству духовной жизни, социальной защищенности человека, демократическому облику — должно превосходить самое высокоразвитое капиталистическое. При этом следует иметь в виду: поскольку речь идет о социалистической стране, находящейся в капиталистическом окружении, стране, которой угрожают военная опасность и реставрация капитализма, то вероятно не только соревнование, но и противостояние двух систем, что, естественно, требует оборонных усилий и организации социалистического общества с учетом этого обстоятельства. Социалистическое общество в одной стране, таким образом, является в известном смысле изолированным, а строительство социализма ведется автономно, за счет своих собственных источников и резервов с учетом сохранения и укрепления его обороноспособности.

Да, для создания социализма, рассуждает В.И. Ленин в работе "О нашей революции", требуется определенный уровень культуры, цивилизованности. Но ведь можно на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя "двинуться догонять другие народы". Наша партия, подчеркивал Ленин в "Письме к съезду", опирается на два

класса. От активного и сознательного участия этих двух классов в строительстве нового общества, от их добровольного союза и зависит успех дела социализма. Решающей предпосылкой этого успеха является поддержка и укрепление союза рабочего класса и крестьянства, основанного на доверии крестьянства к рабочей власти. Индустриализация не только не должна ослаблять этот союз, но призвана его спланировать, удовлетворяя интересы крестьянства в сельскохозяйственной технике, промышленных товарах, культурных запросах. Таким образом, индустриализация связывается с повышением производительной и общей культуры села, материальным улучшением крестьянской жизни. В свою очередь, крестьянство, не снижая жизненного уровня, помогает индустриализоваться стране, являясь источником денежных средств и сельскохозяйственной продукции. Смычка между индустрией и крестьянскими хозяйствами, по замыслу Ленина, происходит в результате кооперирования. Крестьянство идет к социализму через кооперацию. Переход к новым порядкам, подчеркивал Ленин в работе "О кооперации", осуществляется *"путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина"*. Втягиваясь в торговые отношения с социалистической промышленностью не как единоличник, а через кооперацию, крестьянин, с одной стороны, руководствуется собственной выгодой, а с другой — создает строй цивилизованных кооператоров, который в условиях диктатуры пролетариата при общественной собственности на средства производства и есть строй социализма.

В ленинской концепции построения социализма индустриализация и кооперирование означали максимальное выражение и согласование интересов обоих трудящихся классов. Это согласование политически осуществлялось через систему совершенствующегося народовластия в форме Советов.

Важнейшей частью ленинской концепции построения социализма было также создание добровольного союза наций. Учету всех национальных интересов в общем интернациональном союзе Ленин придавал не меньшее значение, чем учету интересов классовых. Примечательно, что он говорит не только о необходимости доверия крестьянской массы к рабочей власти, но и о необходимости полнейшего доверия между входящими в союз народами.

Народы нашей страны, получив от Советской власти национальную независимость, стремились к объединению. Их собственные классовые и национальные интересы требовали максимального сплочения, объединения в равноправную семью.

В.И. Ленин настоятельно требовал внимания к национальным проблемам, предупреждал о том, что истинно марксистский подход обязывает коммунистов никогда не относиться формально к национальному вопросу. Определяя магистральный путь единения народов в рамках единого многонационального государства, вырабатывая оптимальные формы такого союза, он видел составляющие суть этого пути в полной добровольности союза свободных народов, их не только юридическом, но и фактическом равноправии, свободном развитии каждой республики и национальности в многонациональном братском союзе, настойчивом воспитании интернационального сознания.

Мучившие Ленина на рубеже 1922 — 1923 годов вопросы дальнейшего социалистического строительства и положения в партии продолжали позже волновать и лучших представителей ленинской гвардии. За 17 дней до смерти, 3 июля 1926 года, Ф.Э. Дзержинский пишет В.В. Куйбышеву о тревожных мыслях, которые не дают ему покоя, "излучаются и заражают". "Я всем нутром протестую против того, что есть", — признается он с горечью "дорогому Валериану". В разгар борьбы с "новой оппозицией" Дзержинский не решается выступить с публичной критикой недостатков и упущений в политике партии. Не решается из опасения, что такие выступления, по его мнению, "могут укрепить тех, кто наверняка поведут и партию, и страну к гибели, то есть Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова". Не хочет потому, что боится нанести вред единству партии, в котором видит залог решения задач социалистического строительства.

Дзержинского волнует отсутствие правильной линии в управлении страной и хозяйством. Существующая система управления, заявляет Дзержинский, — "пережиток", "функциональные комиссариаты с их компетенцией — это паралич жизни и жизнь чиновника-бюрократа". Перед страной и партией стоят величайшие проблемы, на которые нет ни времени, ни сил. И время и силы уходят не на главное. Дзержинский чувствует, что нужен

какой-то прорыв: "...из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии".

В этом письме, а также в записке, написанной Куйбышеву в марте 1926 года, Дзержинский обеспокоен чрезмерной централизацией, которая ведет к снижению ответственности "ведомств, учреждений и предприятий". Он констатирует, что у нас сейчас за все отвечают СТО (Совет Труда и Оборона создан в апреле 1920 г. для согласования деятельности всех ведомств в области хозяйственного строительства и обороны) и Политбюро. Дзержинский возражает против дальнейшего расширения прав ЦКК—РКИ. Это, предостерегает он, приведет к упразднению конституционных прав других государственных и хозяйственных органов и может стать "источником произвола". Люди, на которых можно возложить ответственность, "утопают в согласованиях, отчетах, бумагах, комиссиях". А между тем голые приказы не достигают цели. Наш главный враг, подчеркивает Дзержинский, — некультурность и неумение исправлять зло. Надо "воспитывать и находить работников и формировать руководящие органы, а не приказывать исправлять зло". В заключение своего письма Дзержинский пророчески предупреждает, что если не будет найдена правильная линия и взят нужный темп, то "страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме..."

Тревоги и опасения Дзержинского, как показало дальнейшее развитие исторических событий, к сожалению, оправдались. В вышедших в 1988 году публикациях советских обществоведов, переосмысливающих наше прошлое, убедительно доказано, что в ходе социалистического строительства с середины 20-х до конца 30-х годов так и не были найдены ни та правильная линия, ни те нужные темпы, на обретение которых надеялся Дзержинский. И партийное руководство в целом, и сосредоточивший в своих руках необъятную власть Генеральный секретарь не оказались на высоте задач, поставленных Лениным перед советским обществом и большевистской партией.

Выполнение важнейших ленинских заветов (о необходимости перемен в политическом строе, о создании строя цивилизованных кооператоров на основе осознанных классовых и личных интересов, о развитии самостоятельности трудящихся масс и реального народовластия и

т.д.) было предано забвению. Ленинская концепция построения социализма упрощенно и односторонне, а зачастую и извращенно истолковывалась в ходе внутрипартийной борьбы, пока это истолкование не превратилось в монополию Сталина. В практике ленинская концепция построения социализма трансформировалась в сталинское подхлестывание индустриализации и насильственной коллективизации. Ленинские идеи народовластия и социалистической законности не были реализованы. В Советской стране утвердился сталинский политический режим. Культ личности гениального Вождя не знал никаких границ.

“ЧТОБЫ НИЧЕЙ АВТОРИТЕТ...”

25 января 1923 года в “Правде” появилась ленинская статья “Как нам реорганизовать Рабкрин”. В ней был абзац, из которого при публикации было опущено всего несколько слов, всего несколько, но слов принципиально важных: органы партийного контроля, представленные широкой партийной общественностью, должны присутствовать на каждом заседании Политбюро, чтобы “следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК (выделенный текст был изъят. — *Авт.*) не мог помешать им... добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дела”. А 28 марта 1923 года за подписью Андреева, Бухарина, Дзержинского, Калинина, Каменева, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Сталина, Томского, Троцкого в адрес секретарей губкомов направляется письмо, в котором фактически дезавуируется данная ленинская работа (а по существу, как показали последующие события, предаются забвению и другие ленинские заветы): мол, пишет больной человек, пишет нечто вроде дневника. От реальной жизни он оторван, в работе партийных органов не участвует. Так уже при жизни Ленина люди, претендующие на роль его преемников, начинают политическое маневрирование.

Мысли, к которым Ленин пришел за годы своей политической деятельности, предназначались партии, всем ее членам. Но в партии уже сложилась группа лидеров, строивших амбициозные планы овладения партийной властью. Оперативно получая доверительную информа-

цию о содержании последних ленинских записей, потенциальные “вожди” хотели максимально обезопасить себя на будущее, которое они видели по-своему.

В.И. Ленин тяжело болен. Но его авторитет в партии огромен. И это прекрасно понимают метившие в вожди. Высказывания и предложения Ленина могут стать преградой на пути к власти. Необходимо укреплять собственные позиции, мобилизуя все имеющиеся средства для нейтрализации критических замечаний Ленина. Наглядно это проявляется в утаивании от партийных масс содержания ленинского “Письма к съезду”. Сегодня в нашей литературе иногда высказывается мнение, что партия в целом была достаточно знакома с этим документом. Мол, зачитывали его на съездах, рассылали материалы по каналам партийной информации. Можно еще добавить: этот документ был опубликован в бюллетенях XV съезда партии.

Что же помешало руководству просто-напросто огласить его на XIII съезде и широко распространить? Почему впоследствии не было откровенного разговора об этом завещании, его обсуждения в партии? Почему в тридцатые годы репрессировали тех, у кого находили этот документ? Ясно, что такой текст был опасен для антидемократических, узурпаторских замыслов и его необходимо было как-то блокировать.

Сегодня наше внимание все больше привлекается к группе коммунистов, деятелей высшего эшелона партии, которых мы называем “ленинское окружение”. Нельзя не

* Наверное, нуждаются в более точном определении понятия, которыми сегодня широко оперирует наша общественная мысль: ленинское и сталинское окружения, партийная гвардия. Выскажем только некоторые общие соображения на этот счет. Партийную гвардию составляли члены большевистской партии, вступившие в нее до Октября 1917-го, наиболее полно выражавшие революционные традиции. В ленинское окружение входили те представители партийной гвардии, кого Ленин хорошо знал лично, с кем непосредственно сталкивался в своей деятельности, с кем делал революцию, создавал партию, кому лично доверял. Сталинское окружение с середины 30-х годов составили в подавляющем большинстве “его люди” — сверхдисциплинированные аппаратчики, беспрекословные исполнители воли “вождя”. Правда, следует учитывать и динамику процесса складывания разных окружений. Имел место и своеобразный “перелив” одних и тех же людей из одного окружения в другое с соответствующей трансформацией их взглядов и позиций. Как справедливо отметил А. Бутенко (Неделя. 1988. № 38), важнейшей функцией сталинского окружения было предание режиму культа личности видимости коллегиальной власти, коллективности руководства.

признать их общей вины за то, что случилось после смерти Ленина. Сталин сначала сам был лишь одной, и не самой внушительной, фигурой в этом окружении. На него, держащего в руках партийный аппарат, возлагались определенные надежды Зиновьевым и Каменевым в пресечении попыток Троцкого стать первым в партии. У них были свои расчеты в начатой политической игре, тоже противоречившие реализации ленинского завещания. Может быть, поэтому партии была навязана именно такая процедура ознакомления с его текстом. Она давала возможность сокрытия от большинства коммунистов заложенной в ленинском письме важнейшей политической информации и ограничивала формирование их отношения к нему. Этому способствовали и другие ведущие деятели партии 20-х годов, хотя, возможно, руководствуясь иными соображениями. Вот, например, мнение А. Микояна, что XIV съезд "не нуждается в напоминании о том, кто наши вожди, какие они, у кого какие недостатки. Ильич так крепко написал об этом, что это из нашей памяти не уйдет... Но раздевать друг друга перед всей страной, перед всем миром, — зачем это, в чью это пользу?" Действительно, в чью? Может быть, Микоян ответил на это конкретно? Но нет, опять: "Вы думаете, мы не знаем, кто такой Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие. Мы очень хорошо это знаем... Но дискредитировать наших вождей перед мелкобуржуазной массой — зачем это?" Не правда ли, довольно своеобразное понимание партийной демократии, гласности, за которое страна, как мы теперь знаем, заплатила слишком дорогую цену.

Никак, ну просто никак не может вписаться в ленинское понимание демократии само появление групповщины в высших звеньях партийного и государственного руководства. Сталин, Зиновьев и Каменев против Троцкого. Стремясь соорудить заслон рвущемуся к власти Троцкому, они становятся на чрезвычайно опасный путь узурпации мнения и воли всей партии. Начинает складываться система, отражающая личные интересы и политические амбиции ряда "вождей". Вместо механизма коллективного разума и действия, предложенного Лениным в его политическом завещании, — "тройка".

Несомненно, сам факт возникновения в руководстве Коммунистической партии такого явления, как "тройка", — своеобразного политического института, претен-

дующего на коллективную узурпацию власти, — знаменовал собой чрезвычайно тревожный симптом. Из истории древнеримских "триумвиратов" известно, что они, как правило, отражали собой определенный переходный рубеж в борьбе за единоличную власть, пока окончательный лидер не определился. Историкам и политологам еще предстоит провести скрупулезный анализ взаимоотношений между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым. Особо пристальное внимание, на наш взгляд, должна привлечь фигура Григория Зиновьева. Не был ли он одним из наиболее ярых претендентов на роль такого "вождя"? Чрезвычайно показательна его статья в "Правде" от 7 ноября 1923 года — "Новые задачи партии". В ней он писал, что "главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предreshенными. Это суживает творчество всей массы членов партии...". И хотя далее Зиновьев призывал соблюдать "святость" принципов демократии, усиливать свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам, коллективно подытоживать опыт в партии, он, говоря "у нас" и подразумевая партию в целом, стремился переложить на нее вину за имевшиеся отступления от принципов демократии. А антидемократизм начинался с этой самой "тройки". И сама личность Григория Зиновьева, его практическая деятельность, как нам представляется, весьма слабо ассоциируются со словом "демократия". Авторитарное начало было выражено в нем не менее, чем в других претендентах на роль "вождей". Думается, именно по его адресу Томский позже, на XIV съезде, сделал точное замечание: немножко демократии всегда украшает сановника в оппозиции. Антон Антонов-Овсенко, сын В.А. Антонова-Овсенко, приводит следующий факт. В начале 20-х годов на одном из собраний помощник Антонова-Овсенко по Главпуру Дворжец начал полемизировать с Зиновьевым. Спустя несколько дней он был арестован и сослан на пять лет.

Все эти факты показывают, что коллективное руководство в партии уже тогда не было деформировано. Закладывался тот отрицающий ленинскую демократию механизм "вождизма", в рамках которого затем стал возможен режим личной власти Сталина.

Размышляя о наиболее общих причинах появления в

нашей партии и государстве "вождизма", хотелось бы сформулировать некоторые общие соображения об объективных и субъективных сторонах этого явления. Его социально-экономические корни связаны прежде всего с объективными трудностями строительства социализма в Советской стране. К ним следует отнести исходные социально-экономические и культурно-исторические рубежи для социалистического строительства в стране с недостаточно развитой по критериям того времени промышленностью, с особенно отсталым сельским хозяйством, с многоукладностью экономики, включающей в себя патриархально-натуральный уклад многих национальных районов, с чрезвычайно низкой грамотностью населения и узким слоем образованных специалистов. Отсутствовал опыт строительства социализма, сказывались неизбежные издержки пути первопроходцев. Низкий уровень политической культуры масс, в том числе и членов партии, отсутствие демократического опыта и традиций усугубляли положение. В широких слоях достаточно глубоко "сидела" традиция, привычка возвеличивания людей, стоящих во главе государства.

Взятие Сталиным курса на форсирование индустриализации и коллективизации с явным преобладанием насильственных методов создало особые политические условия, в которых проходило социалистическое строительство: суперцентрализация порождала возможность сосредоточения необъятной власти в высших политических эшелонах.

Значительная часть масс, в том числе и партийных, ждала сразу после победы революции чуда социализма, их революционное нетерпение оправдывало чрезвычайные меры.

Все это, однако, вовсе не означает неизбежности того, что случилось. Да, были объективные факторы, был определенный социально-психологический фон, на котором могла вырасти ядовитая поросль культа личности. Но она могла и не вырасти. И, скорее всего, не выросла бы, если бы ленинские заветы были выполнены его наследниками.

К сожалению, объективности и принципиальности не хватило очень и очень многим. Конечно, политические страсти не могут идти по сценарию семинара в институте благородных девиц. Здесь вполне возможны пере-

хлесты, эмоциональные преувеличения. Но, знакомясь с материалами съездов партии, еще и еще раз убеждаешься, как постепенно уходило из них уважение к оппонентам, умение выслушать мнение товарища по партии. Как начинают буквально затыкать рот оппозиционерам — и подлинным, и мнимым (а кто кем был историческая наука еще должна сказать), обрывают, забрасывают оскорблениями. Как состязание не в убедительности и аргументированности позиции, а в удачно подобранном образе, уничижающем оппонента как личность, становится хорошим тоном, нормой разговора даже с теми, кто пришел в партию гораздо раньше и уже доказал преданность социалистическим идеям в иных условиях.

По мере того как идейная борьба все более из теоретической превращалась в борьбу за политическое лидерство, менялась и тональность дискуссий. Тезисы и фразы становятся политическими ярлыками. Слова "правый" и "левый" каждый раз произносятся в разных контекстах, разных системах идейных и политических координат и фактически каждый раз становятся неадекватными понятиями. На полях "Краткого курса истории ВКП(б)" под редакцией Ем. Ярославского Сталин заметит: "Правые" и "левые" в конечном счете — единая суть". Это он повторит еще: "Правые и левые оппортунисты — единая суть". По мере того как политика превращалась в политиканство, логические аргументы в спорах, а нередко и принципы элементарной человеческой порядочности отступали на второй план. В таких условиях нарастала цепная реакция беспринципных поступков.

С 1927 года меняется характер внутрипартийной борьбы: поле ее суживается, она все менее затрагивает партийные массы и все более сосредоточивается в сравнительно узком кругу функционеров, а лозунг "борьбы" уже предопределяет ее исход — разгром. Писатель Лев Разгон вспоминает, что в середине 20-х годов не только партия, но и комсомол принимал активное участие в идейно-политических дискуссиях: "В производственных ячейках комсомола большинство поддерживало ЦК партии, считая, что необходимо продолжение ленинского курса. Многие же студенты, к примеру в МГУ, считали правильной ультрареволюционную платформу Троцкого... Друг шел на друга, раскол проходил по семье, расходились самые близкие люди... После декабря 1927 года

нас, комсомольских активистов, отстранили от этой борьбы и сражаться с оппозицией стали не столько партийцы или комсомольцы, сколько ГПУ”.

Чтобы понять глубинные процессы постепенного свертывания демократии, нельзя ограничиться ссылками на международное положение или на субъективные черты партийных лидеров. Необходим анализ и социального состава партии, определение образовательного уровня, политической культуры коммунистов того поколения. Никак нельзя хоть в чем-то умалить искреннее желание тысяч людей вступить в партию, строящую социализм. Особенно после смерти человека, олицетворявшего собой это великое дело. Этот процесс, осуществлявшийся как кампания, что допустимо в военных условиях, когда “выгода” от вступления в партию одна — в праве выйти первым на смерть, в тех условиях нес в себе неминуемые издержки. В партию вошло много людей честных и преданных идее социализма, но по своему уровню не готовых еще к восприятию сложнейшей диалектики ленинизма. Многие были предрасположены именно к драке, к крикам, к “единодушному” одобрению или осуждению.

В раздумьях о причинах появления в партии культа вождя, а затем одного вождя, нельзя не указать не только на политические амбиции группы лидеров, но и на своеобразный политический конформизм “второго эшелона”, именно тех, кто выполнял принятый партией курс. Слово конформизм при этом не должно сразу рассматриваться как негативная маркировка. У большевистской партии, выросшей и боровшейся в условиях подполья, были свои, и немалые, традиции. Именно дисциплина отличала ее от ряда других политических организаций, выковывала стойкость и обеспечивала успех стратегии и тактики. Без этого вряд ли возможна была бы победа в революции. Партия сохранила сплоченность, став правящей. Но, очевидно, после смерти Ленина понимание дисциплины и свободомыслия начало принимать несколько иные контуры. Оно стало отождествляться с единомыслием и одинаковым поведением. Единая линия — по единой линейке. Идеиные разногласия становятся поводом к разрыву давних личных отношений. Начинает теряться какой-то нравственный момент, который отличал партию при жизни Ленина даже в периоды самых горячих споров.

Многое, на наш взгляд, проясняет разговор корреспондента “Огонька” (Огонек. 1988. № 27) с членом партии с 1918 года З.Н. Немцовой, дочерью видного участника революционного движения и социалистического строительства, выросшей и сформировавшейся в среде старой большевистской гвардии. Переосмысливая прошлое, Зинаида Немцова видит вину старой гвардии в том, что она сдерживала выступления против Сталина. Арифметическое большинство имел Сталин — следовательно, партийный долг понимался как его полная поддержка. Бухарина же любили, но борьбу против него поддерживали, поскольку он находился в меньшинстве. А если речь шла о “проигравших”, то они, считалось, должны были отказаться от своих убеждений. Такая позиция объясняется Немцовой как верой в правильность принятой линии, так и воспитанной суровым временем строжайшей исполнительской дисциплиной, непримиримостью и максимализмом.

Еще раз повторим — высокомерно осуждать кого-то за такое поведение теперь вряд ли правомерно и этично. Иное время, иные воззрения и психология. Но высказать сегодня отношение к поведению людей историк может и должен.

А ведь тип партийного руководителя, сформированный революцией, традициями большевизма, был далек от сложившегося впоследствии стереотипа. Сошлемся на свидетельство человека, которого вряд ли можно упрекнуть в “чрезмерной” пристрастности к нормам внутрипартийной демократии.

В своей речи “О Ленине” (1924 г.) Сталин, вспоминая о том, как лидер партии дорожил мнением ее большинства, обратил внимание на то, что Ленин никогда не становился пленником этого большинства, особенно когда последнее не имело под собой принципиальной основы. Когда мнение большинства или сиюминутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата, Ленин решительно выступал в защиту последних. И далее Сталин приводит ленинские слова: “Принципиальная политика есть единственно правильная политика”. Конечно, обманываться на счет сталинского понимания данного вопроса не стоит. Возможно, произнося эти слова, он резервировал для себя потенциальную позицию в борьбе с той частью партии, которая станет сопротивляться укреплению режима его лич-

ной власти. Скорее всего, именно так и было. Но в данном случае нас интересует другое — представление о личности политического лидера. Очень существенно его дополнил С. Орджоникидзе в характеристике Н. Бухарина, данной на XIV съезде ВКП(б). "Товарищи, — сказал он, — если бы у других вождей наших была бы та великодушная черта, которая имеется у Бухарина, когда он не только имеет смелость высказывать свои мысли, даже и тогда, когда это идет вразрез со всей партией, но он имеет смелость открыто заявлять о своих ошибках... нам было бы тогда легче ликвидировать наши спорные вопросы". И добавил: "А любой из наших дорогих вождей, конечно, не застрахован от ошибок". Принципиальность, самостоятельность мышления, самокритичность и уважение к позиции другого — высокоценные и еще не утраченные, как мы видим, черты партийного лидера начала 20-х годов.

10 ноября 1917 года в "Рабочей газете" было опубликовано письмо члена РКП(б) А. Лозовского — его заявление в большевистскую фракцию ВЦИК. Через все письмо проходил рефрен — "я не могу молчать" и... обвинение ленинской партии, политики Центрального Комитета, якобы ведущей к "гражданской войне", "режиму штыка и сабли", "расколу в рабочем движении" и т.п. Тяжкое, эмоциональное, но притом искреннее письмо страдающего душой партийца. А. Лозовского исключают из рядов РКП(б). Вернувшись в партию, он с 1921 года занимает пост генерального секретаря Профинтерна.

Интересны опубликованные в 1924 году воспоминания А. Лозовского, после исключения из большевистской партии возглавившего небольшую организацию социал-демократов-интернационалистов, существовавшую до декабря 1919 года. В начале 1919 года в этой организации резко усилилась тенденция к слиянию с РКП(б). А. Лозовский решил встретиться с Лениным, чтобы поговорить о возможности привлечения к государственной работе ряда интернационалистов. "В мае 1919 года, сговорившись предварительно по телефону, я отправился к Ленину. Принял он меня очень дружелюбно, причем казалось, будто бы он совершенно не помнит, как резко я выступал против него. Осведомившись о том, где я сейчас работаю, он спросил меня: "Верно ли то, о чем мне говорил Кржижановский, что у вас, интернационалистов,

имеется 10—15 работников, которые недостаточно использованы Советской властью?" "Да, это верно", — сказал я. "Но почему же они не работают?" "Они работают, — ответил я, — но не на той работе, которую они могли бы делать, и исключительно потому, что они не члены партии". "Нехорошо, нехорошо, — сказал он. — Надо запрячь всех умеющих работать. Такое сотрудничество будет очень ценным". Это ли не яркий пример реализации концепции взаимодействия, а не конфронтации!

Обратимся к другому типу исторического источника — литературному. В историческом романе кабардинского писателя Алима Кешокова "Вершины не спят" даны образы двух диаметрально противоположных типов руководителей, сформированных революцией. Один из них — крупный партийный работник. Другой — просветитель, педагог и ученый. Оба они участники гражданской войны, сражались за власть Советов. Оба искренне преданы идеям преобразования жизни, строительства нового общества. Но в то же время Маремканов и Матханов — своего рода антиподы. Нетерпимый к тому, что мешает, и к тем, кто мешает, хотя бы лишь потому, что иначе мыслит, Маремканов готов воспользоваться "чистой" партийных рядов, чтобы убрать с дороги своего вечного оппонента. Он прибегает к откровенной демагогии, спекуляции на идеях социализма:

— Кто вышел из темноты, у того долго темно в глазах. Ты, Казгирей, всюду видишь тени и не понимаешь, что на Соловки идут те, кому не по пути с народом, кто не хочет, чтобы народ видел дальше ярма на арбе, кто не хочет, чтобы на полях Кабарды шумели тракторы, а хочет, чтобы кабардинцы пахали на волах, по пятницам сидели в мечети. Нет, этого не будет!.. Нет, товарищи, нельзя остановить колесо истории. А мы с тобой только спицы в этом колесе, и колесо не остановится, если из него выпадет гнилая спица.

Матханов, отвечая ему, призывает "менять оружие борьбы":

— Грубая сила уступает место разуму, ибо началась борьба за сердце и души людей. Социализм — произведение величайшее, произведение, создаваемое умом и талантом народа. Бить в душу кулаком — только повредить делу... Можно ли зазвать людей на дорогу, которая пожитая по тропам ближних? Человек предпочитает самостоятельно выбирать дорогу. Об этом говорится даже

в сказках и легендах всех народов. Не нужно людям навязывать выбор...

Но Маремканов уже не может "менять оружие борьбы". Этот руководитель слепо верит в действенность силы и в мудрость Сталина. Тезис об обострении классовой борьбы находит горячий отклик в его сердце. Маремканов спрашивает себя: могут ли люди одной политической партии быть идейными противниками? И приходит к мысли, что прав в своей непримиримости, а правый должен победить, потому что правда дает ему право первого выстрела. "Сталин, — рассуждает Маремканов, — служит мне примером, с ним я всегда сердцем согласую свои решения, и в этом я чувую свою силу, поэтому и беру на себя смелость отождествлять свою волю с волей народа и партии... Верность партии Ленина — Сталина, верность самому Сталину для меня превыше всего. Если бы мой отец встал из могилы и действовал бы против партии, я не пощадил бы его..."

В созданных стереотипах вождизма все более упрочивалась "генеральная" идея — главного Вождя. Очень рельефно это выразил Ворошилов в своем выступлении на XIV съезде партии. Называя Сталина "главным членом Политбюро", он заметил: "Товарищу Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро". Вот так и не иначе! "Природная" и "роковая" предрасположенность к высшей должности.

Свою лепту в процесс выдвижения Сталина внесли Бухарин, Киров. Да и не только они. А как защищал его от нападок оппозиции тот же Рыков! В статье "Положение внутри партии", представлявшей собой выдержку из его доклада 20 ноября 1927 года на X съезде Компартии Украины, он прямо заявил: "О Сталине же сказано, что он груб в обращении. Нет ни единого слова, никакого упоминания нет в письме Ленина о том, что Сталин когда-либо показал себя несостоятельным в политическом отношении". Выражения "диктатор Сталин", "сталинский метод", по мнению Рыкова, "являлись злостной и гнусной клеветой на всю партию и на т. Сталина". В Политбюро, по его мнению, царил дух коллегиальности. Ошибочность своих доводов Рыков испытал через десять лет отнюдь не на дискуссионной трибуне.

Мы называем в одном ряду тех, кто когда-то стоял рядом, но чьи судьбы сложились совсем по-разному. Правильно ли это?

Уже говорилось о том, что, как ни прискорбно это создавать, но факт остается фактом — сами представители ленинской гвардии вольно или невольно способствовали делу свертывания демократии. Разве не случилось, что они призывали к "выкручиванию рук" своим противникам, разве не они активно пускали в ход политические обвинения против своих оппонентов и приклеивали им ярлыки? А кто прославлял и прославлял многократно Сталина — не они ли, не Киров, не Бухарин, не Рудзутак?

Неправомерна и идеализация явлений предвоенного периода жизни страны. Бытующие иногда образы "хорошей массы" и плохих вождей, честных рядовых коммунистов и "перерожденцев-лидеров" нуждаются в проверке глубоким социальным анализом.

Взять того же Николая Бухарина. Как легко мы из очерненного образа делаем абсолютно обеленный! Конечно, когда извлекаются из исторического прошлого забытые и вычеркнутые имена, идет реабилитация жертв сталинских беззаконий, сама постановка вопроса о том, что и они несут часть ответственности за случившееся, в какой-то мере неэтична по отношению к памяти этих людей.

Но с точки зрения истории данный вопрос обойти невозможно. Конечно, мы понимаем, что подходить к нему необходимо с мерками не сегодняшнего дня, а тех лет. А у "тех лет" были свои, имевшие часто мало общего с нашими последующими, измерения. Так, в середине 20-х годов отношения между Троцким и Бухариным были, может быть, более непримиримыми, чем между Сталиным и Троцким. Троцкий видел в Бухарине наиболее серьезного теоретического оппонента. Бухарин же был искренен в поддержке Сталина, пока считал, что тот борется за ленинское дело. Да, ошибки были у многих. Однако цена им — разная.

Разными были и сами ошибки. Неодинаковы их причины, мотивации. Одно дело — заблуждения в поисках истины, искреннем "горении" за дело своей жизни. Другое — "безошибочная" игра на политической конъюнктуре, скрывающая за правильными словами опасную для судеб революции и социализма позицию. И среди тех,

кто поддерживал Сталина, и среди оппозиционеров были фигуры, принадлежавшие к этим обеим категориям людей. Возвращение к правде истории требует поименного не обеления ряда партийных и государственных деятелей, а "отбеливания" от того, что налипло на них в результате фальсификации истории.

Обратимся к такой крупной политической фигуре, как Христиан Раковский. Известный деятель румынского, болгарского и российского революционного движения. Занимал ответственные партийные и государственные посты у нас в стране. Исключался и восстанавливался в рядах ВКП(б). Находясь после XV съезда партии в ссылке в Астрахани, в августе 1928 года пишет письмо своему товарищу. В нем ставится проблема "власть — партия — рабочий класс". Рассматривая ее, Раковский оперирует понятием "профессиональный риск" власти. Когда рабочий класс захватывает власть, поясняет он, известная часть этого класса превращается в "агентов самой власти". "В пролетарском государстве, где капиталистическое накопление не позволено для членов правящей партии, упомянутая дифференциация является сначала функциональной, но потом превращается в социальную. Я не говорю — классовую, а социальную. Я имею в виду, что социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения коммуниста, работающего в угольных шахтах..." Далее Раковский размышляет о том, как избежать такого положения, когда формирующаяся в государстве бюрократия станет опасной для самой пролетарской диктатуры. Всегда нужно исходить из той предпосылки, замечает он, что политическое воспитание партии и рабочего класса — дело трудное и длительное, тем более что сознание трудящихся нужно чистить еще и от засорений, которые внесла в него "наша советская и партийная действительность и наша партсоветская бюрократия". Самая идеальная советская конституция, по мнению Раковского, не в состоянии гарантировать рабочему классу беспрепятственное применение своей диктатуры и своего классового контроля, если он не умеет использовать конституционных форм и прав. Заметим, что обход конституционных прав обнаружил себя уже во второй половине 20-х годов. Тогда часть оппозиционеров была арестована. В сознание партийных и более широких масс

этим самым внедрялась мысль об "оппозиционных преступлениях" как о государственных преступлениях. Так постепенно в массовом сознании и социальной психологии создавались предпосылки для развертывания репрессий в 30-е годы.

Конечно, у различных оппозиционных группировок объективно были ошибки и просчеты, но было и немало верных суждений, вскрывающих негативные процессы действительности того времени. Необходим самый тщательный анализ, в ходе которого можно было бы установить, в чем взгляды той или иной оппозиционной группы расходились с ленинской концепцией построения социализма, а в чем они входили в противоречие не с ней, а с ее сталинской деформацией. Критикуя эти группы, мы должны суметь отделить тех, кто был незаслуженно обвинен в антисоветизме, будучи на деле в оппозиции не идее социализма, а ее искажению на практике.

Вообще, уже начавшийся на страницах советской печати разговор о "демонах революции", на наш взгляд, подводит к мысли, что если уж и идти по этому сколу, то, наверное, следует иметь в виду не только Троцкого, но и Сталина. В отношении тех, кто по разным причинам и на разных этапах примыкал к Троцкому или кого "примыкали" по причинам вполне определенным, то и здесь однозначности нет. По мере того как идейная борьба перерастала в личное противоборство, а реальная практика входила в противоречие с провозглашаемыми принципами, ряд участников оппозиции, критикуя сталинизм, невольно, а может быть, и вполне искренне возвращались к ленинской концепции. Пример с Раковским показывает, что, будучи исключенными из рядов партии, многие оппозиционеры не переставали ощущать себя настоящими большевиками. Мучились, думали о судьбах страны, ее социалистическом будущем.

Складывание культа личности шло параллельно с наступлением на демократические принципы партии, плюрализм мнений, критический подход к оценке политических решений. Одной из самых важных проблем для правящей партии после победы социалистической революции стала проблема соотношения демократии и дисциплины.

Ленинские требования к единству партии и ее руководящих органов базировались на идее широкой демократии. Партии не требовалось механическое единство

оловянных солдатиков. Ленинское Политбюро было в целом представлено высокообразованными людьми, имевшими свою точку зрения и собственную позицию по принципиальным вопросам, обладавшими культурой проведения дискуссий.

Мы незаслуженно забыли свой первый опыт партийной демократии 20-х годов. Даже в условиях гражданской войны, когда демократические нормы партийной жизни были весьма ограничены, VIII конференция РКП(б), состоявшаяся в декабре 1919 года, принимает меры к реальному расширению гласности. Конференция обязала Центральный Комитет партии не реже одного раза в месяц рассылать губернским и столичным комитетам партии письменный отчет о своей деятельности.

В начале 20-х годов эта гласность наглядно проявлялась в достаточно широко налаженной системе информации, причем как позитивного, так и негативного характера. В газетах публиковались данные о том, кто персонально и за что был исключен из партии, всем гражданам предоставлялась возможность (за исключением анонимных заявлений) сообщать о проступках, порочащих звание коммуниста. Практиковалась процедура всенародного обсуждения кандидатур людей, подавших заявления для вступления в ряды партии. Проводились открытые партийные собрания, информация сверху оперативно сообщалась местным партийным комитетам. Однако постепенно, по мере роста и укрепления командно-бюрократической системы демократические принципы в партии стали свертываться.

Своеобразным инструментом борьбы с "вольностью" становятся сами трактовки понятий "воля партии", "коллективный разум" партии, которые постепенно приобрели характер манипулирования сознанием коммунистов с целью сделать их беспрекословными исполнителями принимаемых решений. Кто с чем-то не согласен — тот выступает против "воли партии". А "коллективный разум" понимается не по-ленински — как совокупное мнение партии, как диалектически целостная картина индивидуальных разумов, — а как нечто определенное сверху.

От имени подобной, фактически не подкрепленной демократическим механизмом "воли" творили самые черные дела сталинские аппаратчики. Когда в конце 60-х годов Твардовский говорил с бывшим секретарем Сталина

Поскребышевым, с достоинством разгуливавшим в престижном санатории вместе с другими отдыхающими, то вынес полное убеждение, что тот считает себя солдатом партии, с честью исполнившим свой долг. В интервью, данном в семидесятые годы журналистам, Молотов на вопрос о том, несет ли он ответственность за репрессии, твердо и спокойно отвечал: мы не всегда могли соблюдать формальности, но волю партии и народа мы никогда не нарушали. И добавлял: "Революция без жертв не бывает. Остальное — нюансы".

С начала 30-х годов инакомыслие вызывает решительный отпор в партийной прессе. Как "антипартийная, провокационная вылазка" правых и троцкистов квалифицируется вполне обоснованное выступление одной слушательницы Высших торгово-банковских курсов, в котором она говорила о возможности критиковать ЦК (в частности, за ошибки в проведении коллективизации), о том, что и "при Ленине ЦК ошибался, но тов. Ленин и ЦК признавали свои ошибки".

Борьба с инакомыслием становится как бы самоцелью. За ней теряются главные задачи деятельности партии. Когда в июне 1930 года на отчетно-выборном собрании сталелитейного цеха Коломенского завода практикант МВТУ Протасов (поддержанный остальными практикантами-партийцами) сказал, что "не следует заниматься правыми и левыми уклонами. Займемся лучше практическими вопросами из жизни партийной ячейки", то это выступление было расценено как "оппортунистическое".

Опасные последствия прогрессирующего процесса ограничения внутрипартийной демократии понимали, к сожалению, не все. Споря с Л. Каменевым на XIV съезде, М. Томский очень уверенно заявлял, что в партии "система единоличных вождей не может существовать", более того — "ее не будет, да, не будет". К. Ворошилов утверждал, что ленинские заветы о коллективности партийного руководства полностью реализованы, в партии царит полная демократия.

О том, что это далеко не так, в числе многих свидетельствует следующий пример. В новогоднем номере газеты "Правда" за 1929 год была опубликована заметка под названием "Уши топориком...". В такие моменты, когда мы наступаем по всему фронту, а классовый враг, отчаянно сопротивляясь, пытается играть на трудностях,

нам, партийцам, надо держать уши топориком, говорилось в ней. Причем обращалось внимание на то, что нельзя сваливать в одну кучу контрреволюционеров и коммунистов, отклоняющихся от генеральной линии партии. С первыми необходимо бороться через советские органы, а правый уклон следует разбить идейно. Но и это в конечном итоге оказалось не более чем словами. Журналист Юрий Феофанов в одном уральском городе в музее художественного литья увидел искусно сделанный, украшенный насечкой топор. Подарок областной партийной конференции 1929 или 1930 года. На правом лезвии была сделана насечка "руби правый уклон", на левом — "руби левый уклон", а на обухе — "бей примиренца". От "ушей топориком" до рубящего подряд всех "врагов" топора-символа путь был пройден быстро.

Слова об уважении к мнению каждого коммуниста становятся не более чем разменной монетой в идейной полемике новых "вождей" и их окружений. Своего рода переломным этапом стал XIV съезд партии. Накал страстей на нем достиг апогея. "Новая оппозиция" в деле определения стратегической линии, в нападениях на "подслащенный нэп" (выражение Зиновьева) была принципиально неправа. Отпор, который она получила, — заслуженный и своевременный. Но в постановке проблемы внутрипартийной демократии представителями оппозиции высказывалось много резонных соображений. О возможности гласно говорить и широко обсуждать проблемы партийной и государственной жизни, о коллективном руководстве партии. Однако их доводы не были услышаны. Вряд ли может украсить биографию Павла Постышева его метод ведения "полемик" и позднее: "К XV съезду мы видим главных рысаков оппозиции вне табуна большевистской партии. Большевистской дубинкой выгнали главнейших рысаков из своего табуна, а кой-кого загнали в особые стойла, правда, не с отбитыми печенками, а с хорошо помятыми боками". "В тюрьму", "под суд" — эти словечки широко употреблялись по отношению к идейным противникам. Лидеры "новой оппозиции" в Ленинграде, в свою очередь, используя влияние в ленинградском ОГПУ, в буквальном смысле слова запретили распространение резолюций XIV съезда. Опубликовавшие их центральные газеты в продажу не поступили.

На XIV съезде правильно отмечалось, что Зиновьев

очень много говорит о демократии и правах меньшинства, когда он в рядах меньшинства. Но, получив большинство, он начинает делать ставку на дисциплину.

Когда на X съезде РКП (б) обсуждался пункт резолюции "О единстве партии", Рязанов заявил: "Осуждая самым решительным образом всякую фракционность, съезд в то же время высказывается так же решительно против выборов на съезд по платформам". Ленин вступил с ним в полемику, отметив, что это пожелание неосуществимо. "Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем... Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд: а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира?.. Возможно, что тогда придется выбирать по платформам".

Резолюция "О единстве партии", принятая в чрезвычайный момент, когда все, в том числе и Сталин, признавали вынужденный характер ограничения партийной демократии, затем стала нормой, эталоном. Фактически в последующих интерпретациях этой проблемы стал делаться акцент на крайнюю меру — исключение из партии. Ленинское мнение о допустимости платформ практически не вспоминалось.

Не вспоминалось и о том, что ограничение демократии в партии было связано с определенным историческим этапом развития страны и должно было носить временный характер. В опубликованном 2 декабря 1923 года докладе "О задачах партии" Сталин говорил об ограничительных мерах в области демократии, которые должны "еще" остаться в силе. Через месяц с небольшим, выступая на XIII конференции РКП(б), он развил эту мысль, сказав о том, что пока не будет "развернутой" демократии, а будет демократия, очерченная рамками X — XII съездов партии. И назвал условия, делающие возможной внутрипартийную демократию: качественное изменение рабочего класса и наличие соответствующих международных условий. Указал на препятствия внутреннего порядка — пережитки военного периода, давление бюрократического государственного аппарата на аппарат партийный. Вроде бы все ясно. Но дело состоит в том, что многие ограничения демократии так и не были сняты.

Формально разговоры о демократии в партии велись,

но слово и воля Сталина стали для партии законом. Лебединой песней по коллективному руководству прозвучало выступление Рыкова на собрании Ленинградского партийного актива 30 ноября 1928 года. "В чем заключается работа Политбюро? — говорил он. — В том, чтобы мы обсуждали вопросы, спорили по ним и в результате обмена мнений выносили решения. Было бы непонятно, дико, странно, если бы этих споров и этого обсуждения не было, если бы мы все как один думали "тютелька в тютельку". При Ильиче и при его участии мы тоже спорили друг с другом, но ничего от этого, кроме хорошего, не происходило. Выработывая то или другое решение, мы, разумеется, к этому решению приходили не сразу, а после известного обмена мнений и т.д. Политбюро не было бы руководящим органом партии, если бы его членам достаточно было посмотреть друг на друга, чтобы у них получилось единомыслие по всем вопросам. Вы нас выбирали в ЦК, мы были выбраны в Политбюро — для чего? Для того, чтобы мы рассуждали, спорили и решали. Но если во всяких спорах видеть уклон, то поставьте тогда куклы или манекены. Но кто бы стал тогда за этих манекенов думать? Партия должна все решать и обсуждать, мы имеем право и обязаны обсуждать и спорить". Вопрос "кто бы стал за манекенов думать?" был скорее риторический. Ответ на него уже тогда подсказывала жизнь: Вождь!

Весьма показательна рецензия в одном из номеров журнала "Партийное строительство" за 1930 год (№ 1) на книгу Л. Самсонова "Как построена ВКП(б) и КП(б)У". Автор был подвергнут критике за то, что рассматривал партийный аппарат не как руководящий, а как исполняющий задания партии и ее органов. Между тем, подчеркивалось в рецензии, тов. Л.М. Каганович охарактеризовал партийный аппарат как хребет партии. Сейчас мы вновь возвращаемся к пониманию того, что становым хребтом ленинской партии являются ее первичные организации, а партийный аппарат — инструмент проведения в жизнь решений выборных комитетов.

В обстановке, когда демократия в партии и обществе была сведена на нет, а идейные противники уничтожались морально и физически, начал процветать метод политических доносов.

Читая "Послание пешехонцам" М.Е.Салтыкова-Щедрина, Сталин подчеркивает место, где говорится:

"Пишите, мерзавцы, доносы". Не притянут ли этот факт искусственно? Ведь выступая на февральско-мартовском Пленуме 1937 года и особенно на XVIII съезде ВКП(б), Сталин возложил ответственность за репрессии на "пробравшихся" к партийным и государственным должностям "вредителей". Какой изощренной демагогией исстот от слов А. Жданова на этом съезде! "Партия на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года и январском пленуме ЦК 1938 года осудила практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии... Эта практика, как известно, была широко использована проникшими в партию карьеристскими элементами, стремившимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, а равно замаскированными врагами внутри партии, стремившимися путем широкого применения мер репрессий перебить честных членов партии... Клевета на честных работников под флагом "бдительности" является в настоящее время наиболее распространенным способом прикрытия, маскировки враждебной деятельности. Неразоблаченные осинные гнезда врагов ищите прежде всего среди клеветников". Еще в 1936 году в "Правде" появилась статья Л. Берии "Развезать в прах врагов социализма". Издевательски перекорезывая ленинскую мысль о необходимости для коммуниста "знать все", будущий обер-палач призывал проникать "партийным оком" во "все углы и щели". На практике это выражалось в том, что нарком путей сообщения Л.М. Каганович писал доносы на весь свой руководящий аппарат, хотя другой нарком — А.И. Микоян, наоборот, спасал своих сотрудников от НКВД.

В ходе внутрипартийной борьбы на разных ее этапах в лагере оппозиции оказывались люди, отличающиеся друг от друга в понимании тех или иных вопросов, придерживающиеся не одинаковой политической линии. Но, как правило, они принадлежали к старой партийной гвардии. Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов в статье "Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина" (Вопросы истории КПСС. 1988. № 8) высказали, на наш взгляд, верную мысль, что Бухарин, попав в оппозиционеры, "отстаивал не только свои взгляды, он отстаивал еще и право старой партийной гвардии на самостоятельную точку зрения, на критику и анализ всех сторон социальной действительности, без "мертвых зон" и "фигур умолчания".

Для того чтобы разобраться в том, почему не были реализованы ленинские заветы, недостаточно разговора о свертывании внутрипартийной демократии. Необходимо взглянуть в идейные битвы 20-х годов.

"НИКТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА БЫТЬ ВЫШЕ..."

В конце 40-х годов на киностудии "Мосфильм" велись съемки по очередному сценарию, прославляющему Вождя. Специальным решением Политбюро роль генералиссимуса было поручено играть артисту Геловани. Руководил съемками режиссер Михаил Чиаурели, которого высоко ценил Сталин. Как-то на киностудию приехал его друг известный кинорежиссер Роман Кармен и был поражен такой картиной: Геловани прохаживался перед съемочной камерой, а за ним — не как-нибудь, на корточках! — двигались артисты Зубов (в роли Молотова) и Толубеев (в роли Ворошилова). "Миша, — спросил Кармен, — в чем дело?!", Чиаурели ответил шепотом: "Никто не имеет права быть выше Сталина".

Это "никто не имеет права быть выше Сталина" ярко характеризует его личность. В 60-е годы были опубликованы воспоминания вдовы меньшевика Федора Дана Лидии Осиповны (сестры Юлия Мартова) о тайном посещении Бухариным их квартиры в Париже, куда он приехал в 1936 году вместе с Адоратским для ведения переговоров о покупке архива К. Маркса. Во время встречи речь зашла о Сталине, и Дан заметил, что знает его мало.

"Вот Вы говорите, что мало его знаете, а мы-то его знаем, — сказал Бухарин, — он даже несчастен от того, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое "несчастье" он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше него... Если кто лучше него говорит, он — обречен, он уже не оставит его в живых, ибо этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше пишет — плохо его дело, потому что он, именно он должен быть первым

русским писателем". И далее Бухарин добавил: "Марксу, конечно, больше ничего от него не грозит, разве только показаться русскому рабочему маленьким по сравнению с великим Сталиным..." Этой репликой он как бы завершил предшествующий разговор о том, что если бы прах Маркса был перенесен в Москву, то рядом с поставленным ему памятником воздвигли бы другой, побольше, Сталину. Вождь, как это представлял Бухарин, был бы изображен в позе читающего "Капитал" и с карандашиком в руках для того, чтобы, если понадобится, делать поправки к Марксу. Еще предстоит уточнить, был ли такой разговор, но, как бы то ни было, черты личности вождя в публикации схвачены метко.

Заманчивее всего было бы признать формулу "никто не имеет права быть выше..." исключительно порождением зловеще властолюбивой и бесконечно честолюбивой натуры Сталина. Но такое объяснение было бы упрощенным. Эта формула могла возникнуть только в условиях антидемократической и антиправовой практики, навязываемой сверху и поддерживаемой всеми звеньями управления и всей атмосферой общественной жизни. От земли, снизу идут восходящие потоки воздуха, благодаря которым парит над землей коршун, высматривая свою добычу.

Прежде всего следует освободиться от одного распространенного заблуждения, будто борьба политических деятелей за власть обязательно связана с борьбой за те или иные идеи, за интересы тех или иных противостоящих друг другу классовых сил. В статье "Политическое лидерство и борьба за власть при социализме в свете задач марксистского обществоведения" (Московские новости. 1988. № 9) советский философ Анатолий Бутенко выдвигает тезис: смена политических лидеров при социализме, отличаясь сущностно от борьбы за власть, характерной для капиталистического общества, вместе с тем знаменует изменения в расстановке социально-классовых сил, стоящих у власти, передвигу ее от одних сил к другим. Соглашаясь в принципе с этим положением, мы полагаем, что борьба за политическое лидерство не всегда связана с предъявлением обществу альтернативных политических программ. В определенных условиях борьба за лидерство может идти и между соперниками, придерживающимися аналогичного политического курса, вырабатанного правящей партией.

По всей видимости, часть руководящих деятелей партии рассчитывала на Сергея Кирова как на крупную политическую фигуру, которую можно было бы противопоставить Иосифу Сталину. XVII съезд ВКП(б) в 1934 году ясно обозначил потенциального соперника. При оглашении на съезде результатов голосования в ЦК Сталин и Киров получили всего по несколько голосов против. Но было известно, что ряд делегатов съезда голосовали против Сталина. Впоследствии, уже после разоблачения культа личности, проверялась документация съезда. Однако она оказалась неполной. Так, например, отсутствовало 166 бюллетеней для голосования, 22 бюллетеня остались неиспользованными. Судьба большинства делегатов XVII съезда обернулась трагически. Из 1966 делегатов репрессировано было 1108, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) — 98.

Сам Киров на лидерство не претендовал. Накануне XVII партсъезда в одной из своих речей он говорил о Сталине как о "великом организаторе... гигантских побед", от которого исходит "все, что нами завоевано в первой пятилетке...", "все, что направляет строительство социализма...". "Вся основная работа, — это должна знать партия, — навязчиво подчеркивал Киров, — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина".

1 декабря 1934 года Кирова убили... Обстоятельства этого террористического акта не полностью ясны до сих пор. Версия о причастности Сталина к убийству Кирова стала широко известна благодаря речи Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Опровергнуть ее трудно... Доказать тоже нелегко...

Как бы там ни было, неоспоримо, что Сталин и Киров объективно были поставлены в роли соперничающих политических лидеров. А сохранение личной (или групповой) власти всегда было искусством устранения соперников — составлявших реальную угрозу, потенциальных или воображаемых.

В связи с проблемой лидерства вспомним и другой случай из более позднего прошлого. В октябре 1957 года был выведен из состава Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС и снят с поста министра обороны СССР маршал Георгий Жуков. Ни с какими политическими ориентациями Жукова эта "опала" не была связана. Просто

Хрущев устранил потенциально опасную фигуру из верхних эшелонов власти.

Таким образом, борьба за политическое лидерство не всегда раскладывается по политическим платформам. Бывает и так, что, маскируясь, она одевается в политические одежды разных фасонов. Хотя по большому историческому счету становится не столь важным, что было первичным: то ли столкновение сугубо личного, то ли разница в политических взглядах на тот или иной вопрос общественной жизни.

И снова о том же: как в процессе борьбы за лидерство складывался культ личности Сталина, одним из проявлений которого стало "никто не имеет права быть выше".

Смерть В.И. Ленина в январе 1924 года сделала неминуемым столкновение между Л.Д. Троцким и остальными членами Политбюро ЦК РКП(б). Предвестником этого была всесоюзная партийная дискуссия осенью 1923 года. В ней шла полемика по широкому кругу вопросов, в том числе и по внутрипартийной демократии. За неделю до смерти Ленина, 16 января открылась XIII партийная конференция, на которой подавляющим большинством голосов была осуждена позиция Троцкого и других оппозиционеров. Конференция нацеливала на дальнейшее развитие внутрипартийной демократии, но высказалась против ее истолкования "в смысле ослабления диктатуры пролетариата и расширения политических прав новой буржуазии". Решено было в течение года принять в ряды партии не менее 100 тыс. рабочих.

В это время Политбюро ЦК состояло из 7 членов (Зиновьев, Каменев, Ленин, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий) и 4 кандидатов (Бухарин, Калинин, Молотов, Рудзутак). В апреле 1922 года Сталин избирается по предложению Каменева Генеральным секретарем ЦК РКП(б). Роль Секретариата, который осуществлял через аппарат ЦК руководство текущей работой, преимущественно по организации проверки исполнения партийных решений, и занимался подбором кадров, особенно возросла в связи с болезнью В.И. Ленина. Возник вопрос об укреплении Секретариата путем введения в него на правах возглавляющего члена Политбюро. Так как Сталин уже со второй половины 1921 года вел организационную работу и был связан с Секретариатом, то выбор, очевидно, был в принципе predetermined. Секретарями ЦК вместе со Стали-

ным стали Куйбышев и Молотов (кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК с 1921 г.).

Прошло немного времени, и уже в декабре 1922 года Ленин в "Письме к съезду" отмечает: "Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью". В начале января Ленин делает добавление к написанному, посвященное только Сталину. В нем обращается внимание и на такие его качества, как грубость, нетерпимость, капризность, невнимание к товарищам.

Особенно Ленина беспокоят взаимоотношения Сталина и Троцкого, которые могли бы в будущем составить, по его оценке, больше половины опасности раскола ЦК. Троцкого Ленин характеризует как человека, пожалуй, самого способного в настоящем ЦК, но "чрезмерно хвастающего самоуверенностью" и увлеченного чисто административной стороной дела. Конечно, увлеченность администрированием была характерна для многих партийных руководителей двадцатых и последующих годов. Присуща эта черта была и Сталину, на что указывал Ленин в записке "К вопросу о национальностях или "автономизации". В "Письме к съезду" Ленин предупреждает, что личные качества "двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу".

Троцкий в Политбюро был фигурой одинокой. Особенно после своего поражения на проходившей в конце 1920-го — начале 1921 года дискуссии о профсоюзах. Поддержавший его в дискуссии член Политбюро Н.Н. Крестинский на X съезде РКП(б) не был избран даже в ЦК. И все же на определенное число сторонников в партии Троцкий мог рассчитывать, учитывая свои заслуги в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне.

После смерти В.И. Ленина Сталин остался в должности Генерального секретаря ЦК вопреки "ленинскому завещанию". "Письмо к съезду" зачитывалось на проходившем в мае 1924 года XIII съезде РКП(б) по делегатам, и его решено было не публиковать. Зиновьев, Каменев, Бухарин приложили все силы для поддержки Сталина, который в свою очередь обещал учесть ленинскую критику.

Не были реализованы в полной мере XIII съездом и

другие ленинские предложения. Так, состав ЦК расширился до 53 членов и 34 кандидатов по сравнению с 40 членами и 10 кандидатами, избранными на предыдущем съезде, но опять-таки за счет профессиональных партийных деятелей, а не рабочих.

С основными докладами на XIII съезде выступили Зиновьев и Сталин. Сложился первый, антитроцкистский триумvirат — Зиновьев, Каменев, Сталин. Сталина Троцкий, похоже, недооценивал — и в этом ошибался, так же как и в переоценке собственной личности. Огромное самомнение Троцкого часто лишало его реалистического видения людей и ситуаций, а самолюбование раздражало привыкших к скромному поведению партийных руководителей. Его гипертрофированное "Я" не было созвучно людям, которые больше ценили "Мы". "Пускай нам общим памятник будет построенный в боях социализм" — это не просто поэтические строки Маяковского, это мироощущение сотен тысяч — членов партии, комсомольцев, наконец, преданных революции и ее идеалам людей.

Троцкий был талантливым социал-демократическим публицистом, прекрасным, увлекающим толпу оратором, но не чувствовал тяги к повседневной, серой работе. Его бешеная энергия находила практический выход в экстремальных ситуациях. У него было два взлета — осень 1905 года, когда Парвус и он повели за собой Петербургский Совет рабочих депутатов в первой российской революции, и осень 1917 года, когда он стал председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Сталин был человеком другого склада. Не такой эффектный, он горел ровным светом, но в то же время был лампочкой, которая никогда не перегорает. Сталин казался и был в те годы четко мыслящим и действующим практиком, просто и доступно излагающим партийные идеи и лозунги публицистом, вдумчивым и не гнушающимся "черновой работы" организатором партийных кадров, искушенным в борьбе с меньшевиками и грузинскими, и общероссийскими, бойцом с "отклоняющимися" и "уклоняющимися".

Троцкий презрительно называл Сталина "наиболее выдающейся посредственностью нашей партии", он его силу оценил позже. В 1930 году, уже после высылки из СССР, Троцкий писал, что Сталин одарен практическим

смыслом, твердостью характера, выдержкой и настойчивостью в достижении целей, хотя его практический ум состоит на три четверти из хитрости: "политический кругозор его крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. По складу ума он упорный эмпирик, лишенный творческого воображения."

Широко известное теперь "Письмо к съезду" В.И. Ленина, которое стало достоянием советской общественности только в 1956 году, осложняло борьбу за лидерство. Речь в нем шла не только о личных качествах Троцкого и Сталина. Ленин напоминал и о том, что выступления Зиновьева и Каменева против вооруженного восстания в октябре 1917 года не было случайностью, говорил он и о "небольшевизме" Троцкого. Правда, с очень существенной оговоркой, что "октябрьский эпизод" в политических биографиях Зиновьева и Каменева "мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому". Из других членов ЦК в "Письме к съезду" характеризовались двое — Бухарин и Пятаков. Их Ленин оценил как "самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)". Отметив, что Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик, но и законно считается любимцем всей партии, Ленин вместе с тем подчеркнул, что "его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)". Пятаков характеризовался как человек выдающейся воли, но приверженный администрированию, что мешает положиться на него в серьезном политическом вопросе.

Итак, Троцкий начал борьбу с триумvirатом за лидерство сразу же после смерти Ленина. Основным ее полем стал ленинизм и история большевизма. Одна за другой на протяжении 1924 года выходили работы Троцкого "Новый курс", "О Ленине", "Уроки Октября" (введение к третьему тому его сочинений), в которых он пытался, с одной стороны, реабилитировать себя от обвинений в "небольшевизме" и подчеркнуть близость ленинских к своим взглядов, единство ленинских и своих действий в дни Октября, а с другой — скомпрометировать своих политических противников, в первую очередь Зиновьева и Каменева, "октябрьским эпизодом". Обвинял он их в том, что не были осмыслены выводы из уроков Октября для международного коммунистического движения (Зи-

новьев в 1919 — 1926 гг. был председателем Исполкома Коммунистического Интернационала). Призывы Троцкого к демократизации партии, надо сказать, тогда не воспринимались, так как большинство членов партии полагало, имея на это основания, что за ними скрывается стремление образовать свою фракцию, а это уже могло грозить расколом партийных рядов. В ходе идейно-теоретической борьбы с Троцким Зиновьев (претендент на роль лидера) и Сталин (более скрытый, но уже обладавший большей фактической властью в ЦК претендент) пытались утвердить себя в качестве ортодоксальных преемников Ленина и отмежевать "ленинизм" от "троцкизма". В начале апреля 1924 года Сталин прочел в Свердловском университете курс лекций, вышедших под названием "Об основах ленинизма". На страницах газет, в теоретическом органе партии — журнале "Большевик" публиковались направленные против троцкизма статьи о ленинской теории социалистической революции, диктатуре пролетариата, союзе рабочего класса с крестьянством. В конце 1924 года Троцкий, по ехидному замечанию меньшевистского "Социалистического вестника", поскользнулся на лимонной корочке "Уроков Октября".

Каждый из трех претендентов на роль лидера стремился укрепить свои позиции: делал заявку (об этом уже шла речь) на положение теоретика, отстаивающего ленинские идеи; пытался через своих сторонников сплотить вокруг себя часть членов партии; создавал — опять-таки с помощью сторонников — культ вождя, продолжателя дела Ленина.

В январе 1925 года фактически была одержана победа над Троцким. На состоявшемся Пленуме ЦК РКП(б) подверглось осуждению его антипартийное поведение. Он лишился постов председателя Революционного и наркомвоенмора и в письме в ЦК РКП(б) вынужден был заявить, что "в интересах партии" отказывается от дальнейшей полемики и подчиняется партийной дисциплине. В резолюции Пленума указывалось, что ревизия ленинизма служила Троцкому для "обоснования" жесткой политики по отношению к крестьянству, пагубной для его союза с пролетариатом. Троцкого предупредили, что в случае нарушения партийных решений он будет выведен из состава Политбюро. Позиции Троцкого были подорваны. Проблема его реального лидерства была снята. Борьба с Троцким, по существу, закончилась его выведе-

нием из Политбюро в 1926 году, но борьба с тем, что не всегда было по сути троцкизмом, но именовалось им, велась в стране на протяжении всех тридцатых годов.

Прошло всего несколько месяцев после решающего поражения Троцкого, и начался новый виток в борьбе за лидерство в партии. Первый триумvirат распался: на этот раз схватка шла между Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Сталиным и поддерживающими его Бухариным, Рыковым, Томским — с другой. Еще в январе Зиновьев и Каменев ратовали за более жесткую позицию по отношению к Троцкому, но Сталин и другие члены Политбюро (вероятно, по разным причинам) не согласились с крайними мерами. Тогда Зиновьев и Каменев обвинили Политбюро в примиренческом отношении к троцкизму.

Расчеты Зиновьева и Каменева на то, что после разгрома Троцкого они поведут за собой Политбюро ЦК РКП(б), не оправдались. Журнал "Большевик" оказался вне их контроля. Попытка издания в Ленинграде еще одного теоретического партийного журнала, который бы стал рупором "новой оппозиции", как вскоре начал именоваться блок дуумвиров, натолкнулась на сопротивление ЦК. Два теоретических органа под контролем разных цекистских групп означали бы раскол партии с непредсказуемыми последствиями.

Весна 1925 года развела "новую оппозицию" и большинство членов Политбюро на позиции дуэлянтов. Троцкий и его сторонники временно выбрали роль как бы выжидающих зрителей. Соперничество лидеров выразилось на сей раз наиболее ярко в дискуссии по кардинальному для партии и страны вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

Спад революционного движения на Западе — осенью 1923 года пали рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии, потерпели поражения вооруженные восстания в Гамбурге, Болгарии, Кракове, а осенью 1924 года в Бессарабии — показал, что необходимо решать задачу строительства социализма в СССР, не связывая ее с революциями в других странах. Однако Зиновьев и Каменев, как и Троцкий, по-прежнему считали, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе. Политбюро и Центральный Комитет отвергли проект тезисов Зиновьева для пленума Исполкома Коминтерна. На апрельской (1925 г.) XIV конферен-

ции РКП(б) была утверждена новая редакция переработанных комиссией Политбюро тезисов, включавшая пункт о возможности победы социализма в СССР даже в случае замедленных темпов развития мировой пролетарской революции.

На той же конференции большое внимание было уделено развитию союза рабочего класса с крестьянством. Было рекомендовано максимально использовать экономические методы управления народным хозяйством, развивать все виды сельскохозяйственной, потребительской, кредитной и промышленной кооперации. Незадолго до конференции, выступая на собрании московского партийного актива с речью о новой экономической политике, Бухарин заявил: "В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство". Это заявление Бухарина послужило для Зиновьева и Каменева предлогом для обвинения ЦК в том, что он ведет политику в интересах кулачества. "Новая оппозиция" видела тут установку на поощрение капиталистических отношений, отказ от социалистического курса.

В свою очередь, секретари ЦК Сталин, Андреев, Молотов направили письмо в газету "Комсомольская правда", в котором осудили статью ее редактора Стецкого, популяризирующего лозунг "Обогащайтесь!". В то же время Сталин выступил в защиту Бухарина от Зиновьева и Каменева. Сам Бухарин вскоре после выдвижения этого лозунга признал его ошибочным. На XIV съезде партии Томский шутиливо обыграл этот отказ. "Надо было, — сказал он, — чтобы Бухарин не только взял этот лозунг обратно, но и от него отрекся, трижды отрекся, как Петр от Христа". И Бухарин это трижды сделал. Но оппозиция по-прежнему продолжает играть на этом лозунге, "на этом слове". Итак, где же были игры, а где и в чем правда?

Обратимся к первоисточнику, к бухаринской публикации "О новой экономической политике и наших задачах" в журнале "Большевик". В ней настойчиво проводится идея о необходимости вести борьбу с кулацким хозяйством. Делать это следует энергично, но новыми методами. Уже одно это положение ставит под сомнение возможность апологетики кулачества со стороны Бухарина.

Далее в статье идет то знаменитое место, по поводу

которого было сломано столько копий. Проанализировав внимательно текст, видим, что призыв "Обогащайтесь!" относился ко всему крестьянству, а не только к кулакам. Этот призыв — один из элементов более широкой установки — "накапливайте" и "развивайте". Основная цель бухаринского замысла состоит в исчезновении бедноты, а не в процветании кулака. Через капитал, поступивший в виде налога с мелкой и средней буржуазии, Бухарин предлагает усилить социалистическую позицию в экономике. Брать с кулака гораздо больше, чем с середняка, а полученные материальные ресурсы направить на улучшение положения бедноты. Этим объясняется и самая "страшная" фраза статьи: вколачивая гвоздь в кулака, экономически сами теряем. Действительно, зачем резать корову, дающую много молока? Предвидим вопрос: а если эта корова бодается? Ведь кулак не агнец, а политический враг Советской власти. Этот вопрос предвидел и сам Бухарин: как только кулак попытается выступить против политики партии — его "на пулеметы". Это выражение Бухарин употребляет через год в докладе на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП (б): "если в каком-либо уезде кулак пойдет на нас лобовой атакой — "мы должны были бы в этом случае выставить против него пулеметы и без особых рассуждений и сантиментов "умиротворить его". Вот вам и "сентиментальный" Бухарин! Но главное в его подходе то, что диктатура пролетариата представляет собой мощь комбинированной политической и экономическо-хозяйственной силы рабочего класса. Безусловно, анализ социально-экономических взглядов Бухарина — предмет самостоятельной работы. Ни в коем случае нельзя апологизировать его систему воззрений на переходный период. В ней, конечно же, имеются изъяны. Но сейчас хотелось бы повести речь об ином, а именно — защитить Бухарина от самого Бухарина. Исследователи, начавшие изучать эту политическую личность всесторонне, не могут с известной досадой не обнаружить именно своеобразный "синдром быстрого отречения" у Николая Ивановича Бухарина. Это во многом объясняется, наверное, не изменчивостью его воззрений, а свойствами характера. Импрессионистское восприятие мира составляло часть его богатой и яркой натуры. Но в политических оценках этот импрессионизм, эта эмоциональная увлеченность ему не раз вредили. А кроме того,

следует учитывать отречение как резкий пересмотр взглядов и отречение как тактический ход в политической борьбе.

Раздумывая сегодня над предъявлявшимися друг другу взаимными обвинениями соперников, видишь, как та или иная неосторожная или непродуманная фраза становилась поводом для обвинений в идейно-теоретических ошибках, наклеивания политических ярлыков, вовлечения партийных масс в борьбу за лидерство.

Приведем еще один пример того, как создавались далеко идущие выводы. Сталин критикует зиновьевское определение ленинизма: "Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство". Определение, конечно, уязвимое, но не повод же для такой сталинской филиппики: "Что могут означать слова, подчеркнутые Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер? Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности. Это значит играть на руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых". И заключительный аккорд: "Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом?" Да, но тем временем совмещалось, на наш взгляд, действительно несовместимое: борьба за социалистические идеалы с борьбой за лидерство, дискуссии по принципиальным вопросам социалистического строительства с иезуитской схоластикой сведения личных счетов.

Острые дискуссии и борьба за "своих" делегатов накануне XIV съезда ВКП(б) свидетельствовали об опасности возможного раскола партии. В начале декабря 1925 года проходили Ленинградская и Московская губернские партийные конференции. Московская, шедшая за большинством ЦК, резко осудила деятельность "новой оппозиции", Ленинградская хотя и приняла резолюцию, одобрявшую политическую и организационную линию ЦК, но выбрала делегатами на партийную конференцию "людей" Зиновьева.

XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1925 года, показал, что взгляды "новой оппозиции" не пользуются поддержкой у подавляющего большинства членов пар-

тии. С этим была связана и ее неудача в попытке добиться снятия Сталина с поста Генерального секретаря партии. По отчету ЦК была принята резолюция, за которую поименно проголосовали 559 делегатов, против — 65. Съезд принял "Обращение ко всем членам Ленинградской организации", в котором призвал их положить конец раскольнической деятельности "новой оппозиции". Редактором "Ленинградской правды" ЦК назначил старого большевика И.И. Скворцова-Степанова. Партийную организацию возглавил С.М. Киров. В июне 1926 года Зиновьев был освобожден от обязанностей члена Политбюро. Спустя несколько месяцев такая же участь постигла Каменева, который после XIV съезда был избран уже не членом, а только кандидатом в члены Политбюро.

Если рассматривать идейную борьбу в 20-е годы, то, несмотря на присущую ей многоплановость и пестроту, основное ее содержание, на наш взгляд, сводится к двум противостоящим политическим линиям. Представителей одной из этих линий можно назвать сторонниками форсированного строительства социализма административно-командными методами (модель "военного коммунизма"). Другая линия была представлена сторонниками преимущественно экономических методов построения социализма (модель нэпа). Характерной чертой идейной борьбы был как меняющийся состав оппозиции, так и меняющийся состав большинства ЦК, поскольку постоянно шел "отлив" какой-то части видных партийцев из большинства в оппозицию и по убеждению, и по принуждению.

В чем же троцкистская оппозиция 1923 — 1924 годов обвиняла большинство ЦК? В "крестьянском уклоне", в нэповском уклоне. Что она предлагала? Изменить отношение к нэпу. Чем они запугивали? Частный капитал наступает. В чем они видели спасение? Лекарство от всех зол — всеобъемлющий план: государственная централизация и регламентация в народнохозяйственном комплексе. Что за этим скрывалось? Противопоставление плана рынку. Как тогда отвечало на эти обвинения большинство ЦК? Л. Каменев, выступая на XIII партийной конференции, говорил, что у троцкистов, в частности у Пятакова, речь идет не о плане, а о бюрократическом извращении плана, таком его понимании, "когда он выражается в попытке военного командования промышлен-

ностью". И еще говорил тот же Каменев: "Мы знаем, что есть лихие наездники, и опасаемся, что если таких лихих наездников посадить на мужицкую клячу, на которой мы едем, то и эту клячку загонят, и телегу разобьют, а нам на ней надо ехать". Откуда троцкистская оппозиция предлагала получить деньги для индустриализации? За счет крестьянства и высокой прибыли (т.е. высоких цен) на единицу товара в условиях монополии государственного промышленного производства. Троцкистская оппозиция призывала ЦК перейти с "нэповской" точки зрения на "настоящую коммунистическую" точку зрения.

С какой же экономической платформой выступила объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция в 1927 году? Обратимся к подготовленным ею контртезисам к XV съезду ВКП(б) (они противопоставлялись тезисам ЦК "Директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства" и "О работе в деревне"). В чем же троцкистско-зиновьевская оппозиция обвиняла большинство ЦК? В забвении политики классовой борьбы, которую ведут пролетариат и беднота в союзе с середняком против кулака, нэпмана и бюрократа; в росте зависимости государственного хозяйства от кулацко-капиталистических элементов; в отходе от батрачества и бедноты как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне; в спутывании нэпа с социализмом. Что предлагала оппозиция? Приступить к индустриализации в первую очередь за счет средств, полученных от обложения частных предпринимателей ("в размере 150—200 млн. рублей, а не 5 миллионов, как сейчас"), и закупки за рубежом промышленного оборудования в обмен за экспорт зерна, изъятых у зажиточно-кулацких слоев (примерно 10%, а может быть, и 15—20% крестьянских дворов).

Что говорили тогда, полемизируя с оппозицией, представители большинства в ЦК? Выступая с заключительной речью на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1927 года, Молотов отмечал, что "центральной фигурой" в советской деревне был и останется на долгое время середняк и что кооперирование крестьянства создает условия для "постепенного перехода деревни на рельсы социалистического развития". В той же речи Молотов подчеркнул "антисередняцкий уклон оппозиции",

* Следует заметить, что таким же "лихим наездником" был сам председатель СТО Лев Каменев.

ее скатывание "к отрицанию ленинского кооперативного плана переделки деревни", а в брошюре "Политика партии в деревне" он писал о нереальности в настоящее время бедняцких иллюзий о коллективизации широких крестьянских масс.

В речи на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1926 года Сталин, имея в виду предложение Каменева и Зиновьева об освобождении от налога 40% крестьянства (и соответственно повышение налога на остальную его часть), еще говорит: "Ошибка гг. Каменева и Зиновьева состоит здесь в том, что они идут на деле по линии смешения средних крестьян с кулачеством, что они, думая бить кулака, на самом деле бьют середняка". В следующем, 1927 году это предложение оппозиции было, по существу, принято, когда ЦИК освободил от налога еще 10% крестьянства сверх 25%, освобожденных ранее. Зимой 1927/28 года разразился "хлебный кризис": крестьянство не хотело продавать зерно из-за необеспеченности денег товарами, и план заготовок не был выполнен. В начале 1928 года Сталин выезжает в Западную Сибирь, и там по его указанию разворачивается применение репрессивных мер для получения хлеба от крестьянства. Административно-командные методы, принуждение, репрессии, к которым он был всегда склонен, позволили получить необходимое зерно. Растет убеждение в эффективности чрезвычайных мер, в действенности фактически восстанавливаемой (но уже не именуемой так) продразверстки.

Этому повороту пытались воспротивиться Бухарин и Рыков. Они продолжали стоять на позиции XV съезда ВКП(б), отстаивали принятую на нем резолюцию "О работе в деревне". В ней говорилось, что одной из основных предпосылок развития в СССР социализма является подъем производительных сил в деревне и рост благосостояния широких крестьянских масс. Социалистический город может вести за собой деревню только на этом пути, всемерно способствуя постепенному переходу от индивидуально-собственного хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам. В 1928 году Бухарин, Рыков и Томский выступят против сталинского курса на свертывание нэпа, форсирование коллективизации.

В октябре 1928 года Сталин выступил на пленуме МК и МГК с речью "О правой опасности в ВКП(б)". Все обвинения, которые предъявляла ранее троцкистско-зи-

новьевская оппозиция большинству ЦК, теперь переадресуются им, сторонникам нэпа, вчерашним вроде бы единомышленникам и соратникам.

Любопытно, что и в литературе того времени сторонники насильственных мер по инерции еще одергиваются. Так, авторы вышедшей в 1929 году книги "Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма" П. Ташкаров и Н. Эльвов обвиняют другого обществоведа — Ксенофонтова, который в своей брошюре "К вопросу об идейных и теоретических основах большевизма", желая, по-видимому, разобрать и осудить ошибки правых, впал в троцкистскую формулировку вопроса о коллективизации: суть ее, разъясняют авторы, в том, что пролетарская революция должна "навязать" крестьянству коллективизацию сельского хозяйства. Другими словами — не силой примера, хозяйственной помощи и экономического воздействия, а силой принуждения, против воли и желания основных масс крестьянства заставить их перейти к коллективизации, навязав желательный темп этого процесса. Но мало ли что писалось в книгах. Сталин шел своим путем. Он отказался от положений, выработанных партией, на практике применив как раз то, что осуждалось как троцкистский вариант коллективизации.

Борьба Бухарина, Рыкова и Томского с уже состоявшимся вождем не могла привести даже к частичному успеху, хотя в тот период речь шла не столько о лидерстве, сколько о сохранении ленинской политики нэпа. В 1929 году Бухарин был освобожден от обязанностей члена Политбюро, а после XVI съезда ВКП(б) в 1930 году Рыков и Томский не вошли в состав Политбюро. Чуть позже первый из них был снят с поста председателя СНК СССР.

Борясь ранее с троцкистско-зиновьевской оппозицией, Бухарин и Рыков, Сталин и Молотов, Калинин и Киров, другие представители большинства в ЦК отстаивали и ленинский кооперативный план, и курс на укрепление союза рабочего класса с середняком. Теперь же Сталин и сомкнувшиеся вокруг него после разгрома "правой оппозиции" члены Политбюро, осуществляя "великий перелом", отошли от коллективно выработанной на XV съезде ВКП(б) линии социалистического строительства. Каждый шаг Сталина вперед в конце 20-х годов оборачивался в известном смысле двумя шагами назад к модели "военного коммунизма".

Начинается насильственная всеобщая коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Свертывается нэп в городах: закрываются частные предприятия, запрещается частная торговля, нэпманам уготована та же участь, что и кулакам. Пересматриваются цифры пятилетнего плана в сторону их увеличения. Резко повышается экспорт зерна, закупаются за границей машины для заводов и фабрик. Форсированная индустриализация становится реальностью первой и второй пятилеток.

Итак, Сталин полностью "перестроился". Думается, что это далось ему легко: новый курс больше соответствовал образу его мыслей. Представления единственного теперь претендента на лидерство в партии о путях к социализму и о самом социализме, о его бестоварности и продуктообмене между городом и деревней, о "казарменном" стиле жизни и уравнительном распределении, об исторической необходимости насилия были ближе взглядам Троцкого, а также во многом воззрениям Зиновьева и Каменева.

Однако отождествление позиций Сталина и его политических оппонентов "слева" было бы неправомерно. Как отметил известный исследователь истории 20-х годов В.П. Данилов (Правда. 1988. 26 августа), "между самыми левыми концепциями перехода к социализму, при всей их неприемлемости, и сталинской практикой было принципиальное различие". Это различие он видит прежде всего в том, что в первом случае предпринимались попытки опереться на какие-то объективные условия и средства ускоренного индустриального развития страны. Во втором же — использовались любые средства, заимствованные и "справа" и "слева", а объективные условия просто игнорировались. "Не станем, — заключает В. Данилов, — отнимать у Сталина и его группы право на авторство насильственной экспроприации в отношении крестьянских масс". Не станем этого делать и мы. Ведь образно говоря, "теоретический" разбег для прыжка в социализм был начат лидирующей группой по одной дорожке. Но право на сам прыжок обрел только Сталин.

Нетерпимый к возражениям, несогласию и просто к мнению, расходящемуся с его собственным, жестокий и не доверяющий никому до конца, Сталин являл собой тип авторитарного политического деятеля, склонного к решению задач общественной жизни насильственным путем. Но насильственные методы управления нуждаются

в обосновании и оправдании. В качестве их оправдания чаще всего выступает угроза со стороны врагов, внешних или внутренних, а еще лучше — тех и других. Ярлык врагов легко было приклеить и к своим соперникам, и просто ко всем неудобным и опасным.

Куль личности Сталина в Советском Союзе был в сущности проявлением авторитарного политического режима. Оговоримся сразу: политический строй и политический режим — не совпадающие понятия. Так, в самодержавной России политический режим при Николае I и Александре II существенно разнился, хотя в основе своей государственный строй не изменился. Режим определяется внутренней и внешней политикой государственной власти. И здесь личность ее носителей может иметь решающее значение.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА ИЛИ "ЗАКОН КРОВИ НА ЗЕМЛЕ"

Выступая с докладом на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, М.С. Горбачев обратился и к самым трагическим событиям нашей истории. "Совершенно очевидно, — сказал он, — что именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможными и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов. Прямо говоря — настоящие преступления на почве злоупотребления властью. Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. И мы должны прямо сказать об этом. Это необходимо для окончательного и бесповоротного утверждения ленинского идеала социализма".

Эта горькая правда впервые потрясла советское общество после XX съезда КПСС. С тех дней нарушения законности и массовые репрессии многие объясняют исключительно злой волей всемогущего тирана — Сталина. Бесспорно, он первый несет историческую ответственность за это. И если когда-то говорили "сталинские планы", "сталинские стройки", "сталинские свершения", то

теперь все чаще говорят "сталинские беззакония", "сталинские репрессии", "сталинские лагеря". Сталин дважды становился символом, но с разными знаками. С конца 20-х годов он стал символом побед социализма, с середины 50-х — символом репрессий. Сам по себе символ — концентрированное отражение понятия в знаке. "Знак беды" — так называется одна из горьких повестей Василия Быкова. Имя Сталина из призывающего ("За Родину! За Сталина!"), из приказного ("Именем Сталина...") превратилось в "знак беды". Но чем больше мы размышляем о Сталине, тем сложнее представляется действенность "тридцатых—сороковых" в истории Советской страны. Вина Сталина за преступления не уменьшается, но думающие люди не могут удовлетвориться только этим объяснением. Злая сталинская воля "правила бал", но маскарад нельзя устроить без желающих в нем участвовать. Можно создать организационный комитет (Сталин и его окружение), но без вдохновения участников нет ни фантастических масок, ни одурманивающего танца, ни всей атмосферы маскарада.

Нам неоднократно приходилось участвовать в разговорах о количестве жертв массовых репрессий. Такие вопросы задают на разного рода встречах, дискуссиях, лекциях. Многие советские ученые считают, что вряд ли удастся точно определить число жертв. Специальной статистики не велось, не все данные сходились в центр (до переписи 1937 г., например, данные о смертности в местах заключения не доводились до Центрального управления народнохозяйственного учета), не всегда фиксировался произвол на местах. Высшую меру наказания могла выносить даже районная "тройка" (начальник управления НКВД, прокурор и секретарь районного комитета партии).

Репрессии захватили разные социальные, политические и профессиональные группы. В абсолютных же цифрах больше всего пострадало крестьянство, пережившее насильственную коллективизацию и "раскулачивание" на рубеже 20—30-х годов, а затем массовый голод 1932 — 1933 годов. Перед началом сплошной коллективизации к кулакам относилось свыше 600 — 700 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло примерно 2,5 — 3% от их общего числа. Когда началась сплошная коллективизация, сопровождавшаяся ликвидацией кулачества как класса, то часть наиболее дальновидных (осто-

рожных, наиболее напуганных и т.д.) семейств "самораскулачилась", то есть тайно покинула места своего жительства, оставив дом, землю, хозяйство, они "растворились" в городах и на новых стройках. Таких семейств оказалось свыше 200 тысяч (около 1 млн. человек). В начале 1930 года было даже принято постановление ЦИК и СНК СССР о воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества. В свою очередь, ряды репрессированных кулаков были пополнены так называемыми "подкулачниками", теми крестьянами, которые по разным причинам (и, кстати, с разных позиций) выступали против раскулачивания и насильственной коллективизации.

Репрессии проводились в соответствии с делением кулаков на три категории: активно сопротивляющихся коллективизации, наиболее богатых, всех остальных. Для первой из этих категорий, составившей примерно 10% от общей численности семейств кулаков, применялись особые жесткие наказания, включая смертную казнь. Отнесенные ко второй категории выслались в северные районы страны на правах специальных поселенцев, находившихся под административным надзором.

В 1930 году постановление ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством предоставило местным органам власти, по сути, чрезвычайные полномочия (полная конфискация имущества кулаков и их выселение за пределы данных районов и областей). В результате решения о судьбах людей и даже об их жизни стали в сельской местности приниматься не на основании законов, а по прихоти районного и областного начальства. Направление в исправительно-трудовые лагеря, согласно принятому в том же, 1930 году новому постановлению, могло производиться не только по судебным приговорам, но и во внесудебном порядке особым совещанием ОГПУ.

Разделение кулачества на три категории было проведено в Комиссии по коллективизации, возглавляемой наркомом земледелия Я.А. Яковлевым. Имевшаяся в ее составе специальная подкомиссия определила число относящихся к первой категории хозяйств в 60 тыс. человек и ко второй — в 150 тыс. семейств. Плановые цифры были значительно превзойдены. Хотя вначале предпола-

лось, что раскулачивание коснется примерно 3—5% от общего количества крестьянских хозяйств, в отдельных частях страны цифра была доведена до 15%. Четких критериев для отнесения к кулакам не было, и это открывало простор для произвола на местах. Местные специальные комиссии сами по своему уразумению определяли и кулаков, и "подкулачников". Были при этом и случаи сведения личных счетов. Из воспоминаний и художественной литературы вырисовывается жестокая картина выселения, когда у семей раскулаченных отбиралось порой даже самое необходимое из одежды и утвари, а старики и дети обрекались этим на смерть в новых холодных краях.

Зима 1929 года... Казахстан... Раскулачивают большую крестьянскую семью, глава которой в это время был на заработках, так как запасов в доме еле-еле хватало, чтобы продержаться до следующего урожая... О том, что выпало на долю этой семьи, рассказывает в письме, посланном в журнал, пенсионерка из Кургана. "Все отобрали: посуду, мебель, пожитки, валенки сняли прямо с бабушки, даже из люльки, где лежала маленькая Фрося, сестренка, вытащили мамину шаль и одеяльце. Короткое время мы жили на чужой кухне, а затем нас выслали. До сих пор вижу этот день: зима, мороз, мне семь лет, братьям-сестрам — кому больше, кому меньше, нас шестеро детей, мы идем 15 километров на станцию Курган... Бабушка Аня и Фрося умерли на чужой кухне. В Кургане несколько дней мы жили под открытым небом, нас много было на этой земле, раскулаченных, ни медиков, ни столовой, никакого благоустройства. Потом подошел состав из "телячьих" вагонов и нас погрузили. По дороге люди умирали. Конвоиры приходили на остановках, проверяли, не сбежал ли кто". Умерли после приезда на место поселения мать девочки, ее сестра. Детей увезли из барака, где они жили, в детский дом.

Такова трагедия одной семьи, а таких трагедий было много. О массовых репрессиях по отношению не только к кулакам, но и к середнякам на Дону и на Нижней Волге с горечью и болью сообщал в письмах автор "Тихого Дона" Михаил Шолохов. Сравнивая свое участие в продразверстке, он писал: "Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких "делов" даже тогда не слышал, чтобы делали".

Жесткие директивы, конечно же, шли сверху. И за ними, конечно же, стоял сам Сталин. Но забрать зимой валенки у старухи, вытащить одеяльце из-под малютки — это ведь проявление той же безжалостности к врагам-кулакам сельских активистов коллективизации. И здесь есть над чем задуматься. За этой безжалостностью стояло многое: давняя вражда деревенской бедноты к кулаку-миroeду; классовая ненависть гражданской войны; культивируемый в социальной психологии образ — "враг — не человек"; зависть тех, кто не умел или не хотел работать на земле, к тем, кто "жил хорошо"; бессердечная корысть кого-то из односельчан, отдавших, быть может, своей матери снятые с ног старухи валенки. И не об оправдании — ей нет оправдания! — жестокости к старикам и детям идет речь, а о том, что "внизу" было достаточно много людей, поддерживавших насильственную коллективизацию и расправу с кулаками и "подкулачниками". Акты индивидуального террора со стороны кулаков и поджоги (наиболее распространенная форма мести) колхозного имущества только подогревали ненависть ко всему кулачеству. Коллективная ненависть не различает лиц врагов: все они одним мирром мазаны, яблочко от яблони недалеко катится, не жалеет волка — пожалей овец.

Массовые репрессии против кулаков и тех, кто причислялся к кулакам, неизбежно вытекали из курса насильственной сплошной коллективизации. Все, кто сопротивлялся (пусть даже пассивно), кто был активным посетителем частнособственнической психологии, кто так или иначе мешал планам, намечаемым комиссиями по коллективизации, — подлежали выкорчевыванию ("чтобы даже духу не было") из своих гнезд, изгнанию из родных мест. Кроме того, — и это тоже немаловажно для понимания — конфискация имущества кулаков должна была укрепить материально колхозы. Конфискованное имущество передавалось в неделимые фонды колхозов или финансовым органам в счет погашения задолженности по государственным налогам. К моменту проведения сплошной коллективизации государство еще не было в состоянии обеспечить село сельскохозяйственной техникой. В среднем один трактор приходился на пять колхозов. Только в 1929 году началось производство советских комбайнов. В 1928 году в сельском хозяйстве использовалось всего лишь 700 автомашин. В этих условиях ста-

новление колхозов оказалось в прямой зависимости от обобществления лошадей и волов, передачи в коллективное пользование плугов, сеялок, молотилок и другого сельскохозяйственного инвентаря, принадлежавшего кулакам. На имущество кулаков рассчитывали и в "верхах", принимавших решения о темпах и методах раскулачивания, и в коллективизировавшихся "низах". "Низы" имели свою заинтересованность. Очень остро стоял вопрос с тягловой силой. В 1927 году по РСФСР в целом безлошадные крестьянские хозяйства составляли 30% от общего числа хозяйств, а на Дону и Северном Кавказе, так же как и на Украине, — 40%.

В рассказе писателя Владимира Тендрякова "Пара гнедых" описывается картина раннего, еще без выселения, раскулачивания. По единственной улице села движутся навстречу друг другу два потока телег с домашней кладью: кухонной утварью, постелями, зимней одеждой. Идет великое переселение: богатые мужики переезжают в избы бедняков, а те, в свою очередь, в их избы. Вот идет, а не едет — лошади-то нет — семья самого бедного мужика. Все имущество несут на руках взрослые и дети. Семья ютилась даже не в избе, а в бане, приспособленной под жилье, а перебирается она сейчас в большой дом под железной крышей, с крашеными полами (и то и другое — редкость в селе), с печью, обложенной белым кафелем (керамической плиткой). Этот дом принадлежал оборотистому мужику. У него же было два коня гнедой масти — на зависть всей деревне.

По данным специальной проверки комиссии ЦИК и ЦК ВКП(б) за 1930 — 1931 годы была выселена 381 тыс. кулацких семей. За 1932 — 1936 годы к ним прибавилось еще 100 тыс. семей. Кроме того, 400 — 450 тыс. семей были раскулачены по третьей категории. Суммарно количество раскулаченных крестьянских семей, по мнению историка В.П. Данилова, должно составить 1 млн. 100 тысяч. Академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов полагает, что было раскулачено не менее 3 млн. крестьянских хозяйств. Он исходит из того, что в 1927 году число крестьянских хозяйств составляло 26 млн., а в 1933 году — 23,3 млн. Думается, цифра В.А. Тихонова завышена, так как не учитываются значительный отток части сельского населения в города в условиях первой пятилетки с ее бурной индустриализацией, а также последствия голода зимы 1932/33 года, когда погибло не менее 3 млн. человек.

О том, что в поисках кулаков дело доходило до абсурда, свидетельствуют приводимые в газетах тех лет факты. Так, в начале 1929 года в Лотошинской волости идет заседание волостного избирательного комитета. Обсуждают вопрос: кулак ли Кулаков? Два часа длится обсуждение. С одной стороны, у него есть батраки, с другой — Кулаков кустарь. Дом у него каменный, но две дочки состоят в комсомоле, а сын — член партии и учится в МГУ. Так и не лишили бы Кулакова избирательных прав односельчане, если бы не "своевременное" вмешательство шефов из города. Но и там окапывались "кулацкие прихвостни". В "Правде" за 4 января 1929 года была помещена заметка "Уклонисты в рабочих звеньях". Таковым назывался один рабочий — член партии из литейного цеха завода им. Ворошилова, который показал свою "аполитичность" в следующем рассуждении: зачем партии такие большие налоги на кулаков? Лучше распределить среди всех, а то хозяйство губим. Мы все даем бедноте, мы балуем ее, создаем лодырей, непригодных к хозяйству. Если кто и к хозяйству способен, и начинает чуть подниматься, мы начинаем кричать "кулак, кулак". Классовой борьбы на данное число не наблюдаем, отмечалось на заседании одного из сельских избирательных комитетов. Да, эта борьба начинала измеряться на числа, штуки и проценты.

Нельзя говорить, что кулаки были все на одно лицо. Среди них было немало ярых противников Советской власти. Не будем останавливаться и на критериях определения кулака — они были зыбки и неточны. Но даже и те, кто был кулаком в действительности, тоже были неодинаковы. Если давать их типологию, очень условную, то, наверное, можно говорить о кулаке как политическом противнике Советской власти и кулаке, лояльном к ней.

Но самое главное — это то, что в пылу политических обвинений, в ажиотаже раздутых цифр и сверхфорсажа темпов коллективизации, в обстановке все более выходящих на передний план административно-приказных методов терялся сам сельский труженик. "Крики о чистоте классовой линии на селе еще нисколько не могут спасти положение вещей... Чистота классовой линии на селе не может увеличить урожайность полей", — с тревогой писал один сельский коммунист в центральный печатный орган своей партии.

А гигантомания переходила в наступление. Очень по-

казательно сообщение в декабрьском номере "Правды" 1929 года. Под заголовком "Гигантские темпы коллективизации" дается информация о совещании в ЦИК СССР. Выступивший нарком Я. Яковлев отметил, что за год было коллективизировано 30 — 40% хозяйств. И ставит задачу: "Если отдельные колхозы повышают урожайность, допустим, на 10%, то округа должны дать (выделено нами. — *Авт.*) в несколько раз больше. Больших результатов мы добьемся, — продолжает он, — если доведем до села наши посевные планы". А заканчивает речь тем, что приступить к посевной кампании необходимо не в марте или в апреле, как бывало раньше, а уже в декабре. Для чего? А для того, чтобы иметь возможность воскликнуть "посевкампания начата". И лишь один из выступавших противопоставил житейски разумное предложение: необходимо позаботиться о посевном материале, так как в предшествующем году семена привозились после посева.

Кстати, о житейски разумном. Во сколько миллионов рублей обошлось раскулачивание, этапы, конвоирование, охрана! Эти бы миллионы — да на укрепление сельскохозяйственной кооперации.

Однако и после коллективизации крестьянство не было полностью избавлено от репрессий.

Рассказывает Я. Дедерер, живший до войны в деревушке Мариенталь Кушевского района Краснодарского края. В апреле 1937 года в деревушку приехали два милиционера, остановили сев кукурузы, собрали всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет и увезли их на автомашинах. В тот роковой для жителей деревни день было арестовано 65 человек по обвинению во вредительской задержке посевной кампании, в их числе и отец Я. Дедерера. Он был посмертно реабилитирован после XX съезда КПСС.

В поэме Александра Твардовского "По праву памяти" одна из глав называется "Сын за отца не отвечает". Эти ставшие известными сталинские пять слов служат рефреном для обжигающих строк о поломанных, искалеченных судьбах "отцов и детей":

Пять кратких слов...

Но год от года

На нет сходили те слова,
И званье сын врага народа
Уже при них вошло в права.
И за одной чертой закона

Уже равняла их судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...
Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей.
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.

Кровь мужчин, страдания женщин и детей... Что ж, скажет иной, так всегда было в тяжелые для народов и стран времена... Разве не проливается кровь в справедливых войнах? Кровью и страданиями платят за победу. Советский историк Михаил Гефтер размышляет в интервью для журнала "Век XX и мир" (1987. № 8) о, как их сейчас называют, роковых тридцатых: "Да, Сталин и кровь нерасторжимы. История вся зиждется на крови, но Сталин пролил ее в таком избытке, что это подрывает любое рациональное объяснение — не только его поведения, но и истории как таковой! Не это ли расширение вопроса до пределов истории нам и не дается?"

Кровавое, как часто бывает в истории, совпадает с героическим. Но кровь — дорогая плата, вынужденная плата. И тот, кто не задумываясь проливает ее, живет в мире извращенных ценностей.

В 1881 году Федор Достоевский на страницах своего "Дневника писателя" полемизировал с известным историком и юристом Константином Кавелиным: "Проливать кровь вы не считаете нравственным, но проливать кровь по убеждению вы считаете нравственным". Кавелин оправдывал "пролитие крови", если оно диктуется убеждением в необходимости этого ради высших интересов государства, воплотившего в себе волю и сознание народа. Достоевский же, вспоминая слова революционерки Веры Засулич, совершившей в 1878 году покушение на петербургского градоначальника Трепова: "тяжело поднять руку, пролить кровь", писал, что "это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови". Там же, в "Дневнике...", он сформулирует свой "закон крови на земле". Обратимся к его записи: "Кровь. Только то и крепко, где кровь протечет. Только забыли негодяи, что крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он — закон крови на земле".

Думается, хочется думать, что действие нравственного "закона" великого писателя-гуманиста будет возрас-

тать в истории человечества по мере развития цивилизации. XX век, как никакой другой, подтверждает это. Сталин хотел навсегда связать свое имя с социализмом. Но социализм отторгает от себя сталинизм как чужеродную ткань. И это тоже одно из многообразных проявлений "закона крови на земле", один из уроков XX века.

О МЕРТВОЙ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Очень тяжело и больно писать о драматических страницах в не таком уж далеком прошлом нашей Родины. Не сказать об этом, вновь встать на путь замалчивания или — не менее опасный! — полуправды сегодня невозможно. Степень демократизма общества самым непосредственным образом связана с возможностью говорить правду.

В русских народных сказках проходит мотив о мертвой и живой воде. Когда какой-либо сказочный или легендарный персонаж оказывается по воле обстоятельств убитым, более того, разрубленным на куски, то добрые силы, поддерживающие героя, отправляются на поиски эликсира воскрешения — живой воды. Но одной ее было недостаточно. Необходима и мертвая вода — чтобы разрубленное тело срослось. В этом образе — большой смысл. Тело истории страны не может стать ни целостным, ни живым без той и другой воды. Негативное, ошибочное не должно изыматься из истории при осмыслении ее опыта. В противном случае мы будем иметь дело лишь с ее частями.

1 октября 1928 года началась в соответствии с принятыми на XV съезде ВКП(б) в конце 1927 года директивами первая советская пятилетка. Весной 1929 года был принят первый пятилетний народнохозяйственный план, который был сориентирован на оптимальные (возможные при наиболее благоприятных условиях) показатели. Выполнение оптимальных показателей предусматривало среднегодовой темп прироста промышленной продукции на 20 — 22%. Программа коллективизации намечала объединить к концу пятилетки в колхозах 20% от общего числа крестьянских хозяйств. Это был напряженный, но реальный, построенный на научных выкладках, план. Однако сразу же плановые показатели начали пересматриваться в сторону их завышения. Многие из них

выросли в два и более раза. Намечаемый на 1931 год прирост промышленной продукции был повышен с 22% до 45%. Декабрьский (1930 г.) Пленум ЦК ВКП(б) постановил завершить в основном коллективизацию в главных районах зернового хозяйства уже к концу 1931 года. Таким образом, Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Генеральным секретарем взяло курс на форсирование темпов пятилетки.

Ускоренная индустриализация, проводившаяся без должного учета исходного состояния экономики и резервов роста, вызвала перенапряжение сил, усугубила имевшиеся диспропорции. Пересмотренные плановые цифры по ряду видов продукции оказались нереальными.

С точки зрения партийных руководителей и партийных масс, а также основной массы рабочих, надежды на успех оправдались. Достижения были у всех на виду: советские автомашины, тракторы и комбайны, станки своего производства, Днепрогэс и Турксиб, новые шахты, домны, заводы. Народ был охвачен энтузиазмом. Трудовой подъем масс вылился в первой пятилетке в ударничество, во второй — в стахановское движение. Советский Союз превратился из аграрной в индустриальную державу. Как на дрожжах росли надежды на преобразование страны, на лучшую жизнь, на скорейший приход социализма. И в то же время вырабатывались волонтаристские методы руководства народным хозяйством и всей жизнью общества. Сложилась командно-административная система управления. В условиях экономии во всем и на всем возросла роль централизованного распределения. Но видимые достижения заслоняли просчеты, ошибки, издержки.

Энтузиазм был тем действительным солнцем, которое грело своими живительными лучами, придавало силы, вдыхало энергию. Но борьба с "вредителями", принявшая характер массовых "опылений ядохимикатами", оказывала свое токсичное воздействие на всходы и ростки новых отношений. Более того — в опасности оказывалась и корневая система.

"Логика" репрессий неизбежно вела к перенесению методов борьбы с врагами (действительными и мнимыми; последних было, конечно, куда как больше) внутрь партии. Новый политический режим, сформировавшийся в стране на рубеже 20 — 30-х годов, трансформировал и саму партию. Февральско-мартовский Пле-

нум ЦК ВКП(б) 1937 года отметил отсутствие элементарной демократии в партийных организациях. В докладе секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова и в резолюции, принятой по его докладу, отмечалось, что в ряде организаций нарушена выборность партийных органов; широко внедрилась нетерпимая практика кооптации различных руководящих работников в члены пленумов райкомов, горкомов, крайкомов, обкомов, ЦК национальных компартий; установленный уставом порядок утверждения секретарей парткомитетов в ряде парторганизаций превращен фактически в назначение; голосование на выборах проводится по спискам, без прений, и, таким образом, выборная процедура превращается в простую формальность. Такие нарушения внутрипартийной демократии, констатировалось в резолюции, "присущи в той или иной мере всем краевым и областным парторганизациям". Заметим, что пленум проходил, когда партия в решающей степени уже была "очищена" от старой гвардии, а те из ее представителей, кто еще не попал под репрессии, были, как правило, скомпрометированы политически.

На том же пленуме Сталин выступил с докладом "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников". В нем члены партии призывались к политической бдительности, к пониманию того, что по мере продвижения вперед классовая борьба не затухает, а, наоборот, обостряется, и того, что достижения и успехи не сводят на нет вредительство. Особенности современных вредителей, подчеркивал Сталин, заключается в том, что они обладают партийным билетом, играют на политическом доверии к ним как членам партии, используют политическую беспечность советских людей. "Настоящий вредитель, — пояснял Сталин, — должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу".

Таким образом, с одной стороны, провозглашалось восстановление нарушенной (опять-таки сверху, а не снизу) внутрипартийной демократии, а с другой — в докладе Сталина была предпринята попытка объяснить необходимость массовых репрессий против членов партии — "вредителей и троцкистских агентов" как в прошлом, так и в будущем.

Пленум состоялся, напомним, в начале 1937 года. Сигнал "на вредителей" был принят. Год оказался страшным и для партии, и для всего нашего народа. Фарандзем Кнунянц, член партии с 1903 года, вспоминает о конце 1937 года: "Домой идти не хотелось. В нашем доме на Леонтьевском за последние две недели тоже почти все были арестованы. На четвертом этаже — старый немецкий коммунист Доц с женой. Этажом ниже — член партии подполковник Водопьянов. На втором этаже Ольфильд, недавно вернувшийся из Англии с семьей, где он работал в нашем торгпредстве. На первом — беспартийный инженер Шауфлер... честный, преданный Советской власти специалист. Арестована и его жена, а их маленькие дочери остались одни. Арестован инженер Гауптман. Арестованы, по существу, все..." Этот дом в Москве принадлежал сначала Азнефти, а потом Главлоту. Не тронутыми остались две семьи: самой Кнунянц и академика Губкина. И таких "домов" по стране было не счесть.

С 1934 по 1939 год произошло "обновление" всех руководящих органов партии. Из членов ЦК, избранных на XVII съезде партии, в составе нового ЦК осталось только 16 человек (Сталин и его окружение: Андреев, Берия, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Литвинов, Мануильский, Микоян, Молотов, Хрущев, Шверник). Небольшое количество переместилось из кандидатов в члены ЦК (Багиров, Буденный, Булганин, Лозовский, Мехлис, Поскребышев). Ясно, что соответственно произошла почти полная смена руководства ЦК союзных и автономных республик, крайкомов и обкомов, в меньшей мере это коснулось секретарей райкомов. Столь же сильно пострадали Советы, наркоматы, другие высшие государственные, республиканские, краевые и областные учреждения. "Убирали" тех, в ком сохранился дух ленинских времен. Рассылали "совершенно секретно" списки на арест и расстрел. Одни из них визировались лично Сталиным и его окружением, другие составлялись и утверждались на местах.

В результате репрессий в партийном аппарате образовались десятки тысяч вакансий. Их начали занимать новые люди — "выдвиженцы". Старую гвардию — ленинскую, сменила новая — сталинская. Смена поколений означала появление нового типа руководителей, ориентированных на "сталинскую правду", приученных с го-

товностью выполнять идущие сверху "приказы" и, в свою очередь, усвоивших командный стиль руководства.

Но главное, чему "выдвиженцы" были выучены, — это понимать ценность "идейной чистоты" и опасность "идеологических ошибок" (и то и другое, разумеется, не случайно взято в кавычки, речь идет не об идеологии как сложном духовном явлении, а о ее догматизированном примитиве). Среди них было немало и умных людей, прекрасно знающих свое дело специалистов. Но вот что любопытно: такие люди старались не лезть в идеологические споры. Они честно выполняли свои должностные обязанности (куда бы их ни поставила партия), и каждый там, куда его определяла судьба, сделал много для развития советской экономики и в годы Великой Отечественной войны, и сразу после нее, и при Н.С. Хрущеве, и при Л.И. Брежневе.

К поколению "выдвиженцев" принадлежал и будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, ставший в феврале 1939 года секретарем по пропаганде Днепропетровского обкома ВКП(б). Крепко усвоивший идеологическую школу своей молодости, он четко выразил в воспоминаниях ориентацию на "сталинскую правду": "Опасно даже на время, даже на отдельных участках забывать об идейном начале в государственной и общественной жизни, мириться с идейными ошибками. На первый взгляд они бывают не так заметны, как, скажем, ошибки технические. Если неверно спроектирован какой-то агрегат, то он не даст ожидаемой мощности или вовсе не будет работать — это сразу видно, понесенный убыток просто подсчитать. А ошибка в идеологии, как правило, скрыта, закамуфлирована одеждами из красивых слов, но тем более чревата последствиями, ибо она скажется непременно и принесет гигантский вред, если ее вовремя не исправить. Вакуума в современном мире нет: там, где благодушествуем мы, там действуют наши идеологические противники".

Мириться с идейными ошибками, конечно, никто не призывает. Тем более делать их. Беда в том, что под "идейные ошибки" то и дело подводились научные и художественные искания, многообразные проявления духовной жизни. При Сталине "ошибочными" были объявлены целые отрасли науки — генетика и кибернетика, например; многие произведения литературы, искусства — опера Мурадели "Великая дружба", книги поэтессы

Ахматовой и писателя Зощенко... При Хрущеве — романы "Доктор Живаго" Пастернака и "Не хлебом единым" Дудинцева, альманах "Литературная Москва" и творческие эксперименты молодых художников... При Брежневе за антисталинский курс была разогнана редакция журнала "Новый мир" и снят с поста его главный редактор Александр Твардовский. При нем же подверглись опале ряд обществоведов. Организатором ее был тогдашний заведующий Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников. Изменения заключались лишь в том, что "идеологические ошибки" стали стыдливо именоваться "методологическими". Идеологическая неподвижность оборачивалась неподвижностью во всем.

Во всем мире широко известен разгром при Сталине ряда научных школ в самых различных отраслях и областях биологии. Не только критика, но и несогласие со лженаучными взглядами главы так называемой мичуринской биологии (селекционер Мичурин к этому никакого отношения не имел, его имя было использовано авантюристами от биологии) "народного академика" Трофима Лысенко или с "открытием образования клеток из бесструктурного живого вещества" Ольги Лепешинской приравнивалось, по словам пострадавшего в те годы биолога В. Александрова, к антисоветским акциям со всеми вытекающими отсюда последствиями. Научные дискуссии перемещались в политическую плоскость, "идейные ошибки" — в политические, те, в свою очередь, вели к лишению работы по специальности, арестам, судебным процессам.

Колоссальный ущерб накануне второй мировой войны был нанесен кадрам Красной Армии и военнотехническим специалистам. Армия в результате репрессий потеряла из 5 маршалов — 3, из 15 командующих армиями — 13, из 57 командующих корпусами — 50, из 186 командующих дивизиями — 154, из 456 полковников — 401. Репрессиям подверглись члены военных советов и начальники политуправлений всех военных округов, большинство армейских политработников, многие преподаватели высших и средних военных училищ, конструкторы оружия. Вооруженные Силы СССР лишились подготовленного и опытного командного состава, и к началу войны только 7% офицерского корпуса получило высшее военное образование, примерно 3/4 командиров имели стаж в занимаемых должностях до одного года. В

общей сложности было репрессировано около 40 тысяч военных.

Масштаб репрессий против командных кадров Красной Армии в 30-х годах принял такой размах, что это, видимо, вызвало опасения в связи с угрозой войны. Как бы там ни было, но из тюрем были возвращены в строй будущие Маршалы Советского Союза К.А. Мерецков и К.К. Рокоссовский, генерал армии А.В. Горбатов. Однако размеры частичной реабилитации были гораздо больше. Обратимся к опубликованным источникам. Как известно, часть реабилитированных командиров вернулись в строй, не будучи аттестованными в генеральских званиях, и сражались в старых званиях, полученных ими до ареста. В энциклопедическом справочнике "Великая Отечественная война" есть любопытный элемент схемы, по которой построены биографические справки: обязательно указывается воинское звание данного лица в июне 1941 года. Так вот. Тогда старые воинские звания имели не только комбриг А.В. Горбатов, но и еще семь военачальников, достигших в ходе войны высших постов: (на уровне командарма и начальника штаба фронта): Гусев Н.И., Коровников И.Т., Мамонов С.К., Мельник К.С., Стельмах Г.Д., Труфанов Н.И., Юшкевич В.А. В книге В.А. Анфилова "Провал блиц-крига" учтены также старые воинские звания других героев летних боев 1941 года: начальников штабов армий комбрига Н.И. Иванова и комбрига А.В. Петрушевского, командиров корпусов — комбрига С.П. Зыбина, комбрига И.Ф. Дашичева, комдива Э.Я. Магона. В энциклопедию они не попали.

А ведь это — достоверная информация лишь в первом приближении. Мы пока не можем сказать, сколько командиров успели аттестоваться после ареста, подобно К.К. Рокоссовскому и Л.Г. Петровскому. Не знаем, кто из полковников (которые не подлежали аттестации) вернулся в строй перед войной.

Сталин лично вписал в свою "Краткую биографию" слова о том, что он "выдвинул плеяду молодых военачальников в ходе войны". Но "выдвигал" он К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, С.К. Тимошенко, Г.И. Кулика. Они не выдержали испытания войной. Молодые же таланты сформировались в огне боев.

Возможности оставшихся в живых военных И.В. Сталин использовал в минимальной степени. Г.К. Жуков в

беседе с К.М. Симоновым сказал, что три сотни командиров были расстреляны в Москве осенью 1941 года. Публикация А. Ваксберга о расстреле группы генералов 28 октября 1941 года в Саратове (Литературная газета. 1988. 20 апреля) особенно впечатляет даже на общем фоне поражающей информации. Были убиты командующий ПВО СССР генерал-полковник Герой Советского Союза Г.М. Штерн, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, генерал-майор авиации Г.М. Проскуров и др. Здесь исключительно важно подчеркнуть, что погибли герои войны в Испании. А ведь они приобрели опыт боевой работы против фашистской авиации, научились сбивать "юнкеры" и "мессершмитты", преодолевать фашистскую систему ПВО. И именно их обрекли на смерть.

Китаевед Марк Казанин рассказывал своим друзьям о том, как он некоторое время находился в камере с П.В. Рычаговым, генерал-лейтенантом, Героем Советского Союза, получившим это звание за бои в Испании. Тот сказал ему: "Если будете живы, передайте нашим, что номер моей "Золотой Звезды" — 100". Но только сейчас слова его, как и многих других, могут стать достоянием гласности.

Пострадали и органы НКВД, руками которых проводились репрессии. Уничтожали тех, на кого нельзя было положиться; тех, кто много знал и мог проболтаться о том, чего никто не должен был знать. НКВД потерял более 20 тыс. своих сотрудников. Автор письма в журнал "Огонек", начавший в 1939 году работу в особом отделе Забайкальского военного округа, вспоминает, что почти все старые сотрудники были или арестованы по обвинению в нарушении социалистической законности — что особенно показательно, так как на них были списаны грехи дававших указания — или изгнаны из органов. Были ликвидированы и два наркома внутренних дел. Один из них — Генрих Ягода был приговорен к расстрелу на судебном процессе по делу "правотроцкистского блока" в 1938 году, другой, его сменивший, — Николай Ежов был престован и исчез бесследно. Его заместителя Фриновского расстреляли вместе с семьей. Таким оказался финал жизни этих палачей, обреченных на вечную ненависть в своей стране.

Репрессии при Сталине стали составной частью жизни общества. Писатель Константин Симонов вспоминал:

то, что кажется сейчас невероятным и чудовищным, входило постепенно как бы в некую норму, становилось почти привычным.

Врагами народа объявлялись даже расхитители государственной и кооперативной собственности. Наказание их, согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, предусматривало применение высшей меры — расстрела с заменой его при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет. Действие этого закона распространялось на граждан начиная с 12-летнего возраста. К вредительству приравнивался выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции. Лишение свободы грозило за прогул без уважительной причины, за опоздание на работу более чем на 20 минут, за невыработку минимума трудодней в колхозе.

Одним из самых чудовищных был закон 1934 года о ссылке в отдаленные районы Сибири сроком на 5 лет всех членов семей "изменников Родины". Широко применялись такие репрессивные меры, как увольнение с работы, арест жен и детей "государственных преступников". Писатель Камил Икрамов, сын расстрелянного по делу "правотроцкистского блока" ныне реабилитированного первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана, попал в тюрьму, еще не успев получить паспорта. Прокурор ему сказал: "Молодой человек, я знаю, что вы не виноваты, но вы сын своего отца и будете сидеть всю жизнь".

От тех, кто защищает Сталина, часто приходится слышать такой довод: при Хозяине был порядок. Каким же на самом деле был этот превозносимый сталинский порядок? Наверное, прежде всего порядок — это соблюдение законности. При Сталине страна жила в мире произвола, беззакония и страха. Санкция прокурора на арест выдавалась по первому требованию органов ОГПУ — НКВД. Могли арестовать и без нее. По ночам подкатывали к домам "черные вороны" и людей "вынимали" из постели. Следствие руководствовалось принципом: все равно подпишешь. Суду достаточно было "признания" обвиняемого. А если было нужно, то и без суда обходились. На то существовали специальные судебные присутствия. С 1935 года действовало Особое совещание, куда передавались дела, если считалось, что нет достаточных данных для их рассмотрения в судах. За один

день Вышинский с Ежовым приговорили к расстрелу 551 жертву "порядка". Члены семей репрессированных сами становились репрессированными. Когда арестовали Г.Я. Сокольников и его жену писательницу Галину Серебрякову (будущего автора книги "Юность Маркса"), то их малолетняя дочь провела два дня в песочнице во дворе дома, где они жили, и никто к ней не подошел и не обогрел, не накормил ребенка. Почему? Может быть, люди настолько очерствели, что им стало жалко для ребенка корочки хлеба? Нет, просто они боялись. Вот такой был порядок!

Сегодня у некоторых людей в нашей стране возникает своего рода "защитный рефлекс" против того болезненного накала, который пронизывает буквально обрушивающуюся на их политическое сознание правду о тяжелых днях и печальных датах нашей истории. Есть в психологии такой термин — "уровень толерантности" — степень сопротивляемости стрессу. Так вот, порог толерантности к социально-психологическому стрессу оказался не у всех высок. Однозначно высокомерного осуждения здесь быть не должно. Ведь за этим могут стоять и изломанные судьбы, и беда, и страх. Но может быть и другое. Личная причастность к беззакониям. Карьера на чужой беде. Дивиденды с застоя и омертвления истории. Были среди этой категории и жертвы особого рода, лишенные главного, ради чего приходит в этот мир человек. Их, правда, не очень жалко. Вот "жалоба" одного из представителей этой исполнительской породы в "Огонек": "Я потерял здоровье, перенес клебевую энцефалит, именно из-за таких выродков, как этот шпион Бухарин и его жена, которых я пять лет охранял в системе Дальстроя".

Кто-то подчас искренне думал, что происходят аресты действительных врагов. Ведь времена были суровые, международная обстановка настраивала отнюдь не на мажорный лад. А о подлинных масштабах репрессий, да и о том, что это были репрессии против невинных, а не меры социальной защиты, большинство просто не знало.

Обратимся к размышлениям Константина Симонова. Авторитет Сталина, писал он, был для его поколения громадным: "Я знал, что в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах были сделаны ужасные вещи, посажено много невинных людей, но старался себе объяснить

это так, что все это вышло помимо Сталина, что в этом виноват Ежов, НКВД и т.д., а Сталин не знал этого. Конечно, я и тогда думал, что на нем лежит часть вины за это, но в то же время считал, что он этого не знал, а когда узнал, то постарался пресечь эти явления. Так я объяснял это себе тогда...

Но когда во время XX съезда и после него я узнал — постепенно — ту правду о Сталине, которой я раньше не знал, о которой, может быть, в какой-то мере догадывался, но старался оттолкнуть от себя эти мысли, старался не дать себе в них поверить, когда я узнал, как все это обстояло на самом деле, — мое отношение к Сталину резко переменялось. Когда я понял, что Ежов был только исполнителем воли Сталина, когда я понял, что все извращения, все аресты, все суды над десятками и сотнями тысяч неповинно сосланных и расстрелянных людей — все это происходило по прямому указанию, с одобрения и по инициативе Сталина, тогда, конечно, я уже не мог относиться к нему, как я относился раньше...

Да, произошла переоценка ценностей. И если бы мы не произвели этой переоценки ценностей, то мы не могли бы с чистой совестью дальше строить коммунизм, идти вперед.

Я не стыжусь того, что я написал когда-то стихи "Суровая годовщина", и я не стыжусь того, что я плакал в ту ночь, когда умер Сталин, от того, что был потрясен этим. И написал стихи в ту же ночь в его память. И этих стихов я не стыжусь; я так в то время чувствовал. Но это не может заставить меня упереться на месте и доказывать, что я тогда был прав, и что Сталин во всех отношениях прекрасный человек, и все, что про него сейчас мы знаем, с этим я не хочу иметь никакого дела, не хочу этого знать. Это была бы неправильная позиция. Наоборот, я считаю, что люди, которые неправильно в свое время оценивали Сталина, не понимали многих сторон его деятельности — отрицательных, тяжелых, принесших нам трудноисправимые беды, стоивших нам миллионов жизней людей, что люди, которые поняли теперь, как все обстояло в действительности, они обязаны писать о Сталине и об этой эпохе так, как им подсказывает совесть, обязаны рассказать всю ту правду, которую они теперь постепенно узнали..." В этих суждениях во многом также путь к пониманию эмоционально-психологических тай-

ников личностного фактора рассматриваемой эпохи. Кто-то может подняться над собой вчерашним, кто-то нет.

Плоды деформаций в общественной психологии мы пожинаем и теперь. Как сталинский режим хватал за горло "врагов", так и порожденная им психология пытается схватить за горло нас сейчас.

Искореженная система духовных ценностей... Неумение и нежелание отличить истинное от подделки под него. И страх как естественная среда обитания. Как норма. Закон существования людей с рабской моралью.

Сегодня это дает еще о себе знать. Причем весьма своеобразно. На изломы прошлого наслоились негативы последующего — опять какое-то социальное зазеркалье сознания. Наглядный пример — письмо Г. Турецкого в газету "Советская культура" (1988. 19 марта). Его кредо: "В связи с разнузданной кампанией против товарища Сталина предлагаю создать общество защитников его памяти. Да, за Сталиным репрессии, но за Хрущевым и Брежневым растление веры в наше правое дело. Так что же хуже — потерять несколько миллионов людей или иметь десятки миллионов, потерявших нравственные ориентиры?.. Сталин — это фанатичное ощущение Родины, это карающий меч!" Вот такая система аргументов.

А вот письмо иного порядка. Тоже чрезвычайно показательное. О борьбе в душе человека желания перемен и ввевшегося в нее страха. Факсимиле письма было приведено в газете "Советская культура" 30 апреля 1988 года. Речь в письме идет о публикации острых статей о судьбе перестройки: "Уважаемый редактор! Что Вы делаете? Их же (авторов статей) посадят... Но как пишу! Потрясающе!!! Читаешь, как молитву. Господи, только бы их не посадили! Возьмите их под свой контроль, глаз с них не спускайте — может, все и обойдется. Т. Беляева. Ленинград".

Перестройка доносит до нас не только имена незаслуженно вычеркнутых из нашей памяти героев революции. Она вытаскивает и имена ее антигероев. Персонально, по фамилии. Думал ли следователь Хват, издававшийся над академиком Н. Вавиловым, что его имя прозвучит проклятием в памяти потомков? Могли ли предполагать подлецы, именовавшие себя его коллегами, что их доносы когда-нибудь предадут гласности?

Сегодня время переживаний для семей тех, чьи де-

душки, бабушки, занимавшие посты в государственной системе и почетное место в семейной генеалогии, оказываются теми самыми "писателями". А ведь потомки действительно не виноваты, что носят чью-то фамилию. Ради чего они должны отвечать за чужие грехи? Но есть во всем этом все-таки некая высшая справедливость. Не слепой мести, а назидания-предупреждения.

Нельзя не сказать и о тех, кто, искренне веря в Сталина, оставались в то же время честными людьми, коммунистами, ощущавшими себя — и делами подтверждавшими это — действительными строителями нового общества. Вполне можно понять и обиду, и горечь многих пожилых людей сегодня, протестующих против показа только в черном цвете времени их молодости и зрелости. Разве только лагеря и беззакония, разве только пресс административно-командных методов отмечают эти годы, спрашивают они. А наш комсомольский задор, а действительно социалистическое отношение к труду, а энтузиазм и вера?

Время гигантских рывков, конечно, требует самоотверженности и даже самоограничения. Было бы наивно подходить к потребностям и бытовой психологии людей 30-х годов с мерками современности. И все же нельзя не сказать о том усиленно насаждаемом эталоне минимизации потребностей советского человека, который выдавался чуть ли не за какую-то особо положительную черту по сравнению с "разложившимся" капитализмом. Слова о зажиточности произносились. Но в такой тональности, которая предельно ограничивала и огрубляла потребности, в том числе и духовные, человека.

Весьма показательны выдержки из разговора, который состоялся на совещании передовых комбайнеров и комбайнеров СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства 1 декабря 1935 года. Делая опять-таки огромную скидку на то время, нельзя не обратить внимание на набор показателей, которыми участники совещания характеризуют свою счастливую жизнь: живу хорошо, имею стулья, кровать, патефон, велосипед, ружье, гармонь. Только единицы вспоминают о книгах и радио. Предел мечтаний комбайнерки Евдокии Винник — получить от Сталина фотографию, чтобы повесить ее у себя в комнате. Характерен разговор Сталина с комбайнером К. Бориным. "Сталин. Сколько вам лет? Борин. Мне 27 лет. Сталин. А выглядите вы совсем молодым. Борин. Я мо-

лод, потому что я живу в Советской стране, где хорошо воспитывают и где хорошо жить. (Аплодисменты.) Молотов. Вот это хорошо сказано".

Идеал минимальных потребностей органично вытекал из ориентацией на уравнилельно-казарменный вариант социализма. Это во многом был идеал самого Сталина. Не случайно он с интересом и одобрением относился к спартанскому воспитанию. В одном из учебников он вычеркнул фразу: "У детей в Спарте была безрадостная жизнь, жизнь без веселья и ласки".

Установки на аскетизм, самоограничение имели свою причину. Сошлемся на мнение профессора А. Гусейнова (Правда. 1988. 22 августа): "...если аскетические моральные установки возводятся в ранг общественных, становятся основой государственно-политической деятельности, навязываются людям, то они часто оборачиваются злой силой. Тогда государство начинает предъявлять гражданам чрезмерные, невыполнимо суровые требования. А если эти требования не выполняются, оно пускает в ход репрессивные механизмы. Морально оправданный террор — что может быть страшнее". А. Гусейнов очень точно характеризует ориентацию на аскетические жизненные установки "идеологической фальшью".

Действительно, в массовое сознание усиленно внедрялся образ преданного идее аскета-руководителя, труженика. Такие были, и было их немало. Ленинское окружение, как известно, отличалось скромностью. Но вот Сталин и его непосредственное окружение?! Всем памятен портрет Вождя: полувоенный френч, брюки, вправленные в сапоги. Одежда, как бы подчеркивающая его непритязательное отношение к своей персоне. Но вместе с тем вспомним и другое: явственно проступающую в многочисленных портретах Сталина парадность. Нет пышных одеяний, нет иконостаса орденов, но Сталин, например, в мундире генералиссимуса чем-то сродни изображениям российских самодержцев. И, наверное, не случайно в выпущенном во Франции сборнике публицистических статей советских авторов периода перестройки — "Третья смерть Сталина" использован такой прием: на обложке книги коллаж — к известному парадному портрету Петра I приставлена сталинская голова.

Утверждение об абсолютном аскетизме Сталина — миф. Было время, когда лидеры партии и государства

не имели многочисленной рати обслуживающего персонала и охраны, когда на их столы не выставлялись любые деликатесы, лучшие вина и коньяки. Но все менялось... в течение длительного времени пустовали "государственные дачи", куда мог — не каждый год и неизвестно, на какой срок — нагрянуть хозяин. После Великой Отечественной войны все три дворца, в которых останавливались правительственные делегации союзных держав, были "законсервированы" под такие дачи. А это были — Ливадийский дворец (бывший царский — Николая II, где в начале 20-х гг. был открыт первый санаторий для крестьян), Воронцовский в Алушке (где до войны находился музей), Юсуповский в Корензе. Еще один бывший царский дворец — Массандровский (Александра III) тоже был занят под "государственную дачу". Правда, не все дачи посещались Сталиным. Но везде держался соответствующий штат. Были свои любимые места отдыха и у лиц из сталинского окружения. У Молотова, например, бывшее поместье Чаир в Мисхоре (когда-то было модное танго "В парке Чаир осыпаются розы").

Так каково же в целом общественное мироощущение 30-х годов? Только деформации и изломы? Нет, и еще раз нет. Да, стандартизированная, в чем-то упрощенная фигура человека 30-х годов. И в то же время по-своему одухотворенная. Воспользуемся образами писателя Даниила Гранина, приведенными в его статье "Дорога к здравому смыслу" (Правда. 1988. 5 августа). "...Зажженные огнем революции, мечтой о близком рае равенства и братства, о коммунизме, жили в бараках, шли на работу с песнями, возводили могучую индустрию пылко и самоотверженно. Романтику тех лет нельзя обесценить никакими пересмотрами и пересчетами. Она была всенародной, исполненной глубокой веры, и люди трудились, делая чудеса... Порыв этот длился поразительно долго. Его не могли исчерпать ни голод, ни тяжкий быт, ни раскулачивание, ни повсюду возникшие "враги народа". Но затем, продолжает писатель, и мы полностью согласны с ним, деформации сталинщины и эпохи застоя сделали свое дело. Это не прошло даром, и человек, которого долго и упорно не хотели уважать, перестал уважать и себя, и окружающих. Нравственный индекс общества понизился.

Одна из важнейших задач перестройки в том, чтобы

поднять этот индекс на ту высоту, которая соответствует социализму.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР АБСУРДА

У всякого события и явления окружающего мира есть рационалистическое объяснение. Каждое из них имеет какие-то причины; действия человека мотивированы, связаны с его интересами. Правительство в своей деятельности отражает те или иные потребности общества. Но мир может представляться отдельным людям и как нечто абсурдное, алогичное. Такое представление о мире и выражено в театре абсурда — в пьесах Сэмюэля Беккета и Эжена Ионеско. Ощущением вселенского кошмара, страха перед неведомым и непостижимым бессильного в своей логике человеческого ума веет от драмы абсурда. Да, согласимся мы, многое может казаться абсурдным, но только не политика — сфера деятельности людей, связанная с отношениями между классами, социальными и национальными группами в обществе, участием в государственной жизни. В политике, где от принятых решений зависят судьбы миллионов людей, а порой и человечества в целом, все должно иметь рационалистическое объяснение. Вроде бы и спорить по данному вопросу не пристало. И все же, подумав, авторы назвали эту главу "Политический театр абсурда".

Начнем с переписки 1956 года между меньшевиками-эмигрантами Н.В.Валентиновым (Вольским) и Л.О.Дан. В письмах они, в частности, обмениваются своими впечатлениями о разоблачении культа личности Сталина на XX съезде КПСС. В письме, датированном июлем 1956 года, Валентинов приводит слова известного публикатора меньшевистского литературного наследия Б.И.Николаевского о том, что Сталин должен войти в историю "не как безумец, который, будучи психически ненормальным, не несет обычной ответственности, а как исключительно преступная натура, полностью отвечающая за свои действия". В связи с такой оценкой Сталина Валентинов задает вопрос: "Почему же эта преступная фигура выдумывала процесс врачей, видела в Ворошилове английского агента, ставила себе всюду памятники, бессмысленно убивала своих соратников?" И в заключение он приходит к выводу: "И понять этого нельзя, если

не знать, что этим делом дирижировал сумасшедший. Нет другого объяснения". Итак, для Валентинова репрессивные действия Сталина не поддаются рационалистическому объяснению. Отсюда и вывод: психически больной вождь великой державы. Правда, в этом логическом построении имеется существенный изъян: неясно, почему пелена сумасшествия спала со Сталина в годы Великой Отечественной войны.

В 1957 году Габриель Гарсиа Маркес, тогда молодой колумбийский журналист, а ныне известный писатель, побывал на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В написанном им репортаже он довольно много внимания уделяет Сталину, замечает, что лучшим биографом Сталина мог бы стать писатель Франц Кафка, произведения которого близки по духу авторам драмы абсурда.

Как же быть, если из 21 члена ЦК партии большевиков 1917 года "врагами народа" оказались 11. Учитывая, что 7 членов этого ЦК погибли или умерли еще до конца 20-х годов, из числа живых к тому времени незапятнанными остались, включая самого Сталина, только трое. Почти сплошь из "врагов народа" состояли Политбюро, созданное в октябре 1917 года, и Политбюро ЦК 1919 года. Исключением были Ленин и Сталин, да еще кандидат в члены Политбюро 1919 года Калинин. И так можно продолжать вплоть до XVII съезда ВКП(б) в 1934 году.

Как же могла выглядеть история Великой Октябрьской социалистической революции, если более половины членов ЦК возглавившей ее большевистской партии оказались "врагами социализма"? Наверное, так, как в краткой биографии Сталина излагаются Октябрьские дни эпически спокойно там отмечается (да еще выделено курсивом), что "он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания". Конкретнее? Можно и конкретнее. В № 1 журнала "Пропаганда и агитация" за 1938 год в статье М. Карачевской, посвященной В.И. Ленину в дни Октября, рассказывается, как Ленин вечером 24 октября прибыл в Смольный: "После короткой деловой информации товарища Сталина о положении дел В.И. Ленин утвердил все распоряжения И.В. Сталина и вместе с товарищем Сталиным возглавил восстание". Да, представьте себе, все, как в театре абсурда: Ленин присоединяется к Сталину, утвердив его распоряжения.

Гражданская война также велась сонмом "врагов на-

рода". В Реввоенсовет (РВС) Республики, осуществлявший непосредственное руководство армией и флотом, входило в разное время 22 человека. Из них, по нашим подсчетам, "врагами народа" оказались 14. Были репрессированы почти все командующие фронтами и армиями, выдающиеся полководцы времен гражданской войны и иностранной военной интервенции: первый главнокомандующий Красной Армией И.И. Вацетис, В.К. Блюхер, А.И. Егоров, А.И. Корк, В.М. Примаков, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Ф. Федько, И.Э. Якир и многие другие.

Но зато по мере увеличения числа "врагов" в Красной Армии возрастала и роль товарища Сталина в победах, одержанных над белой армией и войсками интервентов. "В самые трудные моменты в жизни молодого государства в период гражданской войны, — заявляет Емельян Ярославский в статье "Сталин — это Ленин сегодня", опубликованной в № 1 журнала "Историк-марксист" за 1940 год, — товарищ Сталин становится организатором снабжения продовольствием всего населения, а затем организатором и полководцем Красной Армии и проявляет в этом деле гениальнейшие способности. Он грудью своей защищает Страну Советов на всех фронтах". "Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин", — говорится в его краткой биографии, и этот вывод выделяется, естественно, в тексте курсивом.

В краткой биографии Сталина подчеркивается, что он был воспитателем и руководителем военных комиссаров, без которых, по определению Ленина, не было бы Красной Армии. Правда, несмотря на это, в начальники Политического управления Реввоенсовета пробрался "враг народа" И.Т. Смилга, а в председатели Всероссийского бюро военных комиссаров другой "враг" — К.К. Юренев. Среди же тех, кого воспитывал и кем руководил товарищ Сталин, тоже было немало "врагов"-комиссаров: Р.И. Берзин, А.С. Бубнов, Я.Б. Гамарник, В.П. Затонский, И.И. Межлаук, К.А. Мехоношин, В.А. Трифонов, И.С. Уншлихт и многие другие.

В 1988 году Театром-студией МГУ был поставлен острогротескный спектакль "Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили". В нем Берия шантажирует Сталина некой "черной палкой", содержащей документальный компромат на Вождя.

Так вот, представим, что после смерти Сталина на какое-то время власть оказалась в руках Берии. И вот он, чтобы скомпрометировать "великого вождя" и списать на него заодно и свои грехи по уничтожению людей, организует "дело Сталина". Разумеется, дело ведется по всем правилам драмы абсурда. Рассматривается, скажем, участие Сталина в гражданской войне. Июль — сентябрь 1918 года: Сталин председатель Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Военный руководитель округа А.Е. Снесарев. Кто он? "Враг народа", арестован в первой половине 30-х годов. Сентябрь — октябрь 1918 года: Сталин член Реввоенсовета Южного фронта. Кто был командующим? П.П. Сытин. В "Советской исторической энциклопедии" этого военачальника нет. Год смерти — 1938. Июль — сентябрь 1919 года: Сталин член РВС Западного фронта. Кто командующий? В.М. Гиттис. Кто такой? Расстрелян как враг народа. Октябрь 1919-го — январь 1920 года: Сталин член РВС Юго-Западного фронта. Кто командующий? А.И. Егоров. Что за личность? Был репрессирован в звании маршала. Все ясно: связь с "врагами народа" в годы гражданской войны.

Кто предложил кандидатуру Сталина на пост Генерального секретаря ЦК РКП(б) в апреле 1922 года? Лев Каменев. XIII съезд партии: рассматривается вопрос о пребывании Сталина в должности Генерального секретаря в связи с предложением Ленина о его перемещении, изложенном в "Письме к съезду". Что говорит сам Сталин по этому поводу в речи на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК 23 октября 1927 года? "Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту". Слово "обязали" в тексте речи выделено. Но кто обязал? Троцкий, Каменев, Зиновьев — "враги народа". А сколько упоминаний "врагов народа", да и их записей сохранилось на сталинских документах!

Окончательный вывод яснее ясного: непрерывное тесное сотрудничество с "врагами народа". Все выдержано в строгом соответствии с жанром драмы абсурда.

А как же быть с победами? Если не командующие фронтами и армиями, то кто же их одерживал? Может быть, главную роль играли в Красной Армии члены Реввоенсовета? Любопытно, как сам Сталин думал об этом.

Что ж, прямого свидетельства у нас нет. Но в годы Великой Отечественной войны маршал Рокоссовский присутствовал при разговоре Сталина с разжалованным после разгрома в 1942 году Крымского фронта его бывшим командующим Козловым. Оправдываясь, Козлов жаловался на представителя Ставки Главного командования Мехлиса, который вмешивался в его решения и не давал ему делать то, что он считал нужным. На это Сталин, очевидно основываясь на своем знании военных дел, в том числе и по гражданской войне, резонно возражал: "Ваши приказания обязаны были выполняться все на фронте?.." "Вы, как командующий, отвечали за ход операции?.." "Мехлис не был командующим фронтом?.." "Почему вы жалуетесь? Вы командовали фронтом, вы отвечали за действия фронта, с вас за это спрашивается..." Товарищ Сталин знал, что значит командующий фронтом и что значит член Военного совета при всей его значимости.

Многое знал товарищ Сталин и многих. Знал, кто действительно делал революцию, кто одерживал победы в гражданской войне, кто руководил социалистическими стройками в 20-е годы. Для того чтобы их уничтожить, надо было скомпрометировать, публично судить и осудить их как врагов народа: заговорщиков, террористов, шпионов.

В обвинительной речи на судебном процессе "право-троцкистского блока" Вышинский издевался над обвиняемыми, которые, пытаясь, по его словам, реставрировать капитализм в Советской стране, сразу играли тремя картами — английской, немецкой и японской. Это были придуманные три карты, но у Сталина и Вышинского была своя игра, в которой фигурировали тоже три карты, беспроигрышные и пускавшие в дело на каждом из судебных процессов 30-х годов. Ими были обвинения во вредительстве и диверсиях, заговоре и терроре, измене и шпионаже. Иными словами, это был трехликий образ "врага".

Выступая на XX съезде КПСС с критикой культа личности Сталина, Н.С. Хрущев говорил о том, что концепция "врага народа" сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался или расходился во взглядах со Сталиным, безразлично по какому вопросу; против любого, кто лишь подозре-

вался в намерении совершить враждебные действия. Клеймо ставилось еще до суда, и оно автоматически исключало необходимость доказательства идеологических ошибок.

Читая судебные отчеты по так называемым политическим процессам 30-х годов, больше всего, пожалуй, удивляешься самооговорам — признаниям подсудимых. От них в ответ на вопросы государственного обвинителя Прокурора СССР А.Я. Вышинского только и слышно: "Да", "Подтверждаю", "Подтверждаю все", "Правильно", "Совершенно правильно", "Совершенно верно", "Это так". Странно, когда последнее слово подсудимого напоминает обвинительный акт против самого себя. Впечатление такое, будто идет соревнование: кто хуже, кто опаснее, кто преступнее. Обратимся к мартовскому процессу 1938 года по делу антисоветского "правотроцкистского блока", главные жертвы которого Бухарин и Рыков спустя 50 лет, 4 февраля 1988 года, были признаны виновными Пленумом Верховного суда СССР. В чем же признаются подсудимые:

"...Я признаю себя виновным в измене социалистической родине... в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке "дворцового переворота" (Бухарин Н.И., член партии с 1906 г., ЦК — с 1917 г., Политбюро ЦК — с 1924 г., редактор "Правды" и "Известий").

"Я совершил тягчайшие государственные преступления. Я изменил Родине... Мы готовили государственный переворот, организовывали кулацкие восстания и террористические ячейки, применяли террор как метод борьбы" (Рыков А.И., член партии с 1898 г., член ЦК — в 1905 — 1907 и в 1917 — 1934 гг., член Политбюро ЦК — с 1922 г., Председатель СНК СССР).

Вот так, в атмосфере самобичевания и саморазоблачения "двойных" и "тройных шпионов" (английских, французских, немецких или японских, польских и т.д.), протекали судебные фарсы.

Некоторые обвиняемые выдерживали режим допросов месяцами и годами, отказываясь от "показаний" и "признаний". В течение почти трех лет шло следствие по делу Александра Шляпникова, члена партии с 1901 года, участника трех российских революций, кооптированного

в члены ЦК в 1915 году и избранного кандидатом в члены ЦК на VII съезде РКП(б), члена Русского бюро ЦК РСДРП в 1915-м — начале 1917 года. Никаких "показаний" ни против себя, ни против других не дали секретари ЦК комсомола 1937 — 1938 годов во главе с Александром Косаревым. Несмотря на это, многие руководители комсомола и его активисты были репрессированы, но намечаемый Берией "молодежный процесс" сорвался.

Но не будем сегодня судить строго тех, кто не выдержал. Скажем прямо — выдержать следствие, проведенное недозволенными приемами, дано немногим.

Да, трудно остаться несломленным садистскими допросами. А ведь было еще и испытание страхом за свою семью и близких, за свою честь и имя. Этот страх — за имя и честь — пронизывает так называемое завещание Бухарина. Ему, понимавшему всю обреченность судьбы, уготованной проходившим по судебному процессу, не оставалось ничего другого, как обратиться с письмом (продиктованным жене, которая должна была его запомнить) к "Будущему поколению руководителей партии". В нем Бухарин заявляет о своей невиновности и просит о помертвом восстановлении его в партии.

Подумайте, невиновный заранее знает, что он будет приговорен, что тюрьма и ссылка, и даже смерть — не самое худшее наказание. Страшнее то, что на нем поставлено клеймо "враг народа". Но он не апеллирует к закону, ибо знает — власти закона нет, а есть только власть беззакония. И для тех, кто не потерял веры, остается одно: писать товарищу Сталину, потому что он и есть персонифицированная Власть.

В речи государственного обвинителя Вышинского на процессе так называемого "параллельного антисоветского троцкистского центра" 1937 года, по которому "проходили" Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников и другие видные партийные и советские деятели, был выделен раздел "Процессуальные вопросы". Вышинский правомерно формулирует вопрос о том, какие доказательства вины подсудимых с точки зрения юридических требований существуют в арсенале суда, как можно доказать наличие антигосударственного заговора, связанного с зарубежными фашистскими силами. "Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? — рассуждает Вышинский. — Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа?"

У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят. Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы этой заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т.п.?"

Итак, вопрос с точки зрения юридических требований поставлен правильно. Но в ответе на него и разгрызается представление. "Я беру на себя смелость утверждать... что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя", — говорит Вышинский. В этом есть определенный здравый смысл — о том, что государственный переворот заговорщики совершают не "по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке". Затем (все же юрист!) он заявляет: "Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик".

Как добывали показания и объяснения обвиняемых, теперь известно. Поэтому вслед за Вышинским рассмотрим и мы те документы, которые имеются на сей счет и представляют собой косвенные улики. Программа? А как же без программы? И Вышинский зачитывает выдержки из издаваемого Троцким за границей "Бюллетеня" № 10 за апрель 1930 года. А чтобы развеять возможные сомнения, поясняет, что обвинительные тезисы подтверждаются исторически на основании прошлой политической деятельности в качестве троцкистов. На этом имеющиеся документы исчерпываются. Но их заменяет впечатляющая с точки зрения юридических требований тиарада: "Нет никаких оснований допускать, что Пятаков не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К. или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, — как его там звать, что он с Бухариным не кормил "яичницей с колбасой" каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, — "визируя мандат Троцкому". То ли господин К., то ли господин Х., то ли какой-нибудь другой господин либо какие-то неофициальные лица, а также какой-то представитель... И вообще какие-никакие, а "доказательства". И главное, говоря словами государ-

ственного обвинителя: "...все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению".

А теперь рассмотрим "дело" этого центра, следуя строго за логикой речи Вышинского, применительно к одному из подсудимых, начальнику Главхимпрома Ратайчаку. (Станислав Ратайчак — подданный Германии, в начале первой мировой войны был мобилизован в кайзеровскую армию и в 1915 г. оказался в плену. Как и многие другие немецкие и австро-венгерские военнопленные, он связал свою судьбу с революцией в России. В 1919 г. вступил в РКП(б), в 1920 г. стал политработником в Красной Армии, впоследствии занимал ряд ответственных постов, был награжден орденом Ленина.) С него в речи и начинается индивидуальная характеристика "преступников": "Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут... На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, разрушает паруса всюю, — взрывает, уничтожает плоды труда народа, губит и убивает людей". Спустя какое-то время Вышинский вновь говорит о Ратайчаке: "Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное объяснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году, и в частности в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны". Поскольку заседание закрытое, то и вред, нанесенный Красной Армии, остается неизвестным.

Перейдем вслед за Вышинским к другим "чудовищным преступлениям" Ратайчака — взрывам на Горловском азотно-туковом комбинате. 11 ноября 1935 года в водородно-синтетическом цехе этого завода произошел взрыв. Что можно было сделать, чтобы его предотвратить? — вопрошает Вышинский. Оказывается, немного: соблюдать инструкции по безопасному проведению работ. Давал ли Ратайчак указания не соблюдать выработанные, по всей видимости, в его же управлении инструкции, остается неизвестным. Важно другое: по этому случаю, а также по случаям горных пожаров на Прокопьевском руднике и пожаров и взрывов на Кемеровском комбинате "установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла". Чьего? Да конечно Ратай-

чака, который находился в Москве и организовывал — с помощью кого, неизвестно — диверсии.

Как же проводилась экспертиза, на которую делал главный упор Вышинский в "системе" доказательств по "диверсионным делам"? В 1956 году профессор Гальперин, возглавивший во время процесса экспертную комиссию по установлению причин аварий на Горловском азотно-туковом комбинате, показал: "Сотрудниками НКВД СССР нам было заявлено о доказанности злоумышленного характера взрывов, а нам, экспертам, нужно только подтвердить техническую возможность совершения таких взрывов" (Труд. 1988. 5 августа). В 1960 году эксперты Б. Покровский и П. Трофименко рассказали, как их и других экспертов в течение двух недель держали взаперти в помещении НКВД г. Кемерово, заставляли "стрять" и подписывать угодные следствию заключения о злоумышленных взрывах.

Во всех случаях у Прокурора СССР Вышинского не было никаких сомнений. Например, поразительные истории с покушениями. Так, инженера Бояршинова задавила грузовая автомашина. "Кто такой Бояршинов? — разъясняет прокурор. — Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова". Стоп! Читатель чувствует, что вина Строилова — одного из подсудимых — уже доказана. А шофер грузовой автомашины — что вполне логично с точки зрения отсутствия юридических требований, — конечно, в речи прокурора даже не фигурирует.

Занесло на обочину автомашину Молотова во время его поездки в Кузбасс в 1934 году. Опять же не случайность, а злой умысел, неудавшийся террористический акт. Организаторы — те же "заговорщики из антисоветского троцкистского центра".

И вот Вышинский разражается гневными выпадами против террористов, пытавшихся убить Молотова. Только случайность, в изложении Вышинского, предотвращает преступный замысел подсудимого В.В. Арнольда. Но сегодня мы уже знаем, как это было на самом деле. Действительно, В.В. Арнольд находился за рулем автомашины В.М. Молотова и сумел в нужный момент резко

повернуть руль, чтобы избежать столкновения со встречным транспортом. Но вот ведь какой парадокс: попытка спасти весьма ловко превращается в попытку убить. "Для того, чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта", — утверждал Вышинский.

Однако пора бы нам и кончить с излишне затянувшейся речью государственного обвинителя, который не обнаруживает недостатков в процессуальной стороне "дела". "Я считаю, — заявляет он, — что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки не до конца рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства". Речь государственного обвинителя в целом не выдерживает критики как с юридической точки зрения, так и с точки зрения логики.

В информации с одного из процессов промелькнула фраза о том, что разговоры Ягоды с Крючковым (секретарь М. Горького, обвинен как соучастник убийства писателя) — "это не бред из сумасшедшего дома, а потрясающая правда судебного следствия. Это чудовищная правда классовой борьбы". В этой "правде" столько же истины, сколько в циничном утверждении А. Вышинского о том, что "подлые враги народа стремились разоружить наше государство путем нигилистического отношения к закону". О подлинном "уважении" к законам свидетельствует вакханалия беззакония, печатью которой отмечены все "дела" и "процессы".

Только в 1988 году на пленумах Верховного суда СССР был принят ряд постановлений, отменивших приговоры в отношении лиц, проходивших по политическим процессам 30-х годов. Дела на них были прекращены за отсутствием состава преступления. Так, 4 февраля 1988 года Пленумом Верховного суда СССР было принято постановление по делу Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Рогенгольца А.П., Чернова М.А., Буланова П.П., Казакова И.Н., Максимова-Диковского В.А., Крюčkова П.П. и Раковского Х.Г. (часть обвиняемых по делу "правотроцкистского блока" была реабилитирована ранее, еще при Хрущеве). "Изучение вопросов дела, — констатируется в постановлении, — дает основание сделать вывод, что некоторые протоколы допросов, в том числе допро-

сов на очных ставках, фальсифицировались; к делу приобщались заранее составленные протоколы с "признанием" обвиняемыми своей вины. Самооговор же достигался путем обмана, шантажа, психического и физического насилия... Если арестованный отказывался от своих показаний, следователю давались указания "восстановить" арестованного, то есть добиться от него прежних ложных показаний".

В последнее время на страницах газет и журналов публиковалось немало фактов о применении, как говорится в постановлении Пленума Верховного суда СССР, "психического и физического насилия". Немало было высказано клеймящих слов по отношению к виновным в пытках следователям НКВД. При этом все-таки надо не забывать и того, что осуждаемые сегодня методы "получения показаний" санкционировались не только руководителями НКВД Ягодой, Ежовым, Берией, но и Сталиным.

В докладе Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года приводился текст направленной Сталиным 20 января 1939 года шифрованной телеграммы, адресованной первым секретарям областных и краевых партийных комитетов, ЦК компартий республик, наркомам внутренних дел и начальникам управлений НКВД. В ней говорилось, что ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД допустимо с 1937 года на основании разрешения ЦК ВКП(б). Известно, разъяснялось далее в телеграмме, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия к представителям социалистического пролетариата и используют их при этом в наиболее скандальных формах. Возникает вопрос: почему социалистические органы должны быть более гуманными по отношению к злобным агентам буржуазии, по отношению к смертельным врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны применяться и дальше в виде исключения по отношению к явным и скрытым врагам народа как допустимые и правильные.

А теперь снова вернемся к постановлению Пленума Верховного суда СССР от 4 февраля 1988 года, к его заключительному выводу о том, что "в связи с грубыми нарушениями закона на предварительном следствии и в процессе судебного разбирательства показания обвиняемых не могут быть положены в основу вывода об их ви-

новности. Других же достоверных доказательств совершения ими особо опасных государственных преступлений в деле не содержится". Аналогичные постановления были в разные сроки приняты и по делам "союза марксистов-ленинцев" (М.Н. Рютин и другие), "московского центра" (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и другие), "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" (Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев и другие, а также вновь привлеченные в 1936 г. после процесса января 1935 г. Зиновьев и Каменев), "параллельного антисоветского троцкистского центра" (Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек и другие). Все эти дела являлись фальсифицированными судебными фарсами. Установлено, что каких-либо обоснованных данных об антисоветской преступной деятельности привлеченных к ответственности лиц в материалах дел не обнаружено, что никаких организаций противоправного характера они не создавали, шпионской, вредительской и террористической деятельностью не занимались, не были причастны к убийству Кирова и не вели подготовки террористических актов против руководителей партии и правительства. Свидетелями на процессах были, как правило, люди, которые являлись обвиняемыми по другим делам. Такими, например, были все пятеро свидетелей на процессе по делу "параллельного антисоветского центра" в 1937 году.

Во всех перечисленных делах немало чудес, достойных занять почетное место в театре абсурда. Вот соделец Зиновьева и Каменева по процессу 1936 года Гольцман описывает, как он встретился с сыном Троцкого Львом Седовым в копенгагенской гостинице "Бристоль". Есть в показаниях и место, и время встречи. Только вот гостиница "Бристоль", по сообщениям датских газет, оказалась, снесена еще в 1917 году. Видно, кто-то из дореволюционных эмигрантов помнил эту "воскреснувшую" на процессе гостиницу. Не менее фантастична встреча Пятакова с Троцким в Осло, куда Пятаков якобы прилетел из Берлина на специально предоставленном ему гитлеровцами самолете. Норвежские власти выясняют, что в декабре 1935 года ни один самолет из Берлина не приземлялся на аэродроме в Осло. А история с подготовкой отравления Ежова ртутью... Бывший начальник отдела НКВД Николаев рассказал, как был сфальсифицирован этот "террористический акт". Его — ни более ни ме-

нее — организовал сам Ежов. В подъезд дома арестованного работника НКВД Саволайнена была подброшена та банка с ртутью, которая затем фигурировала в качестве "вещественного доказательства", а сам Саволайнен "сознался" после систематического избиения.

Попутно с процессами над "врагами народа" стала складываться своеобразная "ежовиада". Романтическая: "барсов отважней и зорче орлов — любимец страны, зоркоглазый Ежов". И героическая: "выродок Ягода инструктировал слугу Саволайнена, как опрыскивать комнаты товарища Ежова, и яд начал действовать в то самое время, когда чудесный, негибимый большевик Николай Ежов, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывал и резал нити фашистского заговора".

Сталинские исполнители превратили глумление над социалистической законностью в своего рода соревнования: кто больше выявит "врагов". В этом плане даже на фоне той новой информации, которая сопутствует процессу перестройки, чудовищным и по абсурдности и по жестокости выглядит дело, организованное тогдашним первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафаром Багировым. Багирову требовалось громкое дело. И он придумал... повстанческую, буржуазно-националистическую организацию (Сельская жизнь. 1988. 23 июня). Знай наших, наш размах. Но нужны люди, действовавшие в повстанческой организации. Много людей. И вот в июне 1937 года председатель одного из колхозов получает предписание, подписанное начальником районного отдела НКВД: к определенному сроку выдвинуть и утвердить на колхозном собрании 70 передовых колхозников для участия в республиканском слете стахановцев — новаторов полей и ферм. К ночи колхозников стали выводить из задымленных палаток, служивших им домами. Одного — чабана Сафара Сафарова не застали дома. Взяли другого — тоже чабана — Сафарали Сафаралиева. Скоро все они очутились во внутренней тюрьме НКВД. Страшное шемахинское дело, захватив ряд сел, унесло жизни тысячи людей. "Опыт" Багирова был затем использован в других национальных районах.

Каких только шпионов ни штамповали "люди" Ягоды, Ежова, Берии!

Четверо дядьев литературоведа Льва Овруцкого были следовательской фантазией зачислены в иранские шпионы. В живых остался только один, неграмотный

извозчик из города Крыжополя на Украине. Вернувшись в 1956 году после реабилитации, он, как-то увидев на столе своего племянника-третьеклассника глобус, спросил: "Слушай, покажи мне наконец, где этот Иран?"

В начале августа 1988 года по Ленинградскому телевидению выступала с воспоминаниями об отце дочь флагамена второго ранга, участника гражданской войны П.И. Смирнова. Она рассказала, как после ареста отца была взята органами НКВД и ее мать. Жена "врага народа" должна была сознаться в том, что занималась шпионской деятельностью. Измученная, с подавленной в результате воздействия специальных препаратов волей, женщина призналась в том, что она японская шпионка. Но раз японская, то надо назвать и агента, который ее завербовал. Несчастная, как ни напрягалась, не могла вспомнить ни одного японского имени. Наконец на ум пришло название пудры, которой она пользовалась. Так название пудры стало именем японского резидента.

Проводилась своего рода массовая децимация. Но древнеримские децимации — казнь одного воина из десяти по жребию — вводились только за трусость в бою. Они основывались на реальности коллективной вины — бегстве с поля боя под напором неприятеля. Сталинская же децимация обрушивалась на людей, ничего не знавших и не ведавших.

1938 год, октябрь... В Кремле, в комнате заседаний, разыгрывается очередной эпизод драмы абсурда. Присутствуют Сталин, члены Политбюро Молотов, Каганович, Маленков, Ежов, работники НКВД Гречуха, Лудинцев, Коган, Шавелев, ищущий от них защиты у Сталина великий русский писатель Шолохов. В 1937 году Шолохов вырвал из застенков НКВД старых друзей-коммунистов — первого секретаря Вешенского райкома партии Лугового, председателей райисполкомов Логачева и Красюкова. Спасая их от клеветы и наветов, Шолохов сам оказался под угрозой. В присутствии членов Политбюро Шолохов вынужден доказывать, что он не враг народа, что работники НКВД, угрожая людям, добируются от них ложных показаний против него. Писатель просит ЦК оградить его от произвола работников НКВД. Как же разворачивается спектакль? Сталин спрашивает у Когана, получил ли тот задание оклеветать Шолохова и использовал ли для этого провокатора. Коган ссылается на то, что задание было получено от его

непосредственного начальника Григорьева (который в 1937 г. держал Лугового в камере, кишасей клопами, и угрожал: "Будешь плавать в лужах собственной крови, а какая останется кровь, ее допьют клопы в клоповнике"). Ежов отрицает, что Григорьев согласовывал дело с ним. Начальник Вешенского райотдела НКВД Лудищев избивает солдата, который выполняет приказ. Итог разбирательству подводит Сталин, заявляя: "Напрасно Вы, товарищ Шолохов, подумали, что мы поверили бы клеветникам".

В стране перманентно на всех уровнях шли поиски "врагов народа". В журнале "Рабоче-крестьянский корреспондент" в № 13 за 1937 год редактор стенгазеты "За здоровый путь" рассказывала о рейдах бдительности от станции Ростов Ярославской железной дороги до станции Берендеево в связи с процессами над германо-японо-троцкистскими шпионами, диверсантами и вредителями: "Как-то вечером из кладовой пятого околотка враг, взломав замок, украл гаечный ключ и лапный лом... Бандит, готовившийся сделать вредительский акт, был задержан и передан в руки следственных органов". Логика Вышинского становилась логикой многих людей: гаечный ключ и лом — не иначе как для диверсии, сомнений нет, воров тоже нет — есть только диверсанты.

В те же тридцатые годы в другом Ростове, Ростове-на-Дону, в Азово-Черноморский крайком партии пришли районный партийный работник Алексей Жирнов и комбайнер, один из первых и самых знаменитых стахановцев страны Константин Борин. Жирнов нес в мешке початки кукурузы, гордый полученным тогда высоким ее урожаем в колхозе "Социалистическое земледелие". "Что ты здесь с мешком идешь, мусоришь?" — спросил его один из секретарей крайкома. "Это не мусор — кукуруза!" — "Кому здесь твоя кукуруза нужна! Ты лучше скажи, сколько врагов народа разоблачил?" Рассказав об этом случае, Борин горько заключает: "Такова была установка — разоблачать. И разоблачали. Многие брались за это черное дело с одной-единственной целью — не выглядеть плохо в глазах вышестоящих товарищей".

Кто разоблачал из страха, кто — из карьеристских соображений, кто — из мести или зависти, кто — надеясь заполучить для себя еще комнату в общей квартире. Бывало все. Сплошь и рядом, почти поголовно новые, некомпетентные руководители конца 30-х годов свои ошиб-

ки и упущения объясняли последствиями "вредительства" предшественников, как об этом свидетельствует предвоенный нарком вооружения Б.Л. Ванников. В случае недовольства, скажем, тем или иным директором, научным сотрудником, инженером на него "собирали материал". Тот же Б.Л. Ванников рассказывает в мемуарах, как Главное артиллерийское управление Красной Армии командировало на одно из предприятий сотрудника, "прямо и недвусмысленно" поручив ему "сфабриковать" факты преступной деятельности и передать материал в следственные органы.

Многие, очень многие явления невозможно осмыслить с помощью обычной человеческой логики. Сын Сталина Яков Джугашвили мужественно ведет себя в фашистском плену, остается преданным Родине, социализму. А его жену в это время арестовывают, помещают в одиночную камеру. Сидят жена "президента" М. Калинина, жена Молотова П. Жемчужина, расстрелян брат Кагановича, арестованы родители жены сына Ворошилова. Все должны быть скомпрометированы. Так оно надежней.

Словно в годы гражданской войны, разграничительная линия проходила, разделяя вчерашних коллег, товарищей, друзей, братьев и сестер, отцов и детей. Размышляя об общественной атмосфере 30-х годов, обратимся к двум написанным в то время и опубликованным спустя десятилетия художественным произведениям. Одно из них — неоконченный роман "Заговор равнодушных" главного редактора журнала "Интернациональная литература", в начале творческого пути польского, а затем советского писателя Бруно Ясенского. Роман репрессированного писателя впервые был напечатан после XX съезда КПСС, в 1957 году. Другое произведение — написанная накануне Великой Отечественной войны, в 1939 — 1940 годах, повесть Лидии Чуковской "Софья Петровна". Повесть читатели увидели только в 1988 году.

Роман Бруно Ясенского и повесть Лидии Чуковской — интересные художественные документы того времени. Роман начинается с описания встречи нового, 1935 года группой комсомольцев. Почти все уже в сборе, но нет еще хозяина квартиры, редактора заводской газеты "За боевые темпы": он на заседании парткома. Вдруг одного за другим комсомольцев вызывают в коридор: квартира пустеет. Последний из оставшихся сообщает

хозяйке квартиры Жене Гараниной, что ее муж исключен на заседании партбюро из партии. Далее разворачивается следующий весьма показательный диалог:

— Что-о-о? Этого не может быть! За что?

— Говорят, за троцкизм.

— Какая нелепость! Подожди, ты всерьез? Ведь он никогда не был ни в какой оппозиции. Какой он троцкист? Ему двадцать пять лет...

— Женя, ты же комсомолка. Раз бюро исключило с такой мотивировкой, очевидно, были какие-то данные.

— Но я тебе говорю, это нелепо. Ведь я же знаю Юрку!

— Если мотивы окажутся недостаточными, партгруппа может их отвергнуть. Да и после партгруппы остается комиссия партийного контроля. Но пока что никто из нас, ни я, ни ты, не вправе ставить под сомнение выводы нашего партийного бюро. А бюро исключило Гаранина как врага партии.

Потрясенная молодая женщина слышит от товарищей-комсомольцев: "Мы все знаем тебя, Женя, как преданного товарища... И никто из нас не сомневается: какой бы оборот ни приняло дело Гаранина, ты поступишь так, как должна поступить комсомолка". О том, что она должна поступить как комсомолка, слышит она и от старшего товарища, директора завода. Ты "прежде всего комсомолка, а потом уже жена", "ты не просто женщина, ты женщина нашего класса", большевики в семейной жизни обязаны сохранить известную долю настороженности и критицизма — внушает ей старший товарищ, участник гражданской войны. Он ее убеждает в виновности мужа, он ей разъясняет, что "...наша партия есть воинствующая партия, окруженная врагами", он рисует перед ней картины, как ее мужа завербовал троцкист-преподаватель, "историк" из тех, которые историю хотят делать револювером из-за угла — так быстрее. Запутавшаяся женщина стреляет в своего мужа, который для нее сейчас самый страшный, самый отвратительный и подлый человек, посягнувший на самое святое — на веру. И пусть потом директор завода сам оказывается троцкистом, он ведь использует аргументы своего времени, аргументы, в которых незаметно разводится нравственное и политическое: женщина как женщина, как жена противопоставляется комсомолке, большевичке; никто не вправе ставить под сомнение выводы партийного

бюро, ибо не твоя собственная позиция является решающей для тебя, а позиция вышестоящей партийной инстанции. Все происходит как в страшном сне.

Впрочем, карали и за сны. Один паренек, работавший в Боровичах в местной газете, утром пришел в редакцию и рассказал про свой диковинный сон. Дескать, они вместе со Сталиным... бежали стометровку. И что же — через некоторое время его арестовали.

Абсурд! Бессмыслица! Но в режиссуре этого политического театра таких понятий нет. Зато есть кровь, горе и слезы человеческие.

ГАМЛЕТОВСКИЕ ВОПРОСЫ

У Гамлета, человека глубоко образованного для своего времени, есть очень характерная черта — склонность к самоанализу, стремление постигнуть смысл бытия, сомнения. Возьмем его знаменитый монолог: "Быть или не быть — таков вопрос; что благородней духом — покоряться пращам и стрелам яростной судьбы или, ополчась на море смут, сразить их противоборством?"

В полной мере тяга к поиску ответов на гамлетовские вопросы проявилась и в исканиях российской интеллигенции, когда страна вступила на путь революции.

Размышления о нашей революционной истории, нашем прошлом не могут не быть и размышлениями о судьбах российской интеллигенции, о ее заслугах и долгах, об идейных традициях и новациях. Судьба интеллигенции — это в известном смысле зеркало истории, ибо в ее духовных поисках отражается эпоха со всеми ее противоречиями и общественными страстями.

На протяжении XIX века публицистика, литература, искусство вырабатывали у передовой молодежи России три жизненно важные позиции: идейность, действенность, порядочность. Концепция идейности заключалась в осознании каждым человеком необходимости иметь идеалы, которые утверждают в мучительном поиске истины. Действенность требовала "жизненности идеалов", то есть стремления к деятельности во имя идеалов, оценки поступков с точки зрения приближения к идеалу и приближения идеалов. И наконец, порядочность выражалась в выдвижении на первый план в поведении человека

соблюдения им долга по отношению к обществу, к любому выполняемому делу, друзьям и близким. Считалось, что интеллигента в России в первую очередь характеризовало гражданское подвижничество.

Понятие "интеллигенция" в какой-то мере не совпадало с понятием "образованная часть общества". С этой точки зрения интеллигенция противопоставлялась не людям физического труда, а людям рутины, обычая, традиций, привычного образа жизни. Самое образование интеллигенции мыслилось как выделение ее из общей инертной массы, живущей в узком кругу только семейных, производственных, служебных, имущественных интересов.

В начале XX века в России формируется рабочая интеллигенция. Ее яркими представителями в большевистской партии были корреспонденты ленинской газеты "Искра" Иван Бабушкин (расстрелян карательной экспедицией в 1906 г.), Никифор Вилонов (умер от туберкулеза в 1910 г. в возрасте 37 лет), Михаил Калинин (председатель ВЦИК РСФСР с 1919 г., ЦИК СССР — с 1922 г., Президиума Верховного Совета СССР — с 1938 по 1946 г.). К этой интеллигенции принадлежали первые пролетарские поэты Павел Арский, Михаил Герасимов, Аркадий Коц (автор русского текста "Интернационала"), Авенир Ноздрин (председатель первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов, созданного летом 1905 г., в его дневнике есть замечательная запись: "...интеллигентность — мозг всякого дела, в том числе и социализма").

На протяжении трудного пути российской истории не единожды из среды интеллигенции раздавались голоса, призывающие к переосмыслению своего назначения. В XX веке первый такой призыв прозвучал в 1909 году вскоре после поражения российской революции 1905 — 1907 годов. Семь известных либеральных авторов, в числе которых были П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, выпустили сборник статей под многозначительным названием "Вехи".

Казалось бы, далеко ушли в прошлое те времена, но и сегодня "Вехи" и связанные с ними споры вызывают живой интерес читателей. Той ли дорогой идет революционная российская интеллигенция, служа народу? — так ставили вопрос авторы "Вех".

"Веховцы" упрекали российскую интеллигенцию в ув-

печенности идеями социальной справедливости, "общественного добра", "народного блага" и т.п. Отсюда вытекали веховские обвинения интеллигенции в "народолюбии" и "народопоклонстве".

Победа социалистической революции в России ответила на обвинения "веховцев". Но она вновь поставила перед основной массой российской интеллигенции вопрос: с кем идти?

Многие люди, которые восприняли в свое время веховскую идеологию, участвовали в борьбе с Советской властью, уже в эмиграции поняли необходимость пересмотреть некоторые свои взгляды на Октябрьскую революцию. Так в 1921 году появился сборник "Смена вех".

К этому сборнику и обратился советский публицист Игорь Клямкин, автор статьи "Какая же дорога ведет к храму?", опубликованной в конце 1987 года в журнале "Новый мир" (№ 11). В заглавии статьи обыгрывается фраза из фильма советского кинорежиссера Тенгиза Абуладзе "Покаяние": "Зачем же эта улица, если она не ведет к храму?" И храм, и улица как в кинофильме, так и в статье — символы духовного идеала и дороги к нему.

Клямкин полагает, что современному читателю, размышляющему об исторической "улице", полезно послушать сменовеховцев, чтобы знать, за что и почему они "приняли" социалистическую революцию в России.

Авторы "Смены вех", оставаясь буржуазными идеологами и возлагая надежды на перерождение большевистской власти, тем не менее признавали, что "большевизм не только сумел вовремя учесть стремления масс — он пришел безоговорочно исполнить и заветы истории русской интеллигенции... Не будет в России ни монархии английского типа, ни республики типа Соединенных Штатов. Будет что-то свое, выстраданное и выкованное революцией. Памятников или вовсе никому не поставят, или поставят их Ленину... В большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свое историческое отщепенство от народа и психологическое отщепенство от государства..." Конечно, ни в коем случае нельзя отказываться от классовых оценок взглядов сменовеховцев. Они в большинстве своем мерили революционные события в Советской России на свой лад, считая, что большевики восстанавливают российское великодержавие. В данном же случае нас интересовал чисто

личностный подход той части интеллигенции в эмиграции, которая была готова к совместной работе с Советской властью.

Но подлинное чувство патриотизма продемонстрировали, конечно, те представители старой интеллигенции, которые поддерживали дело революции, стремились помочь своему народу, стране выйти из хозяйственной разрухи, создать мощный научный и духовный потенциал.

Важнейшим шагом на этом пути стала ликвидация тяжелейшего наследия прошлого — неграмотности. В 1920 году начала работать Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Каждый, кто сам мог читать и писать, был обязан помочь другому. Сегодня нельзя без невольной улыбки смотреть на кинохронику и фотографии 20-х годов, на которых дюжие бородатые дяди с усердием выводили буквы под руководством молоденькой учительницы. Но эта улыбка исчезает, когда вдумываешься — а может, в этих кадрах как раз и выражен гуманный смысл революции. Люди, казалось, уже прошедшие большую часть жизненного пути, жадно тянутся к знаниям, чтобы прикоснуться к духовным богатствам человечества. А что же говорить о молодых...

Если до революции дети трудящихся, как правило, были лишены доступа к высшему образованию, то Советская власть создала при университетах и институтах специальные факультеты (рабфаки) для подготовки к поступлению в высшие учебные заведения представителей рабочих и крестьян.

Доступными для трудового народа стали музеи, театры, библиотеки. Активно приобщали население к новой, социалистической культуре народные дома, рабочие клубы, избы-читальни.

В стране осуществлялась подлинная культурная революция. Не остались в стороне от нее писатели, поэты, художники, скульпторы. Горький, Маяковский, Гладков, Фадеев, Фурманов, Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов, Мейерхольд, Греков, Эйзенштейн, Петров-Водкин, Андреев, Меркуров, Шадр. Это прежде всего с их именами связано рождение новой, социалистической культуры.

За годы социалистических преобразований стремительно шагнули вперед наука и техника. Если до революции в России число научных работников измерялось циф-

рой 10,5 тысячи, то к концу 30-х годов их было более 100 тысяч. Открытия Циолковского, Кондратюка, Цандера в области ракетостроения, Капицы, Курчатова — в ядерной физике, Павлова — в физиологии, Мичурина, Навилова — в биологии. Советские исследователи штурмовали Северный полюс, летчики осуществляли фантастические для того времени беспосадочные перелеты. Эти достижения были закономерным результатом общего подъема культуры всех народов СССР.

В ходе осуществления культурной революции оформилась и успешно работала система образования широких народных масс. Советская высшая школа подготовила новые кадры социалистической интеллигенции, командиров и специалистов производства, ученых, деятелей культуры. Только с 1928 по 1937 год высшая школа подготовила более 2 млн. специалистов. Это были люди не только хорошо профессионально обученные, но и вооруженные марксистско-ленинским мировоззрением, сознательно работающие на дело социализма.

Однако в это же время обозначились сложности в поведении "старой" интеллигенции. Отказ от курса на развитие нэпа и насильственные методы коллективизации были основной причиной этого. Многие интеллигенты, воспитанные на гуманистических традициях XIX века, гордились своей духовной независимостью и высокими моральными устоями. В их представлении классовая борьба должна была кончиться с завершением гражданской войны. Они, нашедшие свое место в годы расцвета нэпа, не всегда могли вписаться в новую жизнь. Тем более что партийные руководители зачастую видели в них социально и идеологически чуждых людей.

Многие интеллигенты, пройдя через сомнения и колебания, как, например, писатели Алексей Толстой и Мариэтта Шагинян, историк Евгений Тарле, бесповоротно встали на путь сотрудничества с Советской властью. Другие, как мы уже говорили выше, — не смогли. Не всегда это было связано с их нежеланием. В ряде случаев и представители Советской власти "не смогли" понять интеллигенцию. Так, писатель Александр Куприн, уже после кратковременного ареста ВЧК летом 1918 года разрабатывает программу издания народной газеты для крестьян "Земля" и приезжает с этим предложением из Петрограда в Москву. Однако встретившийся с ним Каменев в грубой форме раскритиковал план Куприна.

День визита к Каменеву писатель назвал "самым тяжелым днем своей жизни". Пути Куприна и революции разошлись. Писатель оказался в "белом стане", в эмиграции, и только в 1937 году, на склоне жизни, вернулся на Родину.

Недавно были опубликованы выдержки из дневника незаслуженно забытого писателя Юрия Слезкина. У него есть размышления об интеллигентности и о праве на интеллигентность. Дневник писался в 1932 году, когда развернулась атака на интеллигенцию. "Интеллигент вовсе не обязательно знающий, образованный, цивилизованный человек, а человек, социально ведущий свой класс. В России в силу социальных и экономических условий интеллигенция была численно больше, чем в других странах, тогда как цивилизованных, знающих людей в ней было меньше... Желая стать культурным, интеллигентным человеком в данных социальных, государственных и экономических условиях, человек должен, принужден освоить ведущую в настоящее время идею понимания мира, должен быть на уровне (минимума) философских концепций своего времени, чтобы занять желаемое им место интеллигента... Раз так — задача интеллигентности и право на интеллигентность — в неизменном движении вместе с методологическим освоением и ростом научной, философской мысли своей эпохи. Человек, утративший эту способность и сознательно, из упрямства остановившийся, — теряет право на интеллигентность..." Вот такая высота социальной позиции!

В дневниках Довженко тоже есть место, посвященное интеллигенции. "Мы единственная на свете страна построенного социализма, в которой слово "интеллигент" звучало (когда-то) как пренебрежительное слово. У нас было заведено понятие "гнилой интеллигент". А между тем интеллигент никогда не был у нас гнилым. Напротив, он был пламенным, чистым, передовым. Гнилой у нас была не интеллигенция, а мещанство. Оно осталось гнилым и нестерпимо смрадным и сейчас, невзирая на высокие государственные посты, которые оно позанимало..."

Чем же можно объяснить тот факт, что меч массовых репрессий с конца 20-х годов был направлен против интеллигенции? Ведь проблема специалистов, как говорил в то время — "спецов", вставшая сразу же после социалистической революции, была важнейшей, и в принцип

она была решена в начале 20-х годов. Само собой понятно, что без знаний, без опыта, без культурных, знающих, интеллигентных людей молодой Советской стране с ее грандиозными планами развития и преобразований не обойтись.

С одной стороны, волюнтаристские методы руководства, недостаточная обоснованность планов "большого скачка", некомпетентность ряда представителей партийных и советских органов в экономических и технических вопросах, с другой — попытки подвести под это научный фундамент, реально определить возможности страны и отдельных отраслей народного хозяйства, может быть, излишняя осторожность и даже известный консерватизм специалистов. Эти две тенденции противоборствовали все сильнее. Специалисты винили в ошибках партийных и советских руководителей, те, в свою очередь, и так относившиеся с недоверием к специалистам, возлагали вину за неполадки и срывы на них. Отчуждение, видимо, было столь велико, что многие партийные и советские руководители не хотели и не могли понять позиции специалистов. В них стали видеть не помощников, не доброжелательных критиков — пусть и не во всем правых, а замаскировавшихся вредителей и врагов.

В накаленной атмосфере конца 20-х — начала 30-х годов родились первые политические процессы против научной и технической интеллигенции. Ученым, инженерам, экономистам, хозяйственникам пришлось отвечать на то, что неоправданно высокие темпы, диктовавшиеся плановыми заданиями, вели к сбоям в материальном снабжении, нарушениям технологических требований, падению качества производимых работ и выпускаемой продукции, авариям на предприятиях, простоям и т.п. О некоторых из этих процессов сказать сегодня что-либо определенное трудно. Многие еще предстоит выяснить нашим юридическим органам, ведущим кропотливую работу по пересмотру дел конца 20-х — начала 30-х годов.

А теперь о том, что уже нам известно. В июле 1987 года Верховный суд СССР, рассмотрев протест Генерального прокурора СССР по делу 15 граждан, осужденных в 1931, 1932 и 1935 годах, постановил прекратить уголовное дело за отсутствием в действиях указанных лиц состава преступления. В числе реабилитированных ученых были звезды первой величины: профессора

А.В.Чаянов, Н.Д.Кондратьев, А.Н.Челинцев. Им инкриминировалось создание так называемой "трудовой крестьянской партии", по делу которой было привлечено до двух тысяч человек (к настоящему времени уже более тысячи из них реабилитированы). Ни Чаянов, ни Кондратьев не могли, естественно, быть руководителями никогда не существовавшей "трудовой крестьянской партии", якобы связанной с другой столь же сомнительной политической организацией — Промпартией (Промышленная партия — союз инженерных организаций, члены которой, занимавшие ответственные посты в Высшем Совете народного хозяйства и Госплане, обвинялись во вредительстве). Чаянов — автор получивших всемирную известность работ по теории и практике кооперативного движения, возглавлял созданный им же Институт сельскохозяйственной экономики, Кондратьев — автор получившей мировое признание теории "больших циклов конъюнктуры" и директор Института по изучению конъюнктуры при Наркомате финансов. Сегодня мы можем с уверенностью сказать: личная трагедия такого крупного ученого, как Чаянов, — это трагедия крестьянства на рубеже 20—30-х годов. И вот почему.

Вдумаемся в то, что писал Чаянов: "Искусство политики есть прежде всего искусство осуществления, социальные идеи, как бы они возвышенны ни были, грандиозные планы, сколько бы тщательно и законченно они ни разрабатывались, по своей реальной ценности, с точки зрения экономической политики, равны нулю, раз нет подходящей социальной обстановки и средств к их осуществлению". Чаянов и Челинцев отрицали, что в условиях советского строя продолжается расхождение (социальная дифференциация) крестьянства, будущее которого они видели во всеобщей кооперации, основывающейся на развитии "семейного товарного хозяйства", использовании переходных экономических форм, учете интересов существовавших в деревне социальных групп. В их построениях отводилось большое место таким вопросам, как хозрасчет, самоокупаемость, оптимальные размеры кооперативных хозяйств. Чаянов стремился выяснить, в каких именно организационных формах и с помощью каких хозяйственных аппаратов сельскохозяйственная кооперация осуществляет и может осуществить колоссальную народнохозяйственную работу, при каких условиях и под давлением каких факторов зарождаются

и могут существовать кооперативные организации и какие стимулы приводят в движение их энергию. На ученых, отстаивавших свои взгляды, не замедлили наклеить ярлыки "последних могикиан идеологии народовольцев", сторонников "американского пути" развития сельского хозяйства, духовных детей "столыпинской реакции".

Позиция ученых, ставивших в центр своих построений личность крестьянина, его семью, а не технократические факторы, не соотносилась с политической практикой конца 20-х — начала 30-х годов в деревне. В напечатанном журналом "Коммунист" (1988. № 1) интервью президента Академии сельскохозяйственных наук А. Никонова дана такая оценка ученым, чьи имена, к стыду нашему, легли в основу терминов "чаяновщина", "кондратьевщина" как символов антинародного и антинаучного подхода к социальным проблемам сельского хозяйства в социалистическом обществе: "Эти люди погибли, будучи абсолютно невиновными, будучи истинными патриотами и активными поборниками социалистического пути развития, я подчеркиваю — социалистического пути развития, но на строго научной, реалистической основе".

Обратимся к другому, открытому, в отличие от кондратьевско-чаяновского, процессу начала 30-х годов — к процессу "контрреволюционной организации меньшевиков" "Союзного бюро" ЦК РСДРП. Именно на нем профессор Л.К. Рамзин и Н.Д. Кондратьев, выступая в качестве свидетелей, давали показания о связи "Союзного бюро" с Промпартией и "трудовой крестьянской партией". Кого и за что обвиняли на этом процессе? Из 14 подсудимых все, за исключением двоих публицистов, были экономистами, занимали ответственные посты в преидиуме Госплана, Государственном банке СССР, ВСНХ, Наркомате торговли, Центросоюзе. Подсудимым вменялись в вину следующие экономические преступления (политические обвинения — курс на вредительство и интервенцию):

— разработка и представление таких конъюнктурных обзоров по народному хозяйству, которые не содействовали социалистическому строительству;

— проектировка минимальных размеров роста продукции по пятилетнему плану в целях срыва социалистического строительства;

— противодействие осуществлению взятых Советской властью темпов развития тяжелой промышленности, от-

ствание мероприятий, приводивших к торможению этого развития;

— действия по срыву кредитной реформы;

— недоснабжение товарами рабочих центров и районов;

— сокрытие средств потребительской кооперации и сопротивление ее включению в сферу действия кредитной реформы.

Разумеется, все это перечислено в самом сжатом изложении, и перечислено для того, чтобы дать представление о тех хозяйственных вопросах, на решение которых могли существовать разные взгляды. Если внимательно читать материалы процесса, то становится ясно, что обвинения в тяжелых экономических преступлениях, несмотря на признания подсудимых, выглядят необоснованными, тогда как расхождения в подходах к пониманию экономических проблем вырисовываются довольно четко.

Приведем несколько свидетельствующих об этом выдержек из выступлений свидетеля Н.Д. Кондратьева и обвиняемых Л.Ю. Финн-Енотаевского и Н.Н. Суханова.

Н.Д. Кондратьев: "...Я был противником напряженных темпов индустриализации, я был противником напряженных темпов развития, в особенности тяжелой, индустрии, я был противником слишком далеко идущих регулирующих мероприятий в области народного хозяйства вообще. Иначе говоря, я имел концепцию, которая, если ее сопоставить с концепцией социально-экономической политики, которую сейчас осуществляет Советская власть, — была глубоко отличной от концепции Советской власти".

Л.Ю. Финн-Енотаевский (профессор Ленинградского финансово-экономического института): "У меня была своя теория диктатуры пролетариата, которая сводилась к объединению социалистических сил. Это совсем другое дело. Это, может быть, наивно, неверно, ошибочно — это другой вопрос. Это я изложил в выпущенной в 1922 году книге "Карл Маркс и новейший социализм"... В 1930 году, в феврале, я приехал сюда (в Москву из Ленинграда). Я хотел прочитать доклад о своем "Финансовом капитале". Тезисы мои были посланы сюда. Этот мой доклад, по некоторым соображениям, а именно ввиду моих еретических взглядов насчет финансового капитала... не состоялся. Известно, что у меня с большевист-

кой партией существовали большие разногласия по вопросу о финансовом капитале, что вызвало большую полемику против меня и охлаждение ко мне... Но по поводу финансового капитала я абсолютно не стоял на меньшевистской точке зрения".

Н.Н. Суханов (публицист, автор "Записок о революции", написанных с позиций неприятия Великой Октябрьской социалистической революции): "В это время, к осени 1928 года, с моим участием происходила перманентная дискуссия, — можно сказать, я сам находился в состоянии перманентной дискуссии по разным высоким политическим и текущим вопросам. Я выслушивал информацию о кризисе из компетентных уст... Получались сведения о сокращении скота в деревне, у лавок начались хвосты, продукты стали исчезать, заговорили уже о хлебных карточках, мои прогнозы как будто оправдались, и я думал, что без всякой внешней помехи, без войны, только в силу возврата к политике военного коммунизма мы идем назад и подвергаемся опасности срыва нашего социалистического строительства".

Конечно, участники процесса были противниками курса, который проводили Сталин и его окружение. Они об этом говорили между собой, встречаясь по воскресеньям за чашкой чая у Суханова (к нему, кстати, каждый знакомый мог прийти без приглашения), или у Кондратьева, или еще у кого-либо. Они особенно не скрывали своих взглядов, но вряд ли кто из них занимался вредительством (пересмотром дела "Союзного бюро" Верховный суд СССР еще не занимался). Были у них свои мнения по разным политическим и экономическим вопросам. Были и свои убеждения. Надо в этом беспристрастно разобраться, установить, кто в чем был прав и не прав.

В том же, 1931 году, когда прошел судебный процесс над "Союзным бюро" меньшевиков, состоялась I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. На ней с большой речью выступил Н.И. Бухарин. Значительная ее часть была посвящена интеллигенции. В Великой Октябрьской революции, заявил он, в отличие от Великой французской ученые и интеллигенция, за исключением ее низовых слоев и ряда наиболее выдающихся представителей (у Бухарина нашлось только два их имени: Тимирязев и Брюсов), оказались по другую сторону баррикады. Но пролетарская революция

имеет не меньше оснований для истребления вредителей, чем яacobинская диктатура имела на истребление своих контрреволюционеров. Целый слой интеллигенции оказался в лагере кровавых врагов, и "с врагом пришлось поступить как с врагом", говорил Бухарин, ссылаясь на последние политические процессы. Рабочие по примеру яacobинцев должны применить по отношению к саботажникам и агентам империалистической разведки "физическую или моральную гильотину". Строители социализма "уничтожают, как змеенышей, клубки вредителей".

В этой речи Бухарина, как в капле воды, отразилось негативное отношение к старой интеллигенции на крутом переломе конца 20-х — начала 30-х годов. Отношение, питавшееся, с одной стороны, определенными традициями у части партийной среды, а с другой — критическими (что для многих руководителей было равносильно предательским) настроениями самой интеллигенции, не принявшей сверхфорсированной индустриализации и коллективизации.

О том, что это было именно так, свидетельствует и речь И.В. Сталина "Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства" на совещании хозяйственников в июне 1931 года. Объясняя, почему "год-два назад" наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции оказалась зараженной болезнью вредительства, Сталин разделил эту интеллигенцию на две части. Активность "боевой части вредителей" подкреплялась надеждами на интервенцию и хлебными за трудностями внутри страны. Колебания другой части усиливались "разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов" о том, что "из колхозов и совхозов все равно ничего не выйдет", "Советская власть все равно перерождается и должна в скором времени пасть", "большевики своей политикой сами способствуют интервенции". Политику партии по отношению к "старой" технической интеллигенции в такой обстановке Сталин определял как политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных. Однако успехи социалистической реконструкции повлияли на интеллигенцию, и "было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы как непойманного преступника и вредителя". Было ясно, что опыт первой пятилетки показал, как нужны

квалифицированные кадры специалистов и инженеров для выполнения поставленных задач. Приближалась вторая пятилетка, которая пройдет под лозунгом "Кадры решают все".

Однако репрессии против интеллигенции не прекратились. Более того, если в период первой пятилетки пострадала преимущественно научно-техническая, инженерная интеллигенция, то во второй сильные удары были нанесены по творческой интеллигенции, склонность которой к свободомыслию никак не согласовывалась с культом личности великого Вождя.

Разговор об отношении Сталина к творческой интеллигенции — особый и большой. Лукавство, интриганство, откровенный цинизм проявили себя в его отношениях с миром культуры в полной мере. Остановимся только на некоторых моментах. В первоначальном тексте письма Сталина к Кагановичу давалась критика украинского поэта Хвильевого за его требования "дерусификации" пролетариата на Украине. Письмо заканчивалось весьма разумным заключением: борясь с крайностями таких товарищей, как Хвильевой, необходимо серьезно взяться за дело привлечения к культурной и политической работе на Украине способных людей. Без таких, как Хвильевой, и подобных им дело будет страдать — таково резюме Сталина. Но затем Хвильевой был объявлен буржуазным националистом — а также, как следовало из его биографической справки в первом издании БСЭ, симпатизирующим троцкистом. И при публикации собрания сочинений Сталина заключительную часть письма выбросили после авторской правки.

На встрече 12 февраля 1929 года с украинскими писателями Сталин высказал очень важную мысль о том, что от литератора нельзя требовать того же, чего мы требуем от члена партии. Для беллетристической литературы, поучал он, нужны другие меры — революционная и не революционная, советская и не советская. Говорят часто, пьеса — правая или левая. Это неправильно, правая и левая опасность — это чисто партийное определение. А для литературы мерки должны быть другие.

Как же Сталин следовал собственным ориентирам в области духовной культуры? Это он наглядно продемонстрировал на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б): "Писатели думают, что они политикой не занимаются... Написал человек красиво, и все... Разве Анна Ахматова мо-

жет воспитывать? Разве этот дурак, балаганный рассказчик, писака Зоценко может воспитывать?..» На напечатанной в журнале "Красная новь" повести А. Платонова "Впрок" с подзаголовком "Бедняцкая хроника" Сталин, перечеркивая подзаголовок, пишет: "Кулацкая хроника", а в отношении автора у него нашлось только одно определение — "сволочь".

Журналист Эдуард Белтов, давно занимающийся восстановлением списков репрессированных писателей и по данным которого их число составляет более тысячи человек, говорит о том, что были практически уничтожены все удмуртские, алтайские, коми, башкирские писатели. А в Марийской республике была истреблена вся интеллигенция. Вот вам и "иные" мерки.

Так чем все же можно объяснить такую политику в отношении интеллигенции? Попробуем, как это ни неприятно, встать на позицию тех, кто осуществлял репрессию. В отношении творческой интеллигенции их "логику" еще как-то можно уловить. Уничтожалось творческое начало, инакомыслие. Нужен был хор придворной челяди от культуры. Но как быть с интеллигенцией научной? С тем, что составляет мощь, силу государства.

Почему академик П.Л. Капица был вынужден с риском для себя бесстрашно бороться с руководителями своего же, социалистического государства, чтобы вывести из тюрьмы гениального Ландау, попытаться отстоять от бессмысленных наветов академика Н.Н. Лузина? Где здесь хоть элемент здравого смысла? Его нет. Зато налицо полное отступление от ленинских требований бережного, внимательного отношения к людям науки. Как объяснить обвинение во вредительстве Л.А. Зильберга в связи с им же сделанным открытием вируса энцефалита?

А жестокие удары, нанесенные по древу научного знания дискуссиями конца 40-х годов? Иначе чем кошмаром и глумлением над здравым смыслом не назовешь замечание Г.М. Маленкова на XIX съезде партии о том что, дескать, эти дискуссии покончили с аракчеевским режимом в науке.

В антидиктаторском фильме венгерского кинорежиссера Золтана Фабри "Пятая печать", получившем в 1971 году премию Московского кинофестиваля и не увидевшем широкий экран в нашей стране, есть такой эпизод: Хортистская Венгрия. Несколько типичных обывателей

ведут в кабачке "предательские" разговоры. Их выдает маньяк. Попытки, допросы. Ничего человеческого не остается в людях, и до ареста не очень отличавшихся интеллектуальными и нравственными качествами. И вот судист — фашистский офицер — ставит на них своеобразный психологический опыт. Их вводят в комнату, где висит на дыбе участник Сопrotивления. Ситуация очень однозначна — путь на свободу и цена жизни лежит через пощечину этому человеку. Вроде бы арестованные давно потеряли право называться людьми, но когда один из них делает шаг по направлению к распятому, то остальные — жалкие и ничтожные — останавливают его. Нельзя! Нельзя переступать черту даже тогда, когда пройдены ступени отречения от личности. Какую-то последнюю грань, на которой огненными буквами вечного проклятия написано: табу.

Для чего мы привели этот пример? А вот для чего. Художник, творец, вообще интеллигент должен нести в себе особо высокий порог подобного табу. Есть вещи, на которые он просто никогда не имеет права. Своей судьбой, естеством. Нельзя становиться на тропу антигуманизма. Нельзя призывать к крови и смерти своих сограждан, как бы ни были велики их ошибки. Талант, обращенный на дело смерти и разрушения, может сыграть страшную роль.

Мы сегодня пытаемся разобраться в побудительных мотивах того массового братоубийственного психоза, который развернулся в стране в связи с кампаниями против "врагов народа". Откуда эта кровожадность? Почему слова "смерть", "казнь" вошли в массовое сознание? Потому, что этим сознанием умело манипулировали. И роль ряда деятелей культуры оказалась здесь особо неприглядной. Они накручивали, науськивали народ, осуществляя это методами художественно-эмоционального воздействия. Оставим сразу в стороне ремесленников, бездарей-конъюнктурщиков. О них и говорить не имеет смысла. А вот люди действительно талантливые, принесшие большую пользу отечественной духовной культуре? Даже со всеми скидками на то время, на объективные и субъективные обстоятельства, как понять их?

Наверное, не сумела ученица 10-го класса Кадиевской средней школы № 1 прочитать стихи "кулацкого поэта" Сергея Есенина о том, что нельзя бить по голове даже зверей — "братьев наших меньших". Тогда она бы зна-

ла, прежде чем писать в газету "Известия" стихи с жестоким лейтмотивом — "расстрелять, как собак" представителей "троцкистско-зиновьевской банды", поняла, что даже собак нельзя расстреливать, не то что людей. Но свой поэтический ликбез девочка, очевидно, проходила по иным хрестоматиям.

Но ладно, что там девочки! В марте 1938 года Алексей Сурков напишет: "Жалким сбродом стоят перед нашим судом те, кто грязь заносили в наш солнечный дом. И Бухарин и Рыков, Чернов и Ягода. Суд идет! Гнев в сердцах миллионов созрел. Нет пощады изменникам! Смерть им! Расстрел! Вот железная воля народа!"

Как ни печально об этом говорить, но своим блестящим талантом публициста "обслуживал" процесс о "правотроцкистском блоке" Михаил Кольцов. Ведь это именно его "находки": "злые двуногие крысы", "прожженные мерзавцы", "гиены и шакалы мирового фашизма".

Чрезвычайно неприглядна роль и Демьяна Бедного в подливании масла в огонь при оценках хода политической борьбы. Как кичится он своей партийной принципиальностью. Как решительно грозит "хлопнуть по затылку" оппозиции в 1927 году. И как меняется тональность его речи после критики Сталиным одного из его стихотворений. И вот его письмо к Сталину от 8 декабря 1930 года. В нем Демьян Бедный пишет, что поэты — особенный народ: их хлебом не корми, а хвали; и он ждал похвалы человека, отношение к которому у него всегда было окрашено нежностью. И наконец, заключительный аккорд: радостно помчался он к этому человеку по первому звонку; уши растопырил, за которыми его ласково почешут. И его крепко дернули за эти уши.

Каковы бы ни были политические реалии тех лет, но согласимся, образ поэта, ждущего, что его "почешет за ухом" политический руководитель, — малопривлекателен.

Впоследствии Д. Бедный опять вернет доверие вождя. Он напишет предельно примитивные вирши о народном гневе к "врагам народа" с абсолютно "типовым" названием "Пощады нет" (а может быть, тогда, в 1936 г., оно еще имело привкус "оригинальности"). "Тот гнев, который — если бы вас на площадь выпустить, кто выдаст полномочья — вас всех до одного в единый миг, не в час в мельчайшие разнес бы клочья". В ноябрьском номере

"Огонька" за 1926 год была помещена фотография сидящих в обнимку А. Рыкова, М. Кольцова, Д. Бедного. Быстро пролетело время от объятий до проклятий. Но и многие из тех, кто воспевал расправы, сами не избежали репрессий. А об их коллегах, отстаивавших право на собственное видение, и говорить нечего.

Люди, помнящие то время, могут сказать: зачем называть, а тем более цитировать кого-то персонально? Жаль, что почти ни один крупный деятель культуры и искусства в то время не остался в стороне от всеобщего процесса обличения и травли "врагов народа". А такие, как М. Кольцов, сами стали жертвами репрессий.

Но тех, кто это помнит, остается все меньше и меньше, в жизнь вступают новые поколения. И наши примеры должны служить известным предупреждением. Предупреждением о том, чтобы снова не зазвучали призывы к репрессиям и даже уничтожению инакомыслящих или, например, "противников перестройки". А подобные призывы уже слышатся.

Да, дело не только в самих репрессиях, но и в нравственно разлагавшем общество доносителе, в его последствиях. К сожалению, и в постсталинские годы определенная часть интеллигенции не избавилась от лакейства и доносительства. Профессор В. Фролов так и озаглавил свое письмо в "Советскую культуру" (1988. 21 мая) — "В жанре доноса". Давайте представим себе такую ситуацию, пишет он. Лет этак 120 тому назад собрались вместе Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский, Иван Сергеевич Тургенев и еще восемь писателей и сочинили царю-батюшке письмо, в котором указывали бы, что возглавляемый Николаем Алексеевичем Некрасовым журнал "Современник" ведет страну не туда, куда нужно, пропагандирует "не наши идеи". Наверное, этого нельзя представить себе по отношению к названным великим именам даже в горячечном бреду. В. Фролов продолжает: "В выступлении М. Шатрова на конференции литераторов и историков приводится потрясающий факт обращения в 1982 году академика А.Г. Егорова по поводу пьесы М. Шатрова "Так победим!" к ...председателю КГБ СССР с рядом предложений по поводу запрещения этой пьесы и недопущения появления подобных произведений в будущем". Поэтому, подчеркивает Фролов, "проблема превращения части населения нашей страны в доносчиков и палачей, пробле-

ма излечения русской интеллигенции от хронического воспаления совести — это предмет самого тщательного и глубокого психологического анализа”.

Сегодня абсолютно ясно, что без общества, страдающего хроническим воспалением совести, гуманистический путь перестройки просто невозможен. О судьбах социализма страстно и полемично говорят на страницах газет и журналов, с телеэкранов не только представители творческой интеллигенции, но и представители всех социальных групп, несущие гуманистическое и нравственное начало. Это и есть подлинная интеллигентность. Да, сейчас гамлетовский вопрос “быть или не быть” обретает новое звучание — какой быть нашей перестройке, каковы судьбы нашего революционного прорыва в подлинную демократию.

“ПОКЛОНОВ В ОТНОШЕНИИ ВОЖДЕЙ НЕ БУДЕТ”

В 1939 году в Москве проходило Всесоюзное совещание руководителей кафедр марксизма-ленинизма. Выступивший на нем заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александров сказал: “Будущие поколения в нашей стране станут с восторгом изучать тот период, в котором мы сейчас живем... Они будут завидовать нам потому, что этим обществом руководит и это общество объединяет такой величайший человек современности, как товарищ Сталин”.

Ныне о том времени мы знаем немало такого, что заставляет многих из нас не только не завидовать и не восхищаться, но и негодовать, а чаще всего содрогаться от ужаса. Но изучать все это надо непредвзято и с чувством ответственности. Ибо речь идет о сложнейшем этапе истории страны, о раздиравших ее противоречиях. О людях. Их и героических и трагических судьбах. О той политической и идеологической атмосфере, в которой кому-то пришлось жить и работать, а кому-то — лишиться свободы и даже жизни. А атмосфера эта уже с конца 20-х годов определялась взглядами и высказываниями Сталина. Хотим мы этого или нет, но сегодня просто необходимо вновь вернуться к его работам, посмотреть на них как с точки зрения выработки мировоззренческих канонов целых поколений, так и с целью более тщательного осмысления самой фигуры Сталина.

Сталин на словах — решительный “противник” вождизма. Он — за коллегиальность, демократизм. Борясь с оппозицией, Сталин на XIV съезде заявил: “Поклонов в отношении вождей не будет”. В письме Шатуновскому, датированном августом 1930 года, Сталин предостерегает от “преданности ему”, призывает “отбросить прочь” принцип преданности лицам. “Это не по-большевистски, — поучает он. — Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству... Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой”.

В июле 1933 года Сталин выступает против организации Обществом старых большевиков выставки, посвященной его деятельности в период гражданской войны. В декабре 1938 года Сталин накладывает на письмо директора Музея Революции СССР Ф.Н. Самойлова в ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышеву от 28 — 29 ноября 1938 года резолюцию о нецелесообразности экспонировать в музее написанные и правленные им страницы “Краткого курса истории ВКП(б)” и записи в книге гостей завода “Динамо” от 7 ноября 1924 года.

При обсуждении киносценария Эрмлера “Великий гражданин” Сталин скажет: “Упоминание о Сталине нужно исключить. Вместо Сталина следовало бы поставить ЦК партии”. 16 февраля 1938 года он пишет в Детгиздат ЦК ВЛКСМ записку о рукописи Смирновой “Рассказы о детстве Сталина” следующего содержания: “...Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений... Главное... что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно и вредно. Теория “героев и толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория... Книжка льет воду на мельницу эсеров... будет вредить нашему общему большевистскому делу”. И приговор — советую сжечь книжку. Отвечая 23 февраля

* Эта записка впервые была приведена в опубликованной в журнале “Вопросы истории” (1953. № 11) статье П.Н. Поспелова “Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза”. Наверное, не стоило бы об этом специально упоминать, если бы не одно обстоятельство. Контекст... “Известен ряд категорических высказываний классиков марксизма-ленинизма против культа личности. Я хочу привести одно высказывание И.В. Сталина по этому вопросу...” Так вот, вполне серьезно... политическая игра выдается за истину.

1946 года полковнику Е. Разину, Сталин скажет: режу слух дифирамбы в честь Сталина — просто неловко читать.

Обращаясь к высказываниям Сталина, авторы ставили целью лишь высветить некоторые характерные его черты как политика, мыслителя, человека. Вот они перед нами — в твердом темно-коричневом переплете с золотым тиснением. Сочинения. Пятнадцать томов. Да-да, именно пятнадцать. На двух последних — гриф "Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина". Четырнадцатый том, отпечатанный, но не увидевший массового тиража, особо интересен. В нем имеется ряд работ, в свет в свое время не вышедших, но сегодня проливающих свет на понимание ряда черт мировосприятия Сталина. Пятнадцатый том составляют его работы военного и послевоенного периода. Это макет. Имеются и другие сталинские документы, не вошедшие в этот пятнадцатый томик. Есть данные, что отдельным, 16-м томом сочинений Сталина планировалось издать "Краткий курс", который с определенного времени уже назывался "классическим трудом", "гениальным произведением творческого марксизма", написанным Сталиным.

С чего начать разговор? Наверное, с темы партии, потому что это выводит на проблему "вожди — партия". Уже в ранних произведениях Сталина отводится много места популяризации ленинского учения о партии рабочего класса, партии нового типа, о ее задачах по руководству революционным движением России. Когда сегодня перечитываешь эти работы, то бросается в глаза терминологический и образный ряд авторских рассуждений. Он вызывает ассоциации, связанные с оперативно-тактическими операциями, военными командами.

"...наша партия ведь не философская школа или религиозная секта. Разве наша партия не есть партия **борьбы**?.. Возможна ли борьба в одиночку, вразброд? Конечно, нет! Наоборот, люди сначала объединяются, сначала организуются и потом уже идут в бой". Действительно, это так. Ведь в пролетарском гимне "Интернационал" недаром говорится о необходимости дать "последний и решительный" бой обществу социального угнетения.

Читаем дальше (речь идет о написанной в 1905 г. статье Сталина "Класс пролетариев и партия пролетариев"). Оказывается, превратившись в централизованную организацию и сбросив с себя тем самым "пат-

риархальный облик", партия "полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных". Итак, не секта, но крепость...

В июле 1921 года Сталин делает набросок плана брошюры "О политической стратегии и тактике". Вот какими терминами излагаются там этапы развития и задачи партии коммунистов: "**Развертывание кадров в рабочую партию** и пополнение ее новыми партийными мобилизованными работниками в ходе пролетарского движения (1903 — 1904 гг.)", "сколотить кадры", "подвод масс на боевые позиции"... Так и хочется декламировать эти строки под грохот барабана, в ритме военного марша. Крепость, строятся в шеренгу войска. И вдруг здесь же: "Компартия как своего рода орден **меченосцев** внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность". Не философская школа, не религиозная секта, а крепость, военно-монашеский орден. Поиск истины на путях дискуссий здесь неминуемо должен был стать срьсью. А превыше всего будет выполнение орденских уставных догматов и абсолютное повиновение Великому магистру.

В декабре 1923 года Сталин дискутирует с представителем троцкистской оппозиции Рафаилом. Он категорически отвергает тезис последнего, что партия большевиков начала превращаться в армейскую организацию, подчеркивает разницу между армией и партией. Эта разница, по мнению Сталина, в трактовке понятия "штаб". В военном деле штаб формирует армию и руководит ею, у партии штаб избирается всей партией снизу. Не штаб формирует партию, а, наоборот, партия формирует свой штаб.

В опубликованном весной 1924 года цикле лекций "Об основах ленинизма" Сталин широко использует военные термины: резервы, маневрирование, наступление, отступления для изложения тактики партии, а всю партию в целом называет штабом пролетариата: "Ни одна армия на войне не может обойтись без опытного штаба, если она не хочет обречь себя на поражение. Разве

"Верный пес" Сталина Ежов не избежал искушения создать свой собственный "орден". На банкете в честь награждения группы чекистов он заявил: "Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания".

не ясно, что пролетариат тем более не может обойтись без такого штаба, если не хочет отдать себя на съедение своим заклятым врагам? Но где этот штаб?.. Партия есть боевой штаб пролетариата". В речи на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выстроил следующую чисто армейскую должностную иерархию в партии: руководители, составляющие "генералитет", работники среднего звена — "офицерство", наконец, представители районного звена — "унтер-офицерство". Военно-командный стиль мышления так или иначе обнаруживает себя. Конечно, в условиях борьбы за победу революции, защиту ее завоеваний это можно объяснить. Но, являясь объяснимым на определенном историческом этапе, сравнение партии с военной организацией постепенно, видимо, переросло в отождествление и стало доминантой мышления политического лидера, служило для оправдания военно-репрессивных методов, командно-силовых приемов руководства, то есть авторитарного режима.

Чтобы держать партию, да и всю страну постоянно на осадном положении, нужен образ врага. Он есть, его не надо выдумывать. Разве СССР не находился в то время во враждебном капиталистическом окружении? И разве не считали коммунисты своим злейшим внутренним врагом кулака? Но этого мало, полагает Сталин. Выступая 16 мая 1928 года на VIII съезде ВЛКСМ, он говорит, что, как и армия, мало считавшаяся с силой врагов, самая большая партия может быть застигнута врасплох. И от примеров из периода гражданской войны, когда крупные войсковые соединения, не имевшие достаточной боевой готовности, терпели поражения, переходит к положению в партии: "Неверно, что у нас нет уже классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но и растут..."

"Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба", — заявлял Сталин в 1924 году. Выступая на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году, он сказал, что если на предыдущем съезде (в 1930 г.) пришлось "добивать" последних приверженцев антиленинских группировок, то на этом "бить некого". Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода "разбили". Но... "остатки их идеологии" живут еще в головах от-

дельных членов партии. Через абзац он говорит о наличии благоприятной почвы "для оживления идеологии разбитых антиленинских групп". И, формулируя задачи в области идейно-политической работы, настаивает на том, чтобы "систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений". Тем самым предполагалась постоянная опасность перерождения идеологического противника в обществе и партии в политического.

Доклад "О проекте Конституции Союза ССР" на VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, сделанный Сталиным, казалось, не оставлял места для поисков "врагов". "Последовательный и до конца выдержанный демократизм" — одна из главных характеристик проекта новой Конституции. А примерно через два с половиной года в Отчетном докладе XVIII съезду партии Сталин формулирует некий "закон" укрепления политической сознательности демократического общества: чем сильнее репрессии против его "врагов", тем прочнее его единство. Кого может "разложить" троцкистско-бухаринская банда шпионов, убийц и вредителей, жалкая банда продажных рабов? — риторически задает вопрос Сталин и сам отвечает, используя следующую аргументацию: "В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников".

Каково же отношение Сталина к ближайшим соратникам по партии? Оно менялось в зависимости от того, становились ли они "бывшими" или, наоборот, пополняли сталинское окружение.

Начнем с Троцкого. 6 ноября 1918 года в "Правде" публикуется статья Сталина "Октябрьский переворот". В ней отмечается (и, пожалуй, явно преувеличивается) заслуга Троцкого как председателя Петроградского Совета в победе вооруженного восстания в Петрограде. Затем при публикации собрания сочинений это место было опущено. В 1924 году в работе "Троцкизм или ленинизм?" Сталин скажет, что никакой особой роли в Октябрьском

восстании Троцкий не играл и играть не мог. Здесь же Сталин вступится за Зиновьева и Каменева, позицию которых в октябре 1917 года Троцкий характеризовал как "правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов". Как же могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней, спрашивает Сталин, как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты? Ответ он дает такой: объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей ленинцев, старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма. В 1926 году он оценивает платформу Зиновьева и Каменева в октябрьские дни 1917 года как поражение, неверие в возможность взятия власти и удержания ее пролетариатом. Чуть позже говорит об "октябрьской ошибке Зиновьева и Каменева, которая создала в партии кризис перед восстанием в Октябре 1917 года".

На XIV съезде Сталин активно защищает Бухарина от нападок оппозиции. Говорит о том, что у Бухарина слово "обогащайтесь" просто вырвалось и он к нему больше не возвращался. Бухарин допустил незначительную ошибку, говорит Сталин и с негодованием восклицает: "Чем объяснить, что ...все еще продолжается разнузданная травля Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина?" В ноябре 1928 года он защищает Бухарина и его работу "Заметки экономиста". Но уже в начале февраля 1929 года Сталин развернул борьбу с Бухариным, Рыковым, Томским. Появляются соответствующие политические эпитеты — "правоуклонистская, капитулянтская группа, ратующая не за ликвидацию капиталистических элементов города и деревни, а за их свободное развитие". Бухаринские "Заметки экономиста" объявляются "антипартийной эклектической", а затем "несуразной антипартийной статьей". И тут же Сталин жестко припечатывает: не ведем ли мы себя в отношении бухаринцев слишком либерально, не пришло ли время положить конец этому либерализму? И через два месяца подает пример, как это сделать. В речи "О правом уклоне в ВКП(б)", произнесенной на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он "вспоминает" теоретические ошибки Бухарина, использует ленинские замечания и называет взгляды своего бывшего союзника "образчиком гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика". На

XVII съезде Сталин скажет однозначно: бухаринский лозунг "Обогащайтесь!" означал по сути дела призыв — "восстановить капитализм". Общий "итог" будет подведен Сталиным на XVIII съезде: троцкисты и бухаринцы, "как видно из материалов", состояли в шпионах иностранной разведки и вели заговорщицкую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции.

Вроде бы уже все акценты расставлены. Октябрь совершали "враги народа", "агенты вражеских разведок". Но Сталин еще вернется к этой теме. Так, выступая 9 сентября 1940 года на совещании о фильме "Закон жизни", он обратил внимание на то, что врагов надо тоже изображать "не лишенных некоторых (выделено нами. — Авт.) человеческих черт". Почему Бухарина, каким бы он ни был чудовищем, не изобразить так, что у него были какие-то человеческие черты, спрашивает "величайший гуманист, которого знало человечество" (именно так назвал его в 1953 г. А. Фадеев, сам хлебнувший из горькой чаши этого "гуманизма").

Не гнушается Сталин и откровенным искажением исторических фактов. Так, полемизируя на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна с Троцким, который обвинил его в "довольно крупной ошибке в национальном вопросе", Сталин категорично заявил: это — сплетня. Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня не было никогда. И добавил: "Речь идет ...должно быть, об одном незначительном инциденте, когда тов. Ленин перед XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукоммунистов типа Мдивани* ...однако последующие факты показали, что так называемые "уклонисты", люди типа Мдивани, заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем это я делал... Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями". Но на самом деле Ленин следил, и следил внимательно, за этими событиями,

* Новый подход к проблеме обозначен в двух публикациях В.В. Журавлева и А.П. Ненарокова "В.И. Ленин: "Вместе и наравне" и "Грузинский инцидент", в которых использованы еще не введенные ранее в научный оборот архивные материалы (Правда. 1988. 8 июля, 12 августа).

а его разногласия со Сталиным в период образования СССР носили принципиальный характер.

Когда же Сталин характеризовал приближенных к нему людей, например Кагановича, то, как правило, стремился показать их в более выгодном свете. В апреле 1926 года он пишет письмо "Товарищу Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У". Причиной письма явилась беседа с Шумским, который жаловался на медленный ход украинизации и был особенно недоволен работой Кагановича, считая, что преобладание в его деятельности метода организационного нажима делает нормальную работу невозможной. В исправленном в 1934 году письме Сталин говорит о "возможных" недостатках Кагановича "в смысле переадминистрирования". Однако в собрании сталинских сочинений это место было снято.

Предмет особого разговора — отношение к Ленину. Несомненно, и сама грандиозная фигура Ленина, и его "Письмо к съезду" доставляли Сталину немалый дискомфорт. Часть этого завещания, относящуюся к оценке его личности, Сталин обнародовал в своем выступлении на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК 23 октября 1927 года. Оно было опубликовано в "Правде" от 2 ноября 1927 года, а затем воспроизведено в выпущенном десяти тысячным тиражом в 1928 году сборнике дискуссионных материалов "Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б)". Чтобы понять этот шаг Сталина, необходимо обратиться к тому положению его речи на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 октября 1926 года, где он заявил: "Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение". Противник повержен, и Сталин может позволить себе обнародовать то, что не стало достоянием партийных масс, скажем, в 1923 году. Но и сейчас приводит он не все и, может быть, не самые главные характеристики Ленина. Он зачитал лишь то место, где говорилось, что он груб и этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Тут же следует разъяснение: "Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю".

При подготовке 10-го тома своих сочинений Сталин считал возможным опустить из этого выступления текст ленинского завещания. Но не просто опустил, а сделал несколько вставок на первый взгляд мелких и незначительных. Но только на первый. В первоначальном тексте бы-

ло: "Говорят, что в этом "завещании" т. Ленин предлагал съезду обдумать вопрос о замене Сталина на посту генсека другим товарищем". Сталин после "съезда" сделал вставку "ввиду "грубости" Сталина". После вышепротитированного "не скрывал и не скрываю" вставил новый текст: "Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается". Вставки очень показательны. Они свидетельствуют о стремлении ввести читателя в заблуждение, доказать: основное, что вменял в вину ему Ленин, — это грубость, но, как показал (чего Ленин не мог знать) ход внутривластной борьбы, эта черта сталинского характера сыграла-де свою роль в борьбе с оппозицией, посягнувшей на единство партии. Главное же: "Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть (выделено нами. — Авт.), и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью" — опущено. Об этом — ни слова!

Не раз Сталин называл себя учеником Ленина, вернее, одним из учеников, что, конечно, расходилось с созданным им образом о себе как "учителе". Написанное им, это слово на ряде книг или подчеркнуто, или обрамлено виньеткой. Приходилось поэтому лукавить. В беседе (май 1933 г.) с полковником Робинсоном на его замечание, что по всей стране имена Ленина — Сталина постоянно встречаются вместе, Сталин ответил: "Тут ...есть преувеличение. Куда мне с Лениным равняться". На присланной ему в январе 1934 года рукописи книги "Ленин — великий основоположник социалистического строительства" он наложил резолюцию: "Не возражаю", с той, однако, поправкой, чтобы слова "партия Ленина и Сталина", "учение Ленина и Сталина" **заменить** словами "партия Ленина", "учение Ленина". Но это не помешало ему "не заметить", что рукопись буквально нафарширована его собственными цитатами и эпитетами: "с гениальной прозорливостью", "лучший ленинец", "партия, воспитанная Лениным и Сталиным", и т.п. Слова "партия Ленина — Сталина" стали расхожими газетными клише с середины 30-х годов. 3 июля 1941 года, выступая по радио в связи с началом войны, он, видно, вполне искренне скажет о "партии Ленина — Сталина". Характерны вставки Сталина, сделанные им собственноручно в своей биографии. Он в ряде мест вычеркивал свое имя и заменял его на "партию". Но там, где говорилось, что

"Сталин — это Ленин сегодня", он дал свою редактуру: "Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня".

Зададимся вопросом: примериваясь к славе Ленина-теоретика, насколько искренне относился Сталин к ленинскому наследию?

Обратимся к пометкам на важнейшей философской работе Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", сделанным Сталиным в 1939 году. Критикуя Авенариуса, Ленин пишет: "Примирение" эмпириокритицизма с естествознанием состоит в том, что Авенариус *милостиво соглашается "примыслить"* то, возможность допущения чего *исключена* (выделенное курсивом принадлежит Ленину, подчеркнутое — Сталину. — *Авт.*) *естествознанием*". Сталин не только подчеркивает, но рядом на полях пишет: "Ой, мама! Ну и кошмар!" Как понять смысл этого комментария? Если поддерживается ленинская критика Авенариуса, то, во-первых, в этом нет нужды, а во-вторых, это весьма странная поддержка. Ирония фразы "Ой, мама! Ну и кошмар!" нелепа по отношению к позиции Авенариуса, который никого не запугивает. Остается другое: Сталин подсмеивается над самой критикой, над Лениным. Действительно, подумаешь, великий грех совершил Авенариус, "примыслив" то, что исключается естествознанием.

Сталина нельзя, конечно, упрекнуть и в симпатии к субъективно-идеалистической, махистской философии. Дальше Сталин подчеркивает (а значит, отмечает и разделяет) иронию ленинской фразы: "Итак, до человека земля была "опытом" червяка (по Р. Вилли — ученику Авенариуса)..." Но рядом возникает запись: "Человеки в потенции = червяк". Она потрясает своим прямым смыслом.

Что ж, кое-что становится ясным в отношении Сталина к людям, к ленинскому подходу. Авенариус что-то домысливает, и Ленин делает из этого трагедию. А людишки — червяки — так считает человек, организовавший кошмары политических процессов.

Историк А. Ненароков показал, что Сталин "примеивал на себя" образ Ленина в его собственном понимании. Как "горного орла", парящего выше всех, недоступного и неприступного. В 1936 году один поэт скажет: "Летел орел ветрам наперекор. Орел тот — Сталин". У

нас же родилась еще одна ассоциация. Сталин наделял Ленина (опять-таки соотнося его с собой) чертами "стрелка". Орел парит высоко, но тот, у кого твердая рука, меткий глаз и хорошее ружье, может стать истинным хозяином положения. У Ленина, пишет Сталин, "каждая фраза не говорит, а стреляет"

Не раз Сталин говорил о народе, заботе о нем. 4 мая 1935 года на выпуске слушателей военных академий Красной Армии он сказал весьма поучительную фразу: "Вместо того, чтобы изучать людей... нередко швыряются людьми, как пешками... у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры..." Выступая же 25 июня 1945 года на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы, Сталин уже скажет о людях, как о "винтиках".

Для понимания сталинского отношения к народу интересно его письмо к председателю Комитета по делам кинематографии Ивану Большакову от 9 января 1940 года. В нем он подверг резкой критике сценарий кинофильма "Суворов". Главный недостаток сценария Сталин увидел в том, что автор пытается приписать успехи Суворова его доброте в отношении солдат, а не чисто военному искусству: учету недостатков противника, смелости, умению поддерживать в армии "суровую, поистине железную дисциплину".

Еще один документ — сталинская правка в пьесе А.Н. Афиногенова "Ложь" (апрель 1932 г.). Один из ее положительных героев восклицает: "Я говорю о нашем Центральном Комитете... Я говорю о вожде, который ведет нас, сорвав маски со многих высокообразованных лидеров, имевших неограниченные возможности и обанкротившихся. Я говорю о человеке, сила которого создана гранитным доверием сотен миллионов. Имя его на всех языках мира звучит как символ крепости большевистского дела. И вождь этот непобедим, потому что непобедима наша революция". После сталинской правки: "Я говорю о нашем Центральном Комитете... который ведет

Эти "стреляющие" эпитеты подбирались и сталинскими вымышляками, когда они писали о нем самом. Так, в печально известной книге Л. Берии, сыгравшей большую роль в историко-идеологическом оформлении культа Сталина "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье", говорилось, в частности, следующее: "Тогда как каждый противник ругался и "бесился", тов. Коба *спокойно и непоколебимо разрушал и уничтожал все положения противников*" (выделено нами. — *Авт.*).

нас, сорвав маски со многих высокопоставленных лидеров... я говорю о Центральном Комитете партии коммунистов Советской страны... Знания его на всех языках мира звучат как символ крепости большевистского дела. И этот коллективный вождь непобедим..."

О подлинной цене "скромности" Сталина свидетельствуют в числе многих других фактов и некоторые обстоятельства подготовки его биографии, о чем рассказал академик П.Н. Федосеев в апреле 1988 года на конференции историков и писателей. В 40-х годах Сталин вызвал группу обществоведов, дав им задание подготовить биографии классиков марксизма-ленинизма. Себя он не назвал. Но все было понято мгновенно. В первую очередь и в кратчайшие сроки была представлена его собственная биография. Сталин, ознакомившись с ее текстом, опять упрекнул авторский коллектив в "эсеровщине", возвеличивании личности и т.п. Сказал, что подработает рукопись сам. И "подработал", сделав около 20 вставок, в том числе о своей роли "гениального организатора" разгрома фашизма.

"Верный ленинец" Сталин как "правдолюбец". Весьма любопытны в ответе на этот вопрос опять-таки его пометки на рукописи афиногеновской пьесы "Ложь". Идет следующий диалог героев: "Нина. Пусть не молчат, пусть говорят правду! Горчакова. Массы должны доверять нам, не спрашивая, правда это или нет. Нина (схватывая газету). А зачем тогда пишут "Правда"? Горчакова. Это — историческая традиция". Сталин в этом месте возмущенно написал на полях: "?!Что за чепуха!" Через несколько страниц к реплике: "А мы за правду не молимся и в зубах ею не ковыряем" Сталин приписывает фразу: "Она для нас борьба, жизнь, существование". Но вот место, в котором говорится о поколении, растущем на готовых лозунгах, на истинах, усвоенных в порядке директивы и т.п., он целиком перечеркивает.

Но особо любопытны для выяснения "правдолюбия" Сталина его пометки на монологе Нины. С отчаянием она говорит о пыли, застилающей глаза людей, о том, что люди растут безязыкими, равнодушными, ведут двойную жизнь. Сталин весь этот пассаж перечеркнул и написал: "Ха-ха-ха!" Дальше героиня говорит: все хвалим, говорим красивые слова, даем ордена, и все это на показ, для вывески. Так и все наши лозунги — на собра-

ниях им аплодируют, а дома свою оценку дают, другую. Оттого и не стало теперь крепких убеждений — вчера был вождь, все перед ним кадили, а завтра сняли его и никто ему руки не подает... и не знаем мы, что будет завтра генеральной линией, — сегодня линия, а завтра уклон. Сталин все это перечеркивает и пишет: "К чему эта унылая и нудная тарабарщина?"

Ну а что — может быть, действительно в творческом пылу автор допустил отход от правды жизни и Сталин его поправляет? Наверное, категоричные обобщения были бы не совсем правомерны. Но то, что подобные тенденции уже намечались и проявлялись в социальной психологии того периода достаточно и отчетливо, — это неоспоримый факт. Вот выдержка из написанного в 1932 году письма известного писателя А.К. Виноградова Максиму Горькому. "Происходящая сейчас борьба за большую идейную высоту уже скатилась на дно, где происходит самая заурядная скотская грызня, с применением физических методов критики: человека, сделавшего ошибку, втаптывают в грязь... За статью, написанную искренне, с незначительной ошибкой в детали, человека лишают жилой площади, выгоняют отовсюду, ставят на правее и обижаются, если он не кончает самоубийством". Знали ли об этом "правдолюбец" Сталин? Вопрос по меньшей мере риторический.

Для крупного политика обращение к истории, деятелям прошлого всегда имеет и практический смысл. Нельзя не согласиться с известным американским профессором Робертом Тэккером, что почерпнутое из книг по истории влияло на формирование политических представлений Сталина. Со своей стороны заметим, что это влияние нельзя понимать, конечно, буквально — исторические образы определенным способом трансформировались. И все же...

Сталина, например, очень интересовал императорский Рим, и особенно принципат Октавиана Августа. Поясним — это императорская власть в демократической упаковке, при сохранении республиканских атрибутов. Именно это привлекло внимание Сталина.

"Очерки истории Римской империи" Р. Виппера испещрены его подчеркиваниями. На страницах о принципате Августа выделено: "подготовка принципата". Много внимания он уделил работе над книгой С.Г. Лозинского "История Древнего мира" (Пг. 1923). В разделе "Им-

перия" подчеркнуто: Август Октавиан — "первый гражданства, принцепс... верховный правитель". Причем на этих страницах больше ничего его интереса не вызвало. Несколько ранее он подчеркивает те места о Цезаре, где говорится, что тот присвоил титул "вождя-победителя (императора)...". А в главке "Учредительная диктатура Суллы" он обратил внимание и подчеркнул место о проскрипциях: опубликовывались списки лиц, приговоренных к смерти без суда и следствия и указаний мотивов, лица эти объявлялись вне закона, имущество их отбиралось в казну, и каждый мог и должен был их убивать.

Многое, как нам кажется, объясняется сталинскими пометками. В том числе и чудовищная логика тирана, боящегося соперников. Скажем, на книге "Курс русской истории" (Пг. 1916) одно из немногих подчеркиваний было в следующем месте: "Чингиз-хан перебил много людей, говоря: "Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей". Не значит ли это, что смерть побежденных Каменева, Бухарина, Рыкова была нужна ему для собственного спокойствия? И не потому ли столь импонировала Сталину личность Ивана Грозного, что в его кровавых деяниях он видел "мудрое" историческое подтверждение того, почему "нужно быть жестоким". Не случайно сегодня историки в полный голос говорят о параллельности проведения параллелей между этими историческими фигурами.

В работах и выступлениях Сталина немало верных теоретических суждений, которые, однако, были вплетены в систему ошибочных взглядов. Все это требует весьма обстоятельного анализа и осмысления. Сейчас ясно одно — его вульгаризация марксистско-ленинского наследия надолго и наглухо закрыла пути развития общественной мысли нашей страны.

Безусловно, личность Сталина нельзя ни оглуплять, ни окарикатуривать. Это был несомненно умный, достаточно начитанный, постоянно занимавшийся самообразованием человек с ярко выраженной популяризаторской жилкой. В натуре Сталина было что-то от проповедника, а к концу жизни появились даже претензии мессианского, своего рода пророческого характера. Думается, он воспринял все худшее, что могла дать духовная семинария: склонность к догматике и схемам, пристрастие к софизмам, к хитро придуманным и вводящим в обман умозаключениям.

Все, о чем мы сейчас говорили, — это мысли, записи, высказывания Сталина. Но главное все-таки не в них. Главное — в практике, в делах. И тут для обнаружения разительного расхождения провозглашаемой Сталиным верности ленинским принципам с его реальными поступками не требуется никакого текстологического анализа.

СИВИЛЛЫ И ЭВМ

Одним из персонажей древнегреческой мифологии был Силен, которого представляли в виде добродушного, постоянно под хмельком старика, толстого, как мех, из которого он потчует себя вином. Так вот, Силен не только любил музыку и пение, но и обладал способностью открывать будущее. Если кому-то удавалось подстеречь его, когда он спал, и связать, то условием освобождения становилось предсказание будущего. Легендарными женщинами-прорицательницами были сивиллы.

"Сивиллой" Николая Бухарина стала цыганка, предсказавшая ему гибель от родной власти. Диким и абсурдным показалось это одному из самых популярных деятелей партии. Однако история рассудила по-иному.

Бывали в жизни и истории разные совпадения, навещающие на мысль о предопределенности исторических судеб стран и личностей. Жестоким завоевателем феодального периода был Тимур. Кто побывал в Москве и попал в знаменитую Третьяковскую картинную галерею, наверное, не прошел мимо впечатляющей картины известного русского художника-баталиста Верещагина "Апофеоз войны". На ней изображена пирамида из человеческих черепов с сидящим наверху вороном. Зловещий символ. Знак смерти, уничтожения. Именно такие памятки оставлял после своих походов Тимур, преследуя этим цель запугать народы. После смерти он был захоронен в Самарканде. На стенах его гробницы арабской вязью было начертано примерно следующее предостережение: гяур (неверный), не входи в эту гробницу, не пытайся потревожить прах ее обитателя! В ней спит война. В 1940 году М.М. Герасимов — известный ученый-антрополог, скульптор, воссоздавший для нас облик целого ряда исторических деятелей прошлого, начал свои раскопки. Документальные кадры донесли до нас реакцию местных жителей, подстрекаемых к тому же мулла-

ми, — остановить нечестивца. Но Герасимов был упорен и настойчив. Он раскопал гробницу. Бранные останки завоевателя открылись взору — и грянула война! Это случилось 22 июня 1941 года. Таких примеров можно привести еще много, ведь в каждой судьбе — страны, народа, конкретного человека — есть случаи причудливые и уникальные.

Если же говорить серьезно, то обобщение из подобных совпадений и предсказаний делать никак нельзя. Конечно, во все времена было очень заманчиво хоть краешком глаза заглянуть в неведомое будущее. Как там у булгаковского князя тьмы Воланда: да, человек смертен, но это было бы еще полбеды; плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще он не может сказать, что будет делать в сегодняшний вечер. Гораздо сложнее вопрос о том, какую роль может сыграть та или иная личность в определенный исторический период, а если ее деяния уже в прошлом, то почему все произошло так, а не иначе. Ни гадалки, ни самые современные ЭВМ не смогут ничего поделать, если бесслесны истории.

Проблема объективного и субъективного в истории сложна, вызывала и продолжает вызывать самые разные подходы и интерпретации. История, как мы уже подчеркивали, населена людьми, и каждый из них находится в определенной системе общественных отношений. Но означает ли это, что человек — лишь механический объект приложения существующих объективно законов и отношений? Наверное, нет. Мы понимаем значение выдающихся исторических личностей и вчера и сегодня. Видим, что их политический гений может сыграть существенную роль в развитии общества. Скажем, как пошло бы развитие социалистической революции в России без Ленина? Представить это трудно, почти невозможно. Но все же... Да, ход революции мог бы замедлиться, пойти более зигзагообразно, однако вряд ли можно было избежать решительного столкновения между народными массами и Временным правительством. В этой связи никак нельзя согласиться с попыткой изобразить Великую Октябрьскую социалистическую революцию как большевистский "заговор" и "переворот". Да, революцию нельзя произвольно назначить на любой день, но можно определить день вооруженного восстания в условиях революционного подъема масс.

Политическая личность — это не фигурка на шахматной доске объективных закономерностей, правда, это вовсе не исключает возможности представлять других людей в виде таких фигурок в своей игре. Некоторые по разным причинам такими фигурками оказываются. Бывает и так, что роли меняются мгновенно.

Очень любопытный образ создан писателями-фантастами братьями Стругацкими. Где-то в ином мире некто, в ком легко угадывается Сталин, играет в шахматы в... поддавки. Проигрывает "Тухачевского", "Троцкого"... Характерны его рассуждения о "пешках" и "ферзях", о необходимости приемами коварства и беспринципности пытаться манить пешек возможностью выйти в ферзи, а ферзей постоянно держать на грани оказаться пешками. Но и тех и других — в страхе перед "высшей волей" вождя, который в любой момент может смешать все фигуры на доске.

Однако история отводит каждому его истинное место, независимо от того, что он о себе думает и каким он кажется современникам. Вот уже более тридцати лет, начиная с середины 50-х годов, о Сталине идут споры. В нашем общественном сознании появились определения "сталинисты" и "антисталинисты". Трудности в понимании подлинной роли и значения деятельности и личности Сталина создавались не только недостатком информации, но и сложностью самого исторического процесса построения социализма в нашей стране.

Как писал Гавриил Попов в статье "Система и Зубры" (Наука и жизнь. 1988. № 3), лозунги Системы были понятны любому патриоту Родины: это — строительство социализма, это — индустриализация, это — экономически независимое и богатое, обороноспособное и великое государство, это — образование и грамотность. И эти лозунги оказались "сталинскими лозунгами". Такое отождествление, может быть, ярче всего проявилось в призыве военных лет "За Родину! За Сталина!". Не в этом ли отождествлении секрет той "близости" к Сталину и простых, и высокообразованных людей, о которой как о социальном феномене писал историк Михаил Гефтер? Не с этим ли ключом надо подойти к переписке меньшевика Н. Валентинова (Вольского) с видной общественной деятельницей дореволюционной России Е. Кусковой. Да-да, с той самой, о которой Маяковский в поэме "Хорошо!" мимоходом сказал: "... но не спит мадам

Кускова". Высланная в 1922 году из Советской страны, она стала активным деятелем антисоветской эмиграции. А в 1956 году, когда Валентинов назвал Сталина параноиком, Кускова возмутилась: "Вы написали гадость. Это плевок в лицо русскому народу... имя его никогда не будет сорвано с великих строек, им сделанных!"

Чем меньше подлинного знания, тем больше догадок. Вот и сегодня мы пока еще о многом догадываемся, вскрывая некоторые неведомые ранее пласты отечественной истории, хотя в обществе уже складываются возможности для широких публичных размышлений и поисков. Открываются закрытые ранее архивные фонды, исследователи получают доступ к скрывавшимся фактам общественной жизни того периода и биографии Сталина. А как выяснить подлинные мотивы человеческих поступков? Как заглянуть в душу человеческую?

В "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя есть место, где одного из персонажей просят среди абсолютно внешне похожих друг на друга девушек отыскать злую колдунью, принявшую их облик. "Тут Левко стал замечать, что тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное... "Ведьма", — сказал он, вдруг указав на нее пальцем". К сожалению, в реальной жизни нет такой возможности "просветить" личность для выявления ее нравственных качеств. Пословица "Чужая душа — потемки" может приобретать и трагический оттенок, когда человек с темными (тщательно камуфлируемыми) помыслами приходит к политической власти. Правда, конкретные поступки дают ответ на этот вопрос, но чаще всего уже тогда, когда в дело вступают историки.

Михаил Шатров, называя Сталина преступником, настаивает на обязательности "развязать узел, соединяющий такие понятия, как "социализм" и "сталинщина". Писатель Петр Проскурин считает необходимым в "трагической, разрушительной личности Сталина выявить созидательные для времени моменты". Дмитрий Волкогонов говорит о глубокой безнравственности арифметического подсчета заслуг и преступлений Сталина. Николай Маслов рассматривает Сталина как коммуниста, но не ленинца.

Да, насколько дальше в подходе и оценке Сталина пошла общественная мысль сегодня по сравнению с оттепелью конца 50-х годов! Ведь вплоть до осени 1987 года

можно было часто услышать утверждения, что, дескать, репрессии — дело рук Ягоды, Берии, Ежова, Абакумова и др. Юбилейный доклад М.С. Горбачева на праздновании 70-летия Октябрьской социалистической революции положил конец подобным домыслам: вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна.

Рукой самого Сталина накладывались резолюции при арестах. Еще на XXII съезде приводилась одна из следующих записок Ежова Сталину: "Тов. Сталину. Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду военной коллегии: 1. Список № 1 (общий). 2. Список № 2 (быв. военные работники). 3. Список № 3 (быв. работники НКВД). 4. Список № 4 (жены врагов народа). Прошу санкции осудить всех по первой категории" (имелся в виду расстрел). На просмотренных Сталиным и Молотовым списках были поставлены резолюции "за".

Никакой ссылкой на исторический фактор нельзя оправдать то, чему нет нравственного оправдания. 13 марта 1988 года газета "Советская Россия" опубликовала статью преподавательницы химии одного из ленинградских вузов Нины Андреевой с претенциозным названием "Не могу поступаться принципами". Автор много раз повторяет слова: "классовость", "классовый подход". Но в ее понимании такой подход предстает как своего рода нож селекционера, разрезающий человеческое общество на людей "чистых" и "нечистых". С одной стороны — "наследники" меньшевиков, кулаков, с другой — представители "пролетарского коллективизма". Чувствуя, наверное, шаткость своей позиции, Андреева ищет спасательный круг в гавани реформ Петра I. "В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы", — заявляет она. Нет, эти качества нас не могут не смущать. Но мы понимаем, что в данном случае речь идет о фигуре феодального прошлого с его законами и совершенно иными социально-психологическими ценностями и нормами. Разве Петр I клялся на верность идеям марксизма-ленинизма, идеям социального и духовного освобождения трудящихся?

Сложность оценки исторической личности заключается еще и в том, что в процессе своей деятельности она

может менять программы, планы, тактику, объективно борясь за неизменные цели. Поэтому одним из методов логических принципов ее оценки в таком случае является исторический подход. Возникает необходимость выделения этапов деятельности с характеристикой каждого из них. Так Сталин в свое время, как и Зиновьев с Каменевым, несомненно был соратником Ленина. После смерти Ленина Сталин вне зависимости от того, что он делал для укрепления своей личной власти в партии и какими методами при этом действовал, участвовал до 1927 года в выработке коллективной линии партии и отстаивал ее в борьбе с оппозицией. Другой этап наступил с конца 20-х годов, когда Сталин использовал свой авторитет и сосредоточенную в его руках необъятную власть сначала для изменения коллективно определенного на XIV и XV съездах партии курса и для борьбы против своих соперников и оппонентов, а затем — для массовых репрессий, погубивших миллионы людей, в том числе и соратников по партии.

Теперь порассуждаем о результатах деятельности исторической личности. Очевидно, необходимо различать непосредственный и долговременный результаты, причем последний предстает только в исторической перспективе. Возьмем коллективизацию, проведенную по-сталински. Ее непосредственные результаты могли показаться (и казались) впечатляющими: победа социалистических отношений в сельском хозяйстве, обеспечение городов хлебом и промышленности сельскохозяйственным сырьем, получение средств для усиленной индустриализации. Но в исторической ретроспективе многое выглядит по-иному: подрыв производительных сил в сельском хозяйстве, дискредитация ленинского плана кооперирования крестьянства, создание сохранившегося в основе до сих пор механизма торможения в сельском хозяйстве.

Какие же критерии можно применить для подведения итогового баланса деятельности исторической личности? Прежде всего это оценка ее с точки зрения отражения в ней социальных интересов (классовых, национальных, государственных). Здесь есть объективная сторона: если ты возглавляешь партию, то ты должен проводить ее политику. Генеральный секретарь Коммунистической партии в 20—30-е годы не мог не возглавить строительство социализма в СССР, вне зависимости от того, кто нахо-

дился на этом посту. Но в этом имеется и субъективная сторона: как, насколько историческая личность понимает свою, данную ей объективно задачу. Иначе говоря, объективное содержание деятельности исторической личности всегда выражено субъективно, лично. Борясь за чьи-то социальные интересы, так сказать, по должности, по положению, по своему месту в расстановке политических сил, любой исторический деятель в то же время может иметь и свои интересы — сугубо личные, династические, придворной или политической клики и т.д., которые могут вступать в противоречие с интересами общественными. Реальная историческая практика есть результат и объективного, и субъективного в деятельности личности.

Повторим опять: конечный оценочный момент не исключает возможности и правомерности исторического подхода к Сталину. Можно и нужно разъединить такие понятия, как социализм и сталинизм.

Наверное, сталинизм и Сталин — это тоже не совсем одно и то же во временном измерении. В определении Сталина мы сегодня в большинстве случаев исходим из того, кем он стал в итоге, что он создал и что создало его. Но если на этом основании делать Сталина с самого начала его деятельности чуть ли не противником социализма, то не станем мы опять-таки на позицию самого Сталина? Только поменяв при этом персонажей. Не будет ли так, что Ленин терпел (и не просто терпел, а активно сотрудничал, давая поручения порой очень доверительного характера) в своем окружении человека, личность которого была несовместима с делом революции?

Можно говорить о "разных" Сталиных. Сталин в годы революции и начала социалистического строительства, Сталин при жизни Ленина — один, а с конца 20-х годов — другой.

Была судьба, эволюция поведения. Но была и исходная система ценностей, исходная установка. Были и личные качества: совершенное владение искусством политической интриги, уникальное умение просчитать ситуацию, развести противников, навесив на них соответствующие ярлыки, а затем мастерски нанести смертельный удар. Было умение владеть собой, точный расчет, воля, коварство. Этому умению просчета "вариантов" мог бы позавидовать самый современный компьютер.

Не так прост вопрос о понятиях "добрый" и "злой" в

системе оценки политического деятеля. В итоге они определяются его делами. Личные заблуждения, угрызения совести — для биографа крупной личности все это необходимо учитывать, но по большому политическому счету какой-либо индугенции для крупных ошибок и дискредитирующих действий здесь дать невозможно.

Злой или добрый был Сталин? Наверное, не покорил он ни разу кремлевских воробышков, замечает писатель Е. Носов. А его коллега А. Алексин вспоминает, что, будучи мальчишкой, попал на день рождения к сыну председателя особой военной коллегии Ульриха. Добродушный полный человек, глядящий детские головки, желающий им спокойной ночи. Примерный семьянин. И в то же время человек, санкционировавший чудовищные оргии смерти, в которые вылились процессы над "врагами народа". Видели мы и Сталина с детишками на трибуне Мавзолея. И как раз в то время, когда тысячи их сверстников после расстрелов заведомо невиновных родителей отправлялись не на трибуну Мавзолея, а в детские дома для детей "врагов народа". Поистине Сталин становился "общим отцом", только не народа, а обездоленных сирот, от которого никто не ощутил отцовского тепла и заботы.

В популярном учебнике было сказано о В.И. Ленине следующее: "Еще в детские годы запали в сознание маленького Володи разговоры о революции, о борьбе с царским правительством. Старший брат Ленина Александр Ильич с несколькими товарищами решил вести неравную борьбу с самодержавием. Они подготовили убийство царя Александра III. Полиция раскрыла заговор. Александр Ульянов был арестован. В семье боялись сообщить об этом матери. Владимир Ильич взялся подготовить мать к этому известию и выполнил это очень умело. Уже тогда 17-летний юный Ленин умел владеть собой в трудные минуты". Как видим, все написано достаточно достоверно и сдержанно. Но у Сталина свой комментарий — "сюсюканье".

Несомненно, Сталин был по своей натуре недобрым человеком. Его злобу испытывали не только домочадцы и другие окружающие вождя люди. Испытал народ, о котором на словах он так заботился. Сталин не уставал повторять о том, что он груб и зол с классовым противником. В состоявшейся 23 июля 1934 года беседе с английским писателем Г. Уэллсом заметил: "Вы, г-н Уэллс, ис-

ходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии". Видимо, слыть недобрым Сталину не хотелось, и он вкладывает в этическое понятие политический смысл.

В фильме Федерико Феллини "8½" кардинал произносит следующую фразу: тот, кто не принадлежит к лону церкви, тот принадлежит к миру дьявола. Сталин же, хотя публично и осуждал религиозное мракобесие, а его биографы специально подчеркивали, что "иезуиты-попы" не только не смогли взять его в свои руки, но и выработали у него "бурный протест против мракобесов всех родов", тем не менее был им близок в словах и поступках. Кто не принадлежал к кругу сталинских сотрапезников и единомышленников или был отлучен от него, стал затем дьявольским отребьем, то бишь "врагом народа".

Любил ли Сталин кого-либо из товарищей искренне, было ли присуще ему это чувство? Трудно сказать, что водило рукой Сталина, когда он делал дарственную надпись С.М. Кирову на своей книге "О Ленине и ленинизме" в 1924 году: "Другу моему и брату любимому" (???).

В отношениях с Бухариным, пожалуй, как ни с кем другим, в полной мере проявился иезуитский, вероломный характер Сталина. Бухарчика мы в обиду не дадим, заявляет он публично, а позже методически и изопренно делает все, чтобы не только "обидеть", но и сломать морально, психически этого человека. Известно, что Сталин пригласил Бухарина жить в Кремле и одновременно санкционировал обыски, нагнетал атмосферу страха... Обнимал, вызывал на разговор и... предавал.

В Кремль на прием по случаю возвращения участников полярной экспедиции первой советской дрейфующей станции "СП-1" во главе с И. Папаниным был в числе других приглашен и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев. После крайне комплиментарного тоста за него он подошел к Сталину, они чокнулись, Сталин его обнял и поцеловал. Косарев вернулся крайне взволнованный на свое место, сказал жене: "Маша, прощу тебя, поехали домой!" Дома он сообщил жене, что Сталин ему на ухо шепнул: "Если изменишь — убью!"

"Двуликим Янусом" назвал Сталина Никита Хрущев, хорошо знавший цену и улыбкам, и поцелуям, и "шуточкам" вождя. Вот что он вспоминал, уже будучи на пен-

сии: "Помню, однажды вызывает меня в Кремль. Приезжаю. Сам сидит в беседке... Газету читает. Подхожу. Капшлянул. А потом: "Здрасьте, Иосиф Виссарионович". — "Здравствуй, Никита". — "Вызывали..." — "Вызывал". Стою. Жду. Он молчит. "Ну вот я явился..." — "Так вот, Никита, вчера коменданта охраны Кремля взяли". — "Знаю, Иосиф Виссарионович". — "Знаю... знаю. А знаешь ли ты, что он на тебя показывает?" Я побледнел: "Не может быть..." — "Что не может быть? Показывает". Затем оказывается, что Сталин пошутил". Шуточка. А как по-иному, кроме как иезуитством, назовешь его вопрос Мерецкову, которого доставили из тюремной камеры: "Как вы себя чувствуете?"

Будучи умным и проницательным человеком, Сталин достаточно хорошо понимал истинную цену и своим клеветам, и затеваемым ими пропагандистским шоу со смертельным (в буквальном смысле слова) исходом для некоторых "оппонентов". Имеются сведения о сталинских пометках на полях текста доклада Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, в котором доказывалась несовместимость выводов генетики и тезиса о классовости биологии, в частности замечание: а дважды два четыре — тоже буржуазное мышление?

Нет, чем-чем, а здравым смыслом, рассудительностью он владел несомненно. Сошлемся на несколько примеров восприятия им исторических текстов. Так, в одном из учебников истории в том месте, где о походе Ермака говорилось: "По быстрым уральским рекам казаки поднялись к их верховьям", Сталин обводит карандашом слово "быстрым" и на полях вполне резонно замечает: "Так сказано, что выходит, будто реки быстро текут к верховьям". В другом учебнике, где речь шла о польско-шведской интервенции начала XVII века, имелась глава "Контрреволюция", причем контрреволюционными войсками назывались первое и второе ополчения: "Контрреволюционная армия выбила поляков из Кремля". Сталин верно отметил, проставив свое часто встречающееся "ха-ха": "Выходит, что поляки были революционной армией?" А вот еще — из другого периода. В первом варианте "Краткого курса" была фраза: "Правые завязывали тесные связи с фашистскими разведками". Сталин, недовольный перестаравшимися клеветами, написал: "Не было еще тогда фашистских разведок (в 1929 г.)".

Неверно совсем лишать Сталина человеческих качеств. Такой подход был бы явным упрощением.

Да, и Сталин — человек, и не все человеческое ему чуждо. Так, его занимала тема любви и смерти. Читая горьковскую "Девушку и Смерть", в том месте, где говорилось, что любовь побеждает смерть, он отметил: "Эта штука сильнее, чем "Фауст" Гёте". Показательны сталинские замечания на книге Анатоля Франса "Последние страницы. Диалоги под розой". В той части предисловия, где отмечалось, что А. Франс не успел написать "Диалог о Любви и о Смерти", Сталин написал: "Жаль, что не успел". Но еще более показательны замечания-размышления на полях диалога о Боге. Там, где речь шла о противоречивости разума и чувства, Сталин подчеркивает фразу: "**Бог — перекресток всех человеческих противоречий**" и далее замечает: "Куда ж податься? Разум — чувства. Неужели и это тоже + ?! Это ужасно!.."

Несомненно, его мучили и волновали какие-то личные и общечеловеческие проблемы. И это необходимо учитывать его биографам. Но с точки зрения политики, глобальных вопросов политического руководства такие моменты принципиального значения, наверное, иметь не могут. Ну, занимался самообразованием, любил читать. Страдал, мучился. Но что нам "муки" тирана? И они, и проблемы палача, вывихнувшего при исполнении своего ремесла палец, в конечном счете "их" проблемы. Наверное, все-таки не случайно отсутствие у Сталина нравственного критерия поведения личности. Наглядно это видно из надписей на обложке ленинской работы "Материализм и эмпириокритицизм" (год издания 1939). Вот они: 1) слабость, 2) лень, 3) глупость — единственное, что может быть названо пороками. Все остальное при отсутствии вышеназванного составляет, несомненно, добродетель. И далее логика "от противного": "Если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен) — то он **хороший**, независимо от любых иных "пороков".

Грубость политического деятеля. И здесь есть предмет для размышлений. Ленин бывал резок, и очень. Беспощадно метки и язвительны его оценки взглядов противников. Мог порой подвергнуть нелюбезной критике и соратников, допускавших неверные действия, мог сказать жестко. Но Ленин никогда не унижал людей, не оскорблял их человеческое достоинство. Он очень диффе-

ренцированно подходил к критическим оценкам: то, что говорилось им "для себя", далеко не всегда высказывалось публично, ибо это могло стать политическим или идеологическим обвинением. Например, конспектируя статью Розы Люксембург "Национальный вопрос и автономия", он делает пометы и замечания, причем подчас такие, что составители XVII Ленинского сборника вынуждены были делать купюры и давать сноски "опущен резкий эпитет по отношению к Р. Люксембург". Но когда Ленин делал публичный доклад в Кракове, то он даже не упомянул об ошибках своей соратницы, чтобы не давать пищу для нападок ее противникам.

Нередко слышишь такие высказывания: грубость лидеров партии, которая сформировалась, выросла в условиях террора, гонений, подполья и ссылок, — вещь объяснимая. Но это не так. Наверное, одним из показателей подлинной интеллигентности большевиков и было то, что на этапе борьбы за власть в первые годы революции атмосфера отношений определялась высокой степенью уважения к личности.

Сталин своей грубостью бравировал, считал ее какой-то естественной для коммуниста по отношению к противникам. Ну, может быть, с врагами (не надуманными, а действительными врагами) и не следует особенно церемониться. В личном деле Сталина, хранившемся в полицейском управлении, отмечалось, что он грубит и держится вызывающе. Однако, как показали последующие события, это была не просто вынужденная манера поведения, а черта характера Сталина. Грубость к людям все более обнаруживала себя по мере формирования культа его личности. Причем других он иногда даже наказывал за незтичное поведение. В июне 1922 года телеграфировал в Заккрайком ЦК РКП(б) о необходимости привлечь к ответственности виновных в грубом обращении с уполномоченными — членами делегации Турции. К себе же самому он подобных требований не предъявлял. Оскорбить и унижить человека для него не составляло никакого труда. Особо наглядно это выразилось в отношении к Н.К. Крупской, когда перед смертью Ленина он допустил грубейшую выходку по отношению к ней, видному деятелю большевистской партии.

Хамское пренебрежение иным, нежели собственное, мнением проявилось в его известной переписке с С. Покровским. "Надо обладать нахальством невежды и само-

довольством ограниченного эквилибриста", — пишет Сталин, прекращая переписку. Да, с таким адресатом лучше ее не вести. Можно не сносить головы.

Сталин никому не верил. Подозревая всех и каждого, он этим предохранял себя. Патологическая подозрительность, по свидетельству бывшего в то время министром здравоохранения Ефима Смирнова, усиливалась к концу жизни и проявлялась все больше как жестокость и нравственная беспринципность.

Высказывались предположения и о душевной болезни Сталина. Но четко организованный ум, по-своему безупречная логика. Похоже ли это на состояние душевнобольного, страдающего маниакальными психическими расстройствами человека? Может быть, с возрастом какие-то изменения происходили. Здесь еще предстоит сказать свое слово психологам и психиатрам. Так, президент Академии медицинских наук СССР академик Н.Н. Блохин считает возможным говорить о психической болезни Сталина (Октябрь. 1988. № 8). Но нами уже обращалось внимание на то, что если это и так, то чем объяснить внезапное "выздоровление" его в период Великой Отечественной войны?

Подобно большинству диктаторов, Сталин очень боялся покушения на свою жизнь. Повара готовили ему обед из нескольких первых и нескольких вторых блюд. Все блюда подавались на стол, и никто заранее не знал, из какой кастрюли будет есть Сталин. Присматриваясь и принохиваясь к каждому из блюд, Сталин делал свой выбор уже на обеденном столе. Все, что подавалось на стол, контролировалось врачами из лечебно-санитарного управления Кремля. На каждом продукте после его проверки вешалась особая этикетка, свидетельствующая об отсутствии в пище ядов и вредных для здоровья веществ. Бутылки с вином и коньяком опечатывались особым сургучом, выполнявшим ту же роль, что и этикетка на пищевых продуктах. Очевидцы вспоминали, что на даче Сталина в бывшем Ливадийском дворце последнего императора Николая II были вырублены кипарисы: Сталин боялся, что в их густых кронах могут спрятаться террористы. Террористов он особенно опасался. Один из авторов сам видел в архиве предписание, обязывающее уничтожать рисунки, изображающие террористические акты и цареубийства.

Вот еще некоторые характерные моменты. В школь-

ном учебнике по истории Сталин из суеверного страха вычеркнет фразу об Александре II: "Но убить царя было нелегко: его хорошо охраняли и до него было трудно добраться". Мол, не надо искушать судьбу — ведь все равно добрались.

В конце 1952 года в числе группы кремлевских врачей был арестован профессор Владимир Виноградов, лечащий врач Сталина. В свой последний визит к Сталину он сделал в его истории болезни запись о необходимости соблюдения строгого режима с полным прекращением всякой деятельности. Когда Берия, осуществлявший надзор за кремлевскими врачами, сообщил Сталину об этом заключении Виноградова, тот, очевидно, расценив рекомендацию как попытку отстранения от политической деятельности, стал в неистовстве кричать: "В кандалы его! В кандалы!" Расплата за медицинское заключение не заставила себя долго ждать.

Есть у всех деятелей тиранического толка нечто общее и трагическое: за мишурой обожествления, зйфорической стеной лести — пустота, одиночество, страх. Ведь не случайно Сталин, достигший вершины политического могущества, перед сном заглядывал с фонарем под кровать.

Тиран неизбежно определяет отношение к себе через систему именно тех методов, которыми пользуется сам. Разрыв гуманистических связей в его личности выражен особо выпукло. Это прекрасно показано в романе Габриэля Гарсиа Маркеса "Осень патриарха". Нельзя удержаться от того, чтобы не привести некоторые выдержки из этого произведения: "Он умер, когда постиг свой итог: поверив некогда, в начале пути, что не способен любить, о чем будто бы свидетельствовали гладкие, лишенные линий ладони его рук и карты гадалок, он попытался заменить плотскую любовь любовью к власти, пестуя в душе демона властолюбия, отдав этому демону все; он стал добровольной жертвой и всю жизнь горел на медленном огне чудовищного жертвенника; он вскормил себя обманом и преступлениями, возрос на жестокости и бесчестии... А ведь он знал с самого начала, что его обманывают в первую очередь те, кто ему угождает, знал, что за лести берут чистоганом, знал, что толпы, с ликованием славящие его и желающие ему вечной жизни, стоняют силой оружия; все это он знал и приучил себя жить с этой ложью, с этой унижительной данью славе,

ибо в течение своих бесчисленных лет не раз убеждался, что ложь удобней сомнений, полезней любви, долговечнее правды... Мы так никогда и не узнали, кем он был на самом деле, не был ли он лишь нашим мифом, этот нелепый тиран, не знавший, где оборотная, а где лицевая сторона этой жизни, любимый нами с такой неиссякаемой страстью, какой он не осмеливался ее даже представить..."

Так что же случайно, а что исторически неизбежно в том, что произошло в нашей стране в 30—40-е годы? Почему вышло так, что пути построения нового общества нередко совпадали с методами, непосредственно заимствованными из общества старого?

Социологи различают следующие этажи причинности: универсальная, специфическая, случайная. Думается, что в данном случае необходимо особо внимательно походить по всем коридорам, тайным каморкам и чуланчикам двух последних этажей. Специфическое заключалось в исторических особенностях страны, совершившей социалистическую революцию, ее социальном, политическом, культурном уровне. Случайное — в людях, их интересах, страстях, убеждениях, качествах.

Говоря о культе личности Сталина, мы отнюдь не сводим все только к этой фигуре. При нем и с ним рядом жили те, кто доносил, предавал. Те, кто угождал и исполнял. Жили берии, ягоды, ежовы, следователи хваты. Они возводили свои пристройки и мансарды к бюрократическому зданию. Система создавалась, эволюционировала... Одно звено цепи тянуло за собой другое. Здесь еще многое необходимо узнать и объяснить. Путем не гаданий, а глубокого анализа и поиска истины.

"СЕРПОЧКИ И МОЛОТОЧКИ"

В конце 1987 года были, уже посмертно, опубликованы записи и дневник выдающегося советского кинорежиссера Александра Довженко, несмотря на тяжелые испытания оставшегося гуманистом и интернационалистом. В записях есть одно место, касающееся освещения правды истории. "Вспоминаю, — пишет Довженко, — дьявольскую рожу, которую скорчил Берия, когда привезли меня к Сталину на суровый страшный суд по поводу неудач-

ных ошибочных фраз, вкрапившихся, по словам самого Сталина, в мой сценарий "Украина в огне". Вытаращив на меня глаза, как фальшивый плохой актер, он (Берия) грубо гаркнул на меня на заседании Политбюро (в начале сорок четвертого года):

— Будем вправлять мозги!

Кто лишь не вправлял мне мозги, боже мой...

— О, я знаю тебя! — грозно тыча пальцем и так же злобно, вытаращив глаза, поучал меня друг Берия. — Ты вождю пожалел десять метров пленочки. Ты ни одного эпизода ему не сделал. Пожалел! Не хотел изобразить вождя! Гордость тебя завела, вот и погибай теперь... Ты! Как надо работать в кино?! И что твой талант? Тьфу! — вот что твой талант... Ничего не значит, если ты не умеешь работать... Ты работай, как я: думай, что хочешь, а когда делаешь фильм, разбросай по нему то, что любят: тут серпочек, тут молоточек; тут серпочек, там молоточек, там звездочку...

"Первый маэстро" начал даже показывать мне, как именно надо разбрасывать серпочки и молоточки, от чего я едва не провалился в землю от возмущения, отчаяния и отвращения. Разбросав воображаемые серпочки, маэстро гордо встал и поднял голову и указательный перст:

— Вот и был бы ты человеком. А теперь мой совет тебе: исчезай, вроде бы нет и не было тебя..."

"Серпочки и молоточки" густо разбросаны в нашей истории. Произошло так не сразу, не в один день. Первое десятилетие после победы Октября отмечено интересными и разнообразными публикациями. Вышли различные учебники по истории партии. Их авторы — ленинские соратники В. Невский, А. Бубнов, М. Лядов, В. Кнорин, Н. Попов, Г. Зиновьев и другие. Учебники не свободны от ошибок, от субъективистских оценок, но в них ощущалась авторская мысль, свой подход. История партии большевиков представляла в различных аспектах, как живой и многоплановый процесс. Осуществлялось право на поиск и собственное мнение. Не было критикобоязни. Скажем, в 1924 году В. Невский выпустил книгу под названием "Семь лет побед и поражений". Публикаций документов по некоторым событиям; периодам истории было гораздо больше, чем сейчас. Издавалась серия "Октябрьская революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев". Вы-

ходили хрестоматии о взглядах идейных оппонентов большевиков. Молодая Страна Советов хотела вести полемику с ними на почве документа. В читальном зале Института Красной профессуры, вспоминала известный историк Э.Б. Генкина, на столах для общего пользования лежал меньшевистский "Социалистический вестник", как сейчас журнал "Огонек". Читатели систематически получали стенограммы основных дискуссий по узловым вопросам изучения прошлого. В этих материалах много догматического, легковесного, может быть, просто незрелого и наивного. Но они передают дух эпохи, накал страстей, фиксируют в концентрированной форме высшие точки движения исторического познания. Жаль, такой традиции мы сейчас не видим. Она угасла к середине 30-х.

В развитии советской исторической науки, конечно, следует учитывать и сложность ее становления. Утверждается марксистско-ленинская методология научного познания, формируется новое поколение профессиональных историков. Водоразделом здесь являлся не просто возрастной рубеж, а совсем иные общественно-политические реалии. Все это в общем-то естественно для времени революционного скачка. Революция всегда меняет и концепции, и символы (вспомним Великую французскую революцию — отмена старого календаря, прежних богов). И революционные призывы, например "отряхнем прах старого мира", начинают восприниматься буквально. Но в этом процессе отрицания старого разрушались преемственность, традиции в исторической науке, превалировала не просто критика прежних, действительно устаревших взглядов, но с пьедестала буквально сбрасывались столпы исторической мысли. Методы ведения дискуссий на историческом фронте начинают напоминать приемы борьбы с оппозицией в партии. При свержении прежних кумиров отрабатывается технология избавления от инакомыслящих.

Начало 30-х годов становится временем концептуальной переориентации советского обществоведения. Начинаются методологические проработки "остушившихся", широко используются при этом политические эпитеты, применяются различные "измы".

Сказанное можно проиллюстрировать на примере только одной книги — книги "Классовый враг на историческом фронте" Г. Зайделя и М. Цвибака, вышедшей

в 1931 году. Она представляла собой текст докладов авторов на объединенном заседании Института истории при Ленинградском отделении Коммунистической академии и Ленинградского общества историков-марксистов. Речь шла о воззрениях известных историков Е. Тарле и С. Платонова. Доклады были выдержаны в чрезвычайно агрессивном, уничижительном ключе. Тарле обвинялся в том, что ему предназначался пост министра иностранных дел "вредителями из Промпартии" и "трудовой крестьянской партии" в якобы формируемом ими правительстве, а также в "контрреволюции и фальсификации истории". Подчеркивалось, что в лице Тарле историческая наука имеет "полнейшую согласованность между политическим и научным вредительством".

Платонова обвиняли также в "кулацко-крестьянской контрреволюции", стремлении "восстановить монархию". Особо показательны те обобщения, которые М. Цвибак и Г. Зайдель (оба были позже репрессированы) сделали, подводя итоги прений.

М. Цвибак: "В наших условиях гигантского роста новых кадров делающих ничтожными мелкие достижения прошлого. В настоящее время не приходится говорить об отдельных ученых и сверхученых, настолько незаменимых, чтобы им позволить продолжать их старые традиции".

Г. Зайдель: "Кто окажется неспособным отказаться полностью от своих ошибок — пусть пеняет на самого себя: для подлинной исторической науки он перестает существовать".

Так методы политической расправы властно вторгаются в исторические дискуссии. Умело используется борьба М.Н. Покровского и его учеников с буржуазной историографией. Жертвами этого становятся уже упоминавшийся нами С. Платонов и другие видные историки. Их обвиняли в том, что они являются апологетами реакционной российской государственности. Когда же политический процесс приведет к созданию Административной Системы, то сокрушительный удар будет нанесен уже по "антимарксистским взглядам" самого Покровского.

В упомянутой дискуссии были и инакомыслящие. Сопротивление догматизации научного знания встречалось и позже. Целый ряд историков прокладывали свои "па-

раллельные тропки", создавали информационную базу. Посему и стал возможен бурный прорыв через четверть века.

А пока... Пока написанное Сталиным в 1931 году в редакцию журнала "Пролетарская революция" письмо "О некоторых вопросах истории большевизма" стало поворотным пунктом в развитии исторической науки. Начинается полоса "борьбы за историческую правду", а на деле процесс травли носителей тех концепций, которые не укладывались в усиленно разрабатывавшуюся сталинскую версию событий революции и социалистического строительства. 18 ноября 1931 года письмо Сталина обсуждается на заседании комфракции Общества историков-марксистов. С докладом "За большевистскую партийность в исторической науке" выступил В. Кнорин. Письмо Сталина, заявил он, направлено в первую очередь против гнилого либерализма и примиренчества, которыми страдают ряд историков-марксистов. И особый акцент делает на борьбе с политическими ошибками.

Первоначально кое-какие приличия соблюдались. Канонический образ вождя сформировался не сразу, поэтапно. Скажем, в напечатанной в 1929 году в энциклопедическом словаре "Гранат" биографической справке о Сталине, написанной его помощником И. Товстухой, говорилось: "Сталин — один из секретарей ЦК". Пресекалось и льстивое "забегание" вперед. Любопытны пометки, сделанные И. Товстухой на присланной в середине 30-х годов в "Пролетарскую революцию" рукописи статьи, посвященной десятилетию ИМЭЛ: "Хвалит Товстуху, который сыграл выдающуюся роль при выработке методов издания сочинений Ленина... Попыток на мой счет можно было не болтать... Не торопитесь с историей. Она сама сумеет раздать аттестаты. А нам с вами пока лучше заниматься самокритикой, чем самокомчанством". На фразе рукописи о блестящих статьях Ленина и Сталина о политике Временного правительства в национальном вопросе в Финляндии и на Украине И. Товстуха замечает: "Автор — серьезно? — читал статьи Сталина этого периода по финляндскому и украинскому вопросам?" Поясним — их не было.

Свой вклад историческая наука конца 20—30-х годов внесла в пропагандистский арсенал вождизма, антидемократизма. Так, в вышедшей в 1927 году четвертым пере-

работанным изданием книги известного историка-публициста П.М. Керженцева "Ленинизм" бездоказательно констатировалось, что Центральный Комитет работает как коллектив и на этом принципе построена вся партийная работа. Подвергалось критике утверждение оппозиции, что все решают аппарат и группа лидеров. Однако противопоставить этим утверждениям убедительные аргументы автор не смог.

Теме вождей была посвящена опубликованная в 1928 году работа Ф. Сулковского "Вожди в истории". В ней утверждалось, что "вожди необходимы рабочему классу" и что "партией ВКП(б) руководит сейчас коллектив вождей и кандидатов в вожди". Сама терминология здесь весьма показательна. Показательна как яркое проявление психологии "вождизма", путившей уже достаточно глубокие корни в сознании общества. Выступая с критикой противопоставления вождей-руководителей остальной массе трудящихся, автор заявлял, что "проблема вождей правильно разрешена нашей партией на основе ленинизма". Тем самым читатели уверялись в том, что никакая опасность со стороны "вождизма" обществу не угрожает.

Ряд проблем, которые рассматриваются в двадцатые годы, вообще снимаются. Иные времена требуют иных пропагандистских акцентов. Чтобы это обнаружить, достаточно обратиться к вышедшей в 1936 году в Сталинграде небольшой книжке И. Варейкиса "Всепобеждающая партия Ленина — Сталина". Если всепобеждающая, то о каком критическом анализе можно говорить. А победы одерживаются, естественно, и при преодолении трудностей в строительстве социализма, и в борьбе с врагами. Самый общий текстологический анализ не обнаружил в книжке слов "демократия" и "коллекциальность". Зато "борьба", "непримиримость" присутствовали в избытке. Так "планка достоверности" в публикациях на исторические темы неудержимо сдвигалась вниз.

По мере того как в партии усиливался процесс борьбы за личную власть, создавался определенный идеологический фундамент сталинской историографии.

Одна из таких попыток: в выпущенном на правах рукописи четвертом варианте "Краткого курса" под редакцией Ем. Ярославского и П. Пospelова давалось следующее определение истории партии: "История нашей партии является историей борьбы против других, враждеб-

ных большевизму, партий и уничтожения их, является историей завоевания нашей партией такого положения, при котором она стала единственной легальной партией в стране, не делящей своего руководства ни с какой другой партией".

Нет! Не пойдет. Слишком откровенно. Да и глупо: никаких других, даже нелегальных, партий в стране нет. Их приходится выдумывать, изобретать. Ищут иные варианты.

Ищут, отбирают и исполнителей. Определяется то, какие теоретические кадры нужны партии, а какие — нет. Показательна в этом плане статья Л. Мехлиса "Институт Красной профессуры и проблема кадров" (Партийное строительство. 1930. № 2). В ней отмечалось, что большая группа окончивших ИКП составила идеологическое ядро оппозиционных групп. Основной акцент в статье делается на социальный состав кадров теоретиков, их партстаж и т.п. Не обращается, однако, внимания на научную продукцию этих кадров, способности к научному поиску. Такие качества, наверное, не были столь уж нужны (хотя многие выпускники института эти качества и имели, и демонстрировали, но это уже другой вопрос). Нужны были люди, которые могут вести борьбу на идеологическом фронте "против извращений марксистско-ленинской теории, против всяких разновидностей оппортунизма".

Кульб личности Сталина оказал огромное воздействие на те отрасли исторической науки, которые, казалось, были далеки от актуальных проблем. Началось тотальное "разоружение" науки о прошлом во всех ее профессиональных аспектах. В письме в редакцию журнала "Пролетарская революция" Сталин с пренебрежением отозвался о тех, кто стремится работать с первоисточниками, как об "архивных крысах". Тезис потом приобрел расширительное истолкование. Исследователи стали вытесняться из архивов. Ограничивается развитие вспомогательных, источниковедческих дисциплин.

Регламентируются и методы исторического познания, его понятийный аппарат. Когда Сталин 13 декабря 1931 года беседовал с немецким писателем Эмилем Людвигом, то ему был задан вопрос: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Сталин ответил очень четко и определенно: "Ни в коем роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная па-

раллель бессмысленна". В результате на три десятилетия такой важный метод социального познания, как сравнительно-исторический, исчез из историографии, правоведения и других наук. На семинарах любые попытки студентов провести сравнение исторических явлений тут же пресекались. Редакторы и рецензенты тщательно удаляли сравнительный материал из рукописей. Активно осуществлялись обезличивание, дегуманизация истории.

Вульгарная интерпретация "пятичленной" концепции социально-экономических формаций предполагала, что каждое общество, регион как бы однотипно проходят первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую стадии развития. Задача историков сводилась лишь к подбору иллюстраций из истории изучаемого народа или периода к положениям четвертой главы "Краткого курса". Нужно было показать, как народы дружно маршируют стройными колоннами по неведомым им законам лестницы исторического прогресса. Ответ помещался рядом с условием задачи.

Как вели себя историки и обществоведы, политические деятели вообще? Стихия, конечно, захватывала и несла с собой неудержимо. Но можно по-разному молчать и по-разному говорить. Бывают случаи, что, не имея возможности протестовать открыто, выражаешь протест косвенно, через молчание. Возьмем 30-е годы. Безудержное восхваление Сталина. Б.Н. Пономарев пишет статью в "Правду" (1936 г.) о IV съезде РСДРП. Сплошь упоминается Сталин, и ничего о его позиции в аграрном вопросе, расходящейся с ленинской. А историк М.С. Волин публикует в этой же газете в 1938 году статью о группе "Освобождение труда", в которой о Сталине — ни слова, а вождем большевиков называется один Ленин. Апрель 1936 года. Проводится очередная кампания восхваления Сталина в связи с работой X съезда комсомола. Но президент Академии наук СССР А.Карпинский присылает приветствие не Сталину, а действительно молодежи, призывает ее к сознательному отношению к гражданскому долгу, преданности Родине и партии.

На XVIII Всесоюзной партийной конференции выступает А.Н. Косыгин. Только одно, и то дежурное, упоминание Сталина. В докладе Вознесенского — их четыре.

Зато небольшое выступление М.А. Суслова полно хвалебных эпитетов: "под мудрым водительством", "благодаря заботе лично товарища Сталина", "гениальное произведение", "наш родной и любимый" и т.п. Через много лет Суслов будет буквально плечом оттеснять Косыгина от "лично" вносившего во все вклад и заботившегося обо всем Брежнев.

Из года в год накал славословий увеличивался. Многомерность взгляда на историю все больше подменяется одномерностью пропагандистских установок на официальном историографическом рынке. В этой обстановке все больше начинает котироваться литература "публицистического" характера, несущая в доступной, популярной форме в широкие массы требуемое видение исторического пути партии и государства. Важным этапом формирования культа личности Сталина стала публикация в 1936 году его биографии, созданной французским коммунистом Анри Барбюсом. Она издана большим по меркам того времени тиражом — 300 тыс. экземпляров. То, что подобная работа была написана иностранным коммунистом, на наш взгляд, преследовало особую цель. Мол, посмотрите, если даже зарубежный писатель так оценивает руководителя страны и партии, пройденный под его руководством путь, то что же остается говорить нам, соотечественникам. Нам сам бог велит идти дальше.

По словам авторов предисловия (один из них А. Стецкий, зав. агитпропом ЦК ВКП(б), расстрелян в 1938 г.), Барбюс изучал материалы истории партии и государства, документы социалистического строительства, все написанное и сказанное о Сталине. То есть читатель убеждался: перед ним не эмоции, а правда факта и документа. Правда, чтобы соблюсти приличия, обращалось внимание и на то, что, дескать, Барбюсу не всегда удавалось правильно видеть все обстоятельства и ход борьбы в партии на отдельных этапах. Изображая борьбу партии с оппозицией, Барбюс упускает из виду, что она, как троцкистско-зиновьевская, так и правая, выступая со своими антиленинскими взглядами, выражала внутрипартийное сопротивление враждебных пролетариату классов. Авторы предисловия также не соглашались с определениями марксизма-ленинизма, данными французским писателем. Но все это мелочи. Главное, что книга преподносилась как "первая попытка большого, та-

лантливому европейскому писателю дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина (именно так, не дела Ленина, а Ленина, какой-то вариант буддистского переселения душ. — *Авт.*), дать образ Сталина”.

Написанная мастерски, книга Барбюса свое дело сделала. Ее заголовки: “Гигант”, “Железная рука”, “Великие лозунги”, “Человек у руля”, “Война с паразитической оппозицией” были завлекательны, остры. Манера изложения предельно доступна, изобиловала образными сравнениями, почти афоризмами. В соединении с “Кратким курсом” она составила мощную пропагандистскую основу культа личности Сталина. В послевоенный период к книге Барбюса обращались реже. Видимо, слишком очеловечивалась там личность вождя, представшего к тому времени уже в образе “богочеловека”.

Определенный “протокольный момент правдоподобия” некоторое время соблюдался. В архивном фонде журнала “Пролетарская революция” сохранилась рукопись присланной статьи Б. Бабаева “Двадцать пять лет совместной борьбы и работы В.И. Ленина и И.В. Сталина”. У редакции даже в 1939 году все же хватило смелости указать автору не только на слабость статьи, но и на имевшиеся “досадные гиперболы и перегибы”. Например, редакция “Брджолы” объявлялась филиалом редакции “Искры” или рассказывалось, что Ленин особенно использовал брошюру “Вскользь о партийных разногласиях” для своей работы “Две тактики социал-демократии в демократической революции”. Заметим: брошюра Сталина попала за границу и стала известна Ленину уже после того, как книжка “Две тактики” была напечатана.

Наконец вышел “Краткий курс истории ВКП(б)”. Он в известном смысле завершил процесс подгонки революционной истории под схемы сталинской концепции. Причем сам “Краткий курс”, написанный достаточно живым и доходчивым языком, стал действительно массовым политическим учебником. Его появление закрепило схематизацию и субъективистское искажение истории. Например, в рукописи, представленной Комиссией ЦК по подготовке “Краткого курса”, имелась фраза: “Пражская конференция положила начало самостоятельному существованию большевистской партии”. Однако Сталин слова “самостоятельному существованию” вы-

черкнул. Выходило, что партия вообще была создана не в 1903-м, а в 1912 году, когда Сталин был кооптирован в состав ЦК. Вопреки правде в массовое сознание внедряется концепция “двух вождей” революции (Ленина и Сталина).

Действующие лица революционного процесса жестко разделяются на “своих” и “врагов”. Оппоненты Ленина, участники дискуссий оглушаются, им придается карикатурный облик. Начинает формироваться некий стандартизированный вариант изучения революции и социалистического строительства: триумф и торжество “ленинско-сталинской” стратегии и тактики и “крах”, “банкротство” всех, кто ей так или иначе противостоял. О том же, что за каждой политической группировкой стояли определенные социальные силы, облик этих партий, организаций, фракций был часто неоднороден, в них были “верхи”, “низы”, генералы и рядовые, правые и левые фланги, промежуточные силы, постепенно стали “забывать”. Что уж говорить об анализе или хотя бы изложении их программ! Ничего, кроме брани. “Краткий курс” установил диктат единообразия. Постановление ЦК ВКП(б) 1938 года “О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)” подчеркивало: появление данного учебника по функциям и задачам далеко выходит за рамки значимости литературы подобного рода. С его выходом “кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии”. Но этим дело не ограничивалось. “В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях”, “Краткий курс” излагает историю партии на базе основных идей марксизма-ленинизма”. Одновременно обществоведов лицемерно призывали покончить с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, покончить с буквоедством, начетничеством, схоластикой.

Оглядываясь на прошлое с высоты накопленного страной опыта, прежде всего вспоминается положение, выдвинутое на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС: “Истинный социализм не имеет ничего общего со стандартизацией форм и способов ведения дела, с унификацией мыслей, поведения, действия. Большие со-

циализма — это и больше многообразия, многоголовой действительности, когда истина не диктуется, а выясняется демократическими средствами в открытом и честном сопоставлении позиций и аргументов, проверяется социалистической практикой". В этом положении не только теоретическое обобщение содержания современного этапа духовной жизни нашей страны, но и, наверное, предостережение-напоминание о том времени, когда подобные требования к социализму искажались.

"Краткий курс", по существу, превратился в альфу и омегу научного знания. От сих до сих, от одного параграфа и раздела до другого. Начинает формироваться новый стереотип симулирования интеллектуального творчества — комментаторство к сталинскому учебнику. Именно в эти годы выковывается тип лектора, преподавателя, пропагандиста, обладающего цепкой памятью, хорошо усвоившего нужные цитаты и схематизирующего "джентльменский" набор: во-первых, во-вторых, в-третьих, подменяющего схоластикой и начетничеством реальную диалектику исторического знания.

Многие идеологические установки распространялись по закрытым каналам. Исследователям они становились известны как тайное предание, "сокровенное сказание". Это порождало еще больший страх и неуверенность. И они были обоснованны.

Наши военные историки ведут большую работу по подготовке к публикации биографий погибших в те годы военачальников. Огромный труд проделан литературоведами. Но вот в нашем цехе историков еще не нашлось такого героя, который взял бы на себя аналогичный труд. Можно только предположить, судя по исчезновению имен большинства авторов центральных исторических журналов, что потери профессиональных историков превысили тысячу человек.

Истребление было не только физическим, но и духовным. Людей запугивали, лишали информации. Не давали выхода их творческим способностям.

Обугленные страницы
Не читанных мною книг.
Обугленные страницы.
Неграмотный истопник.
Очень неглупые люди сказали ему:

Сожги.

Сказали, что эти книги —

Это — его враги.

Очень неглупые люди:

Они обо всем подумали.

Чтобы другие люди

Уже ни о чем не думали.

О чем все же не подумали "умные люди", так это о том, что скрываемое рано или поздно становится явным. И за "обугленные страницы", и за сжигавшего их "истопника" первым "мстит" искусство. "Месть" же науки, даже в условиях благоприятных, дело более длительное. Ибо наука не просто обнажает, но и доказывает истину.

ТРАВА СКВОЗЬ АСФАЛЬТ

Видели ли вы, как на заасфальтированном тротуаре, словно пульсирующие жилки, пробиваются, шелестя на ветру, зеленые травинки? Какими тоненькими и беззащитными они кажутся по сравнению с монолитом покрытия! Но в них — великая сила жизни, которая в конечном счете пробивает себе дорогу сквозь заторы и завалы.

Обращаясь сегодня к событиям 20—30-х годов, мы видим — были люди, которые могли бы предложить штапи идейной убежденности делу социализма. Был "рыцарь революции" Феликс Дзержинский. Был Серго Орджоникидзе, наверное, лучше многих других знавший Сталина. В пьесе М. Шатрова "Дальше... дальше... дальше!" есть эпизод, повествующий об их разговоре, подводящий читателя к мысли, что смерть Орджоникидзе была на самом деле самоубийством, на которое толкнул его Сталин. Однако среди негласных версий была и называвшая это самоубийство убийством. Недавно она нашла отражение уже на страницах прессы. В воспоминаниях писателя Юлиана Семенова о встречах с разными интересными людьми говорится о том, что в маузере Орджоникидзе после смерти были обнаружены все семь штирнов.

Часто спрашивают: а что же делали "рыцари революции", что делали партийцы, когда видели, как на партию и страну надвигается культ личности Сталина? Мол-

чали, отсиживались, аплодировали. Где было их мужество?

— Было ли мужество? — спрашивает нас, вузовских профессоров, молодежь.

Ответить надо честно. В рядах большевистской партии находилось много героев, людей отважных, прошедших через горнило революции и гражданской войны. Но для борьбы со сталинизмом требовалась храбрость особого рода — мужество разума, мужество интеллектуальное и, видимо, мужество не героя-одиночки. Наш народ еще мало знает о тех, кто выступал и шел, как говорил В.И. Ленин, "против течения". Постепенно бережно собираются их имена. История сопротивления сталинщине должна быть написана. Но пока еще только составляются первые наброски, черновики.

В революции участвовали представители многих классов и социальных групп. Они внесли в революционные ряды свои идейные искания и свою доблесть, свои иллюзии и предрассудки. Поэтому изначально в нашем обществе, в лагере строителей социализма шла борьба и демократического, творческого, и догматического, авторитарного начал. Подавление сталинизмом его противников — лишь самая трагическая, но не единственная страница противоборства этих тенденций.

В реальной действительности границы между ними не были четкими. Да и люди часто меняли свои позиции. Так, некоторые громкие критики бюрократизма из среды "рабочей оппозиции" и группы "демократического централизма" с трудом приняли нэп. А ведь бюрократия может исчезнуть лишь в экономически эффективном государстве. Его предпосылки и закладывались нэпом. Искреннее стремление трудящихся немедленно построить светлое царство социализма было использовано создателями Административной Системы.

Но пока паровой каток культа личности не надвинулся на послеоктябрьскую ниву, она светилась ярким многоцветьем. Кипели дискуссии о путях совершенствования нашей политической системы, о выборе экономической стратегии, системе образования, о нравственности членов нового общества. Социалистическая революция изначально несла в себе потенциал разума, творчества, гуманизма. Этот потенциал мы не сумели в полной мере использовать в ходе строительства социализма, и потому он реализуется сейчас в ходе развернувшейся пере-

стройки. Революция и двадцатые годы сформировали социальный тип уверенного, независимого в суждениях, сознательного участника социалистического строительства. Именно такие люди стали первыми жертвами начиная с середины 20-х годов. Уже на XII съезде партии выступление одного из руководителей профсоюзного движения Ю. Лутовина против мертвящего бюрократизма было резко осуждено как "влияние мелкобуржуазной стихии".

Старые ярлыки мешают воспринять действительное содержание многих явлений. Надо подумать и над наследием так называемых оппозиций времен гражданской войны и начала нэпа: группы "демократического централизма" (децистов) и "рабочей оппозиции". При путанице и сомнительности многих предложений децистов (вроде предложения о слиянии Совнаркома со ВЦИК или с Высшим Советом народного хозяйства, откровенного местничества, которое так возмущало В.И. Ленина) их некоторые выступления против принижения роли Советов в политической системе страны, как показывает исторический опыт, были не столь уж безосновательными. То же можно сказать и о призывах "рабочей оппозиции" усилить роль трудящихся в управлении производством. Но основной, центральной силой, обеспечивающей стабильность общественной жизни страны в послеоктябрьское десятилетие, стала ленинская концепция построения социализма и политической системы социализма. Именно она (и только она) помогла партии отбить первые авторитарные наскоки на наш общественный строй в начале 20-х годов.

Но, по мере того как наблюдался отход от этой концепции, силовые методы борьбы с оппозиционерами реальными и мнимыми и командно-приказной метод руководства обществом стали преобладающими. К тем же, кто пытался что-то возразить, применялся впоследствии много раз используемый прием — противопоставление их мнения "коллективному разуму партии".

Однако думающие и честные люди не сдавались. Так, в "Правде" за 30 мая 1930 года была помещена публикация "Дезертир Гуреев". Речь шла о директоре Караванного зерносовхоза Оренбургского округа, заявившем о выходе из партии на том основании, что он не согласен с ее тактической линией. По его мнению, не следует допускать "резкого потрясения хозяйства". Надо неуклонно,

по средствам, а не на авось создавать и расширять социалистическое хозяйство. Прежде чем развалить частное, надо создать заменяющее его, свое — социалистическое. Социалистическое переустройство крестьянского хозяйства проводить не увлекательными постановлениями, не агиткой и навязыванием, а реальной хозяйственной политикой, через кооперацию, медленно, но верно. Надо ли говорить, что эти взгляды были расценены как правооппортунистические, как повторение тех положений бухаринского "Политического завещания Ленина", где говорится, что столбовая дорога к социализму — "кооперативный торговый оборот". В июньском номере "Правды" за этот же год была помещена информация об "оппортунистической" позиции, занятой секретарем ячейки типографии и членом райкома партии в Новгороде Саранцевым. Он заявил, что ЦК виноват в том, что рано дал лозунг коллективизации. Надо было раньше снабдить машинами уже созданные колхозы и лишь потом приступать к сплошной коллективизации. Участники собрания дали "оппортунисту" должный отпор. Но Саранцев снова на партийном собрании подтвердил все, что он говорил раньше, добавил, что он "согласен со взглядами, которые высказывали в свое время Бухарин, Рыков и Томский".

Какую огромную гражданскую смелость надо было иметь рабочему Днепропетровского завода "Пресс" Белику, написавшему письмо Сталину: "Тов. Сталин! Я, рядовой рабочий и читатель газеты "Правда", все время следил за газетными статьями. Виноват ли тот, кто не сумел не послушать создавшегося шума и крика вокруг вопроса коллективизации сельского хозяйства и вокруг вопроса, кто должен руководить колхозами? Мы все, низы и пресса, проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверное, в то время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок, поэтому и тебя тоже нужно одернуть. И теперь т. Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищают" (Молодой коммунист. 1988. № 4).

Чем более пристально вглядываемся мы в переломный для страны период рубежа 20 — 30-х годов, тем большее чувство уважения испытываем к тем, кто открыто выступал против антидемократического курса. Выступал, несмотря на то что Сталин и его окружение в борьбе со своими противниками опирались на органы государ-

ственной безопасности, активно используя провокаторов, осуществляли карательные акции против непокорных. Председатель Совнаркома РСФСР С.И. Сырцов в 1929 году высказывается против непродуманного завышения темпов экономических преобразований. Затем, вместе с единомышленниками координируя свои действия с группой члена ЦК ВКП(б) В.В. Ломинадзе, обсуждает возможные пути восстановления демократии, пресечения сталинских командно-бюрократических методов осуществления политического курса. Когда в результате доноса эта позиция стала известна Сталину, то немедленно были приняты меры. Деятельность Сырцова и Ломинадзе постановлением ЦК и ЦКК ВКП(б) от 1 декабря 1930 года была охарактеризована как "фракционная". Оба партийных работника, оставшихся убежденными в своей правоте, были исключены из состава ЦК. Их жизни оборвались в годы массовых репрессий.

В 1932 году на Президиуме ЦКК и на Политбюро ЦК рассматривалось дело группы членов партии, разделявших так называемую "рютинскую платформу", которую еще предстоит изучить как следует. Сам М.Н. Рютин, участник гражданской войны, в прошлом видный партийный работник, делегат X, XII, XIII, XIV, XV и XVI съездов РКП(б) — ВКП(б), кандидат в члены ЦК, был исключен из партии по ложному доносу еще в 1930 году. Способный публицист, отличающийся аналитическим умом и личным мужеством, работавший одно время заместителем ответственного редактора газеты "Красная звезда", Рютин по просьбе старых большевиков М.С. Иванова, В.Н. Каюрова и других составил обращение "Ко всем членам ВКП(б)". В основе "Обращения" лежала рукопись Рютина "Сталин и кризис пролетарской диктатуры", насчитывавшая свыше 160 страниц машинописного текста.

О чем же шла речь в обращении "Ко всем членам ВКП(б)"? О том, что партия и пролетарская диктатура Сталиным и его сподручными заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис; партийный аппарат в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсечения одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней. Отмечалось, что, опираясь на централизованный аппарат, Сталин установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, стал на путь самого

необузданного авантюризма и личного произвола... Обращалось внимание на то, что права партии, гарантированные Уставом, узурпированы кучкой беспринципных политиканов, демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство — системой доверенных людей... Высказывалась уверенность, что Сталин и его окружение ложью и клеветой, расстрелами и арестами... всеми способами и средствами будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину.

"Обращение" представляло собой попытку всесторонней оценки деятельности Сталина и "его свиты". Сначала Рютин был приговорен к 10 годам тюремного заключения. В январе 1937-го уже, разумеется, ничто не помешало вынесению Рютину смертного приговора. Так погиб человек, который на свидании со своей дочерью в 1932 году (последнем свидании) сказал: "Перед народом и партией я чист. Остаюсь коммунистом. История докажет мою правоту".

На июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) старый большевик Осип Пятницкий не побоялся выступить против физического уничтожения Николая Бухарина. Не поддержал предложение Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. "Не внял" совету Молотова, Кагановича и Ворошилова взять свои слова назад. Погиб в ежовских застенках несломленным, по ложному обвинению в принадлежности к осведомителям охраны.

Одной из актуальнейших историко-политических и научных проблем сегодня для нас является создание нравственно-психологического портрета той эпохи. Необходимо показать пути и перепутья общественного прогресса через гуманистический фокус истории. Делать обобщения нам нужно, исходя не только и подчас не столько из подсчета построенных заводов и введенных в действие домов, а погружаясь в сложнейшую ткань социальных доминант, личностных перипетий и взаимоотношений, борьбы доброго и злого начал, морали и антиморали и т.п.

Историческое время всегда многомерно. Оно не раскладывается механически на полочки — сие есть добро, а

сие — зло. В истории невозможно, как бы этого подчас кому-то ни хотелось, задержать одну полочку шторкой. Нельзя терять целостности анализа. С одной и с другой стороны — это промежуточные логические ходы рассуждений, а наша конечная оценка должна быть определенной.

Сравним письмо Раскольникова к Сталину и устное послание — завещание Бухарина.

Спасаясь от сталинских репрессий, Раскольников, бывший полпред СССР в Болгарии, стал "невозвращенцем" и в 1939 году обратился с открытым письмом к Сталину. В письме Раскольников с гневом и болью публично разоблачал творимые Сталиным преступления и культ его личности. Он обвинял Сталина в массовых репрессиях, инсценировке судебных процессов над "врагами народа"; в уничтожении в стране свободной мысли, преследовании интеллигенции, в первую очередь писателей и ученых; в истреблении в момент величайшей военной опасности руководящих кадров Красной Армии и советского дипломатического корпуса.

У Раскольникова — острейшее обобщенное обличение того, что связано с искажением культа сути социализма. У Бухарина — больше личного. Он прежде всего хочет смыть перед потомством незаслуженные грязные обвинения с себя. Но с огромной тревогой говорит о "тучах, нависших над партией". Необходимо опять-таки подходить к оценкам с конкретно-исторических позиций. Раскольников находился к тому времени за пределами СССР, в относительной безопасности. Бухарин — в страшном предвещательном состоянии. Да, это была эмоциональная, чувствительная натура. Но как мужественно шел себя Николай Бухарин на политическом аутодафе, в которое превратился февральско-мартовский Пленум 1937 года. Когда от него требовали покаяния, он заметил: "Я вам не Зиновьев и Каменев и лгать на себя не буду". Молотов на это с явной угрозой заметил: "Этим и докажете, что вы фашистский наймит... Арестуем — сожжем". А Ворошилов не нашел ничего другого, как выкрикнуть: "Типун тебе на язык, падла".

Деформации политического характера неминуемо несли за собой деформации нравственные. И в этих условиях даже элементарная человеческая порядочность становилась демонстрацией гражданской позиции. Ее проявление следует рассматривать как действительную

* Попытка создать такой портрет предпринята в книге В.А. Козлова, О.В. Хлевнюка "Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов". М., 1988.

социалистическую гражданственность, зная, как часто она была чревата превращением "товарища" в "гражданина". Журналист А. Лабезников вспоминает о том, как в 1937 году, когда были открыты так называемые "конфискаты" (магазины, где продавали имущество репрессированных), он вместе с тогдашним главным редактором "Комсомолки" В.М. Бубениным зашел в один из них. Ему нужно было купить игрушку сыну. "Возьмете? — спросила продавщица, указывая на игрушечный паровоз. — Прекрасная игрушка". "Поверьте, девушка, — ответил без всякой оглядки В. Бубенин, — этой игрушке уже никогда не быть прекрасной. Никогда!"

Ленинское наследство заключалось не только в создании партии и государства, пишет писатель Борис Васильев. Оно было растворено в каждом, и наши отцы заживо сжигали своим детям, а не жалели их.

Сталинизм деформировал, калечил, но не смог убить идею социализма. Особый, очень сложный разговор (а раньше об этом мы и заикнуться боялись) о том отождествлении сталинизма и фашизма, которое широко бытует в западных публикациях. Много, к глубочайшему сожалению, совпадает в "технологии" репрессий. Но есть разница, и разница принципиальнейшая: она проходит через идею, которой жило даже бичуемое режимом культа общество иной формации, качественно иной социальной природы, иного нравственного идеала. Да, несмотря ни на что, строилось социалистическое общество, люди ощущали себя живущими в социалистической стране. Сталин и его окружение хотя и нарушали эти принципы в своей практической деятельности, но прикрывались лозунгами социализма.

Один из персонажей романа Василия Гроссмана "Жизнь и судьба" Мостовской, рассуждая о сходстве и различии фашистской диктатуры и сталинского социализма, говорит о том, что "не в мусоре нужно искать существо различия, а в замысле строителя, в его мысли". Действительно, мусорные ямы пахнут одинаково. Но в случае с гитлеровским государством эти "зловонные ямы" — органический элемент самого замысла. Во втором же случае речь идет о деформации задуманной постройки.

Вот что говорил Н. Бухарин, один из тех, кто вместе с Лениным участвовал в теоретическом обосновании замысла нового общества: "Социализм отвергает восхище-

ние злом... Мы хотим одного: социалистического гуманизма".

В 1987 году радиостанция Би-би-си сообщила о постановке в Великобритании пьесы Бориса Васильева "Завтра была война". Комментарий радиостанции состоял в том, что пьеса, дескать, показывала, что в войну с фашизмом вступило юное поколение, лишенное чувства коммунистической, созидательной веры. Так ли это? Очевидно, нет. Разве лукавил представитель этого поколения Николай Майоров, давший обобщенный социальный портрет своих сверстников в написанном в 1940 году стихотворении "Мы":

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Конечно, было бы наивно идеализировать моральную обстановку в СССР во второй половине 30-х годов. Сопшемся на свидетельство современника тех лет — известного советского социолога В. Шубкина: "В войну вступила предвоенная страна. И все, что было в ней — способность к самопожертвованию и подозрительность, жестокость и душевная незащищенность, подлость и низменная романтика, официально демонстрируемая преданность вождю и глубоко скрытые сомнения, тупая неповоротливость бюрократов, перестраховщиков и лихая надежда на авось, тяжкий груз обид и ощущение справедливости этой войны, — все народ принес с собой на фронт. Ничего не оставил, ничего не забыл. И со всем этим сталкивались и солдаты, и маршалы".

И все это будет неполным, если не добавить, что в войну, вопреки многому и многому, вступила страна Ленина.

"Скажу тебе честно" — так называется напечатанный в газете "Советская Россия" (1987. 7 ноября) монолог ветерана труда Павла Свиридова, обращенный к внуку — денгиглакласснику Владимиру. Поводом к нему послужила реплика внука о "неинтересной" биографии деда — мол,

если бы ты подвергался репрессиям, а потом был реабилитирован, то можно было бы и в школу пригласить в качестве "очевидца".

Павел Свиридов пишет, а вернее, исповедуетя о своей "негероической" жизни, рассказывая не столько о себе, сколько о людях, с которыми столкнула его судьба. О таком же, как он, фронтовике, председателе колхоза Иване Стекольникове, который (себе не взяв ни грамма) выдал по полкилограмма зерна на трудодень колхозникам, рискуя быть исключенным из партии или даже арестованным за "сокрытие" хлеба. А вот еще зарисовка: "Тогда, в сорок девятом, о строительстве Волго-Донского судоходного канала еще не было объявлено, но в степи между Волгой и Доном под Сталинградом уже появились временные стройгородки и... "зоны", обнесенные колючей проволокой. В одной из "зон" действовала своя, втайне от лагерного начальства, партийная ячейка ВКП(б), у членов ее были даже партбилеты, правда, не подлинные, а самодельные, но с подлинными номерами, нанесенными химическим карандашом по памяти каждого партийца, и цена этим партбилетам была такой же высокой, как в годы революции". Сильные духом люди, не так ли?

Для понимания места темы сопротивления в разговоре об очищении от сталинщины показателен разговор корреспондента "Комсомольской правды" А. Афанасьева с генерал-лейтенантом юстиции в отставке Б.А. Викторовым. Чрезвычайно важным представляется одно место беседы. Речь идет о героях 1937 года, людях, оказывавших сопротивление произволу. То, о чем вы сейчас рассказываете, замечает обозреватель газеты, по существу иной уровень в понимании нашей истории. От "врагов" — к жертвам, от "жертв" — к сопротивленцам: это новый шаг к правде, которую не давали гласно и спокойно осмыслить (Комсомольская правда, 1988. 21 августа). Итак, новый уровень исторического сознания!

XX съезд партии дал мощнейший толчок росту общественного сознания и самовыражения. И как всегда случается в периоды кардинального обновления, революционная эстафета 20-х годов была подхвачена молодыми. Они, как и положено молодым, были дерзки, искренни, но не всегда достаточно осмотрительны. Это было поколение, не обремененное недоброй памяти репрессия-

ми и доносами. Им казалось, что все, что провозглашалось, должно было обязательно стать нормой и обязательностью для всех. Но процессы освобождения от деформаций социализма не приобрели должного развития. Официальная идеология и политика во многом "другой ногой" продолжала увязать в ею же раскритикованных стереотипах. Отчетливо ощущалось противодействие курсу демократизации общества.

И вот сразу после XX съезда возникает ряд молодежных кружков, или, как сейчас выражаются, неформальных объединений. Наиболее громким было так называемое "дело Краснопевцева". Лев Краснопевцев, секретарь факультетского бюро ВЛКСМ, аспирант кафедры истории КПСС исторического факультета МГУ, создал из числа студентов, аспирантов и преподавателей кружок. В его рамках изучались наиболее актуальные вопросы марксистско-ленинской теории: закон стоимости и сфера его действия при социализме, история Октябрьской революции и внутрипартийной борьбы. "Как это может быть, что бочка соленых огурцов на рынке имеет стоимость, а Куйбышевская ГЭС ее не имеет?" — спрашивал Лев Краснопевцев у своих друзей. "Такое великое государство, как наше, не должно чинить подошвы своим подданным. Пусть они сами чинят их друг другу", — считал Николай Покровский (в 1987 г. избран членом-корреспондентом АН СССР). Члены кружка организовали сеть "дочерних" семинаров и вовлекли в сферу своего влияния свыше 50 человек. Бурные дискуссии были нагло прерваны осенью 1957 года. В феврале 1958 года девять участников "кружка Краснопевцева" были осуждены на сроки от 6 до 10 лет. Но этот кружок не был единственным. Имелись другие кружки и другие программы. И здесь необходимо отличать поиск истины в рамках социалистических, марксистско-ленинских ценностей от того, что расходилось с ними.

Говоря о тех или иных актах политического мужества людей, олицетворявших традиции революции, было бы неправомерно и односторонне сводить все к отдельным личностям, к отдельным проявлениям политического протеста. Сквозь асфальт прорывалось многоцветье тьмы. И думаем — ведь и в годы деформаций социализма миллионы коммунистов и беспартийных отдавали свои силы социалистическому созиданию. Рабочий у станка, шахтер в забое, скромный служащий за кан-

целярским столом трудились не только ради куска хлеба, но и ради высоких целей. Добросовестное выполнение служебного и профессионального долга рассматривалось и как гражданский долг. Огромное воздействие на судьбы страны, на ее прошлое, настоящее и будущее оказывала гуманистическо-демократическая традиция российской культуры. Герцен писал: "Будущие поколения не раз остановятся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которая в сущности не прерывалась". Не прерывалась она и до сегодняшнего дня. От прочности гуманистического, нравственного стержня нашего общества зависит завтрашний день. И вне контекста культурной и революционной традиций не могут быть поняты внутренние силы прежней стойкости и нынешнего обновления.

Чем, как не этим, объяснить, что люди, рискуя карьерой, а зачастую, может быть, и жизнью, вели себя так, как подсказывала им гражданская и партийная совесть.

Общезвестно, что накануне Великой Отечественной войны по дипломатическим и агентурным каналам шла информация о сроках нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Интересный перечень этих донесений дает Овидий Горчаков в документальной подборке "Накануне, или Трагедия Кассандры" (Горизонт. 1988. № 6, 7). Советские разведчики упорно посылают донесение за донесением, хотя многим из них известна позиция руководства, считающего провокацией информацию подобного рода. Центр не откликается. Вот "крик души" секретного сотрудника Кармен: "Я не понимаю, что происходит. Судя по всему, Германия в самом деле вот-вот нападет на нас! Но почему-то никто не реагирует на все мои сигналы. Что происходит?! Прошу довести мои сообщения до высшей власти!.. Прошу и требую этого как чекист, как советский человек, которому дорога судьба его Родины!" А вот выдержка из донесений секретного сотрудника Короткого: "Никогда ни одно государство в истории войн не знало, благодаря своей разведке, столько о планах врага, сколько Россия. Почему же Сталин так мало делает, видя, как перетирается нить, на которой висит дамоклов меч?" На этот вопрос сейчас можно ответить документально. На тексте радиogramмы советского военного атташе в Виши (Франция) генерала Суслопарова Сталин написал резолюцию: "Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор

этой провокации, и накажите его". За наказанием дело не стало.

На донесении секретного сотрудника Эрнста о предстоящем нападении фашистской Германии написано: "В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников Ястреба, Кармен, Алмаза, Верного за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией". И подпись — Л. Берия. И дата — 21 июня 1941 года. В этом списке нет имени Рамзая (Р. Зорге), хотя его донесения лежали в той же папке. Видимо, Берия знал, что Рамзая трудно превратить в "лагерную пыль", но до семьи, оставшейся в СССР, он добрался. Подлинных имен остальных героев мы еще не знаем.

Почему советский флот не понес потерь в первый день войны? Потому что нарком Н.Г. Кузнецов на свой страх и риск принял меры к приведению флота в боевую готовность.

Почему из 1200 самолетов, потерянных нами 22 июня, только 10 уничтожено фашистами в Одесском военном округе? Потому что начальник штаба округа генерал-майор М.В. Захаров (впоследствии Маршал Советского Союза) успел распорядиться о рассредоточении боевых самолетов на полевых аэродромах.

Горький опыт показал, что мужество художника, творца духовных ценностей, часто тождественно мужеству военному. Нет, не выбил страх у людей право оставаться людьми. При полном понимании цены, которую можно было тогда заплатить за это право. Борис Пастернак не просто посвятил одно из своих стихотворений Николаю Бухарину. Когда кольцо подозрения вокруг Букарина стало сжиматься, Пастернак отправил ему послание, выражающее симпатию и уверенность в его гражданской честности и порядочности. И.А. Акулов, бывший прокурор СССР, смог на февральско-мартовском Пленуме подойти к Бухарину и сказать: "Мужайтесь, Николай Иванович..." А крупный военачальник И.П. Уборевич молча пожал руку опальному политическому лидеру.

В 30-е годы на экраны страны вышел фильм "Ленин в Октябре". Актер играл героя, прототипом которого был Антон Овсенко. Он носил пышную шевелюру и в ми-

нута нервного напряжения вынимал расческу и расчесывал волосы. Постановочная группа была у него дома для консультаций, а на следующий день Антонов-Овсеенко был арестован как "враг народа". И тем не менее этот жест был сохранен в фильме, что давало возможность узнать в герое картины реальный персонаж. Это было честно, хотя и небезопасно.

Протест против нарушений законности, прямой или косвенный, проявлялся в разных формах. Задушить человеческое в людях не удавалось даже тираническими методами. При этом хотелось бы отметить, что в борьбе с культом Сталина носители ленинской революционной традиции выступали не за разрушение, а за сохранение и укрепление системы социализма.

Тревожные настроения общественности отразились, конечно, и в художественной литературе. Молодежь 50-х годов с упоением читала повесть Павла Нилина "Жестокость" — одно из ярких проявлений "оттепели", где обличалась подлость, совершенная якобы во имя революции. Только немногие представители старшего поколения помнили о находящейся в специальных хранилищах книге А.И. Тарасова-Родионова "Шоколад". Пожалуй, слишком рассудочным пером в ней создана картина трагической гибели председателя губернской ЧК, расстрелянного для "поднятия революционного духа" бойцов в осажденном белыми городе. А "вина" главного героя состояла в том, что жена офицера-заговорщика, освобожденная им из-под ареста, подарила его детям тайком от отца плитку шоколада.

К сожалению, стремление увеличить число "врагов социализма" привело к многолетнему запрету романа Евгения Замятина "Мы", где отвергалась утопия "математически безошибочного счастья". Преследованию подвергались Борис Пильняк и Андрей Платонов. То и дело критическая дубинка, а затем и репрессии обрушивались на писателей, художников, ученых.

Даже для наиболее реалистически мыслящей части общества поворот 1928 — 1929 годов оказался неожиданным (слишком неожиданным — для политических деятелей). Тем большее уважение вызывает отчаянная, безнадежная борьба за свои убеждения шедших "против течения". Наступил этап трагического сопротивления. Сопротивления, которое чаще всего проявлялось как голос совести, как верность своим (во многом совпадавшим с

революционно-гуманистическими) идеалам, политическим, нравственным и художественным принципам. Разве Осип Мандельштам не знал, чем чревато для него написать:

Мы живем, под собою не чуя страны.
Наши речи за десять шагов не слышны.
Только слышно кремлевского горца,
Душегубца и мужикоборца.

Но не сказать это, причем уже в 1934 году, Мандельштам не мог. Мощь государства, личный сыскной энтузиазм многих граждан, включая детей, были направлены на затоптывание "сорняков", единственным признаком которых, как оказалось, стал естественно зеленый цвет. Да, трава не могла не расти даже сквозь асфальт.

Человеческую мысль нельзя навечно упрятать в бетонированное русло. "Асфальт" догматизма и репрессий не погубил корневую систему, призванную реализовать личностные и общественные потенции разума, творчества, гуманизма. Нет, ни "оттепель", ни перестройка не возникли "вдруг". Их ростки зеленели давно, и не было такой силы, которая бы уничтожила их.

"МАРТОВСКИЕ ИДЫ" СТАЛИНА

В день мартовских ид по древнеримскому календарю — 15 марта 44 года до н.э. — заговорщики, возглавляемые Брутом и Кассием, убили в сенате "pater patres" (отца отчества) Юлия Цезаря. Драматическое убийство описано античными писателями без особых разночтений. Оно же приобрело в их изложении черты неотвратимого, рокового исхода. Событию предшествуют чудесные предзнаменования: это и явления природы вроде вспышек света в небе и внезапного шума по ночам; и гибель в здании сената влетевшей туда птички королька, растерзанной стаей преследовавших ее других птиц; и вещей сон жены Цезаря Кальпурнии, которой привиделось, как закалывают мужа в ее объятиях и он истекает кровью.

В день мартовских ид Цезарь, уступая просьбам жены, решил было не выходить из дому и отменить заседание сената, однако одному из заговорщиков удалось разубедить Цезаря. Как только Юлий Цезарь отбыл из

дома в сенат, к нему домой явился человек, желавший сообщить о заговоре. По дороге в сенат Цезарь был преследуем все новыми предостережениями. Встретился гадатель, некогда предсказавший угрожающую ему в день мартовских ид опасность. "А ведь мартовские иды наступили", — увидев его, пошутил Цезарь. "Да, наступили, но еще не прошли", — ответил тот. В числе свитков с разными просьбами, вручавшимися Цезарю по дороге, было и предупреждение о заговоре. Составитель свитка даже шепнул диктатору, что надо, не откладывая, прочесть очень важное для него сообщение. Но Цезарь из-за множества просителей не смог этого сделать. Наконец, при входе в сенат, как полагалось консулам, было совершено жертвоприношение. И снова мрачное предзнаменование: у жертвенного животного не было сердца. Не считая более возможным затягивать открытие заседания сената, Юлий Цезарь вошел в здание. Так, несмотря на все предзнаменования и предостережения, состоялась его встреча со смертью.

Сталин, всю жизнь боявшийся покушения и никому не доверявший, умер своей смертью. Сенсационная версия советолога Авторханова о гибели Сталина от рук Берии (книга так и называется "Загадка смерти Сталина (заговор Берии)") остается неподтвержденной. Никого при умиравшем на даче в Кунцево Сталине не было: врачей он в последние месяцы жизни опасался и обращался к ним редко. Не видя его в течение дня, встревоженная охрана решила войти в комнату, где спал Сталин, и увидела его, лежащего на полу, беспомощного, разбитого параличом, потерявшего речь. В таком состоянии его застанут приехавшие по вызову Берия, Маленков, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Хрущев.

Трудно, конечно, сказать, кто что думал, глядя на умиравшего Вождя, но можно быть уверенным в том, что никто не знал своей судьбы: ни живые преемники, ни тем более уходящий в мир иной "гений". Сталин умер, но сколько еще будет жить "дело Сталина"? — вот какой вопрос поставила история, и на него тогда не было ответа. Никто не задумывался и над тем, что считать "делом Сталина". Пройдет всего три года, и для "сталинистов" и "антисталинистов" "дело Сталина" наполнится разным смыслом. Наступят "мартовские иды" Сталина.

Итак, 5 марта 1953 года умер Сталин, представленный в официальном сообщении как "гениальный вождь и

учитель партии, великий стратег социалистической революции, руководитель Советского государства и полководец". Представленный довольно скромно по сравнению с отпускаявшимися ему ежедневно хвалебными эпитетами, которым могли бы позавидовать "императоры и самодержцы всероссийские", имевшие в своей титулатуре около 60 наименований державной власти. Но разве была у них такая власть над душами людей? Эта власть особенно ярко проявилась в мартовские дни пятьдесят третьего. Такой скорби, такого горя, таких слез не видел, может быть, и январь 1924 года. Не по глубине и искренности, разумеется (горе всегда искренно), а по масштабам. "Кажется, история не знала таких похорон", — отмечал много видевший и много знавший Илья Эренбург. Плакали миллионы, десятки миллионов... Скорбели на траурных митингах, "на людях" и наедине с собой... Из отдаленных мест страны ехали в Москву, чтобы проститься с Вождем...

Москва в те мартовские дни являла картину вавилонского столпотворения: неисчислимые толпы людей двигались по улицам, запруженным ими за 5 — 7 километров до центра города, где в Доме Союзов, в его Колонном зале, проходило последнее прощание со Сталиным. "...Цепи грузовиков, гул моторов, лязг железа, напряженные лица бойцов, безмолвное и торопливое движение людских потоков" — так выглядел путь к Дому Союзов, запечатленный писательницей Галиной Николаевой в романе "Битва в пути". Тщетно конная и пешая милиция пыталась навести порядок в местах заторов людских потоков, когда задние напирали на передних, когда в узких проходах давили друг друга, тех, кто оказался слабее или неудачливее. Было много погибших, получивших травмы... Прощание с Вождем зловеще символично напоминало о "Ходынке" — катастрофической давке на Ходынском поле по случаю коронации Николая II в 1896 году, когда было раздавлено и задушено около 1400 человек. После этого за Николаем II закрепилось прозвище Кровавый... Новая "Ходынка" была своего рода завершающим аккордом в длинной веренице сталинских преступлений и предзнаменованием грядущих "миртовских ид"! Смерть Вождя, отъединяя его от живущих, оставляла им в наследие дело Сталина — сплав видимых тогда советским людям исторических побед (мировой социалистическая держава с развитой промышлен-

ностью и всеобщей грамотностью) и еще не осознаваемых подавляющим большинством исторических поражений (деформация социализма, создание бюрократической Административной Системы, подрыв производительных сил в сельском хозяйстве с губительным для его перспектив отчуждением крестьянина от земли...). И именно потому, что данность побед, подкреплённая всей мощью общественной идеологии, была бесспорной, а трагизм поражений не был осмыслен, дело Сталина казалось прямым продолжением дела Ленина. Понадобились десятилетия, чтобы люди почувствовали освобождение от социальной лжи и поняли, что есть что и кто есть кто. А тогда один из авторов этой книги сам стоял на траурном митинге, горевал вместе со всеми, утешал содрогавшихся в рыданиях девушек и объяснял, что дело Ленина — Сталина будет жить вечно.

Чувства и переживания советских людей в марте пятьдесят третьего воплощены писателем Анатолием Азольским в ощущениях героя его романа "Степан Сергеевич": "Степан Сергеевич проснулся утром и не понял, жив он или нет. Странно: Сталин умер — а он жив. Дикость какая-то. Степан Сергеевич прислушался. Каплет с крыш, дергается ветром форточка. Выглянул в окно — солнце стоит на месте, не падает. Странно. Люди ходят, училищный грузовик проехал — работают, следовательно, двигатели внутреннего сгорания. Странно. Как жить-то дальше?"

Отзвучала траурная музыка, отлились слезы, прекратились аресты, которые производились даже в день смерти Сталина (например, арест поэта А. Коваленкова). Никому уже не казалось странным, что люди ходят, работают, живут и без Сталина. Брэнное тело его покоилось в Мавзолее, рядом с Лениным. И мало кто задавал себе вопрос, заслуженно ли. Вернее, почти никто не сомневался в этом.

Но незаметно наступали перемены. Летом 1953 года был арестован, а в конце года расстрелян Лаврентий Берия. В 1954 году вышла повесть Ильи Эренбурга "Оттепель". Название ее приобрело символический смысл... Постепенно освобождали людей из лагерей. Освобождали тихо, осторожно, предпочитая реабилитацию амнистией. Писатель Владимир Амлинский вспоминает об одной из жертв начала 50-х годов — десятикласснице Сусанне, осужденной по ложному политическому обвине-

нию. Когда ее, семнадцатилетнюю девушку, арестовывали, она сокрушалась, что завтра у нее контрольная работа в школе, а это очень важно, так как предстоят выпускные экзамены. Но вместо радости выпускных экзаменов для нее была подготовлена другая судьба: 25 лет заключения. Смерть Вождя стала и для нее, и для многих других возвращением в жизнь еще до XX съезда КПСС. В 1955 году Сусанну освободили по амнистии.

Со страниц газет и журналов по-прежнему не сходило имя Сталина, но появлялось все больше и больше предзнаменований перемен. Такова история: сколько ее ни переписывай, она все равно рано или поздно откроет секреты сильных мира сего, и тогда тайное станет явным. Чуть слышно нарастал подземный гул первой гласности о преступлениях против социализма и человечности.

Приближался XX съезд КПСС. Начинало сбываться пророчество уже упоминавшегося героя революции и гражданской войны Федора Раскольников. "Бесконечен список Ваших преступлений, — бросал в лицо Вождю Раскольников. — Бесконечен список Ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов".

В конечное торжество справедливости верили и Раскольников, и Бухарин, и многие другие. Но Бухарин понимал, что вряд ли возмездие свершится при жизни Вождя. Надеялся он на то поколение руководителей партии, которое придет в будущем. Бухарин просил не забывать, что на знамени партии есть и его капля крови. Возмещение людей и имен затянулось надолго. Для Бухарина — на полвека. Но он, этот процесс, был неизбежен. Для Сталина приближались неотвратимые и роковые его "мартовские иды".

Весна 1987 года. В Московском историко-архивном институте идут "чтения", посвященные 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Выступает ученый Владлен Логинов:

Есть даты, которые знает каждый советский человек. Выйдите на улицу и спросите, что произошло в 1956 году. Вам ответят: XX съезд Коммунистической партии. Н.С. Хрущев проявил большое гражданское муже-

ство, выступив 24 февраля на закрытом заседании съезда с докладом "О культе личности Сталина и его последствиях".

Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, составлявшие ближайшее сталинское окружение, лично были причастны к массовым репрессиям и 30-х, и 40-х (уже послевоенных) годов в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных, комсомольских кадров, научной и художественной интеллигенции. В этой обстановке Хрущев, по всей видимости, не мог не понимать всего риска своего поступка, своего, в первую очередь, думается, **личного решения**. Он не мог не понимать, что ему предстоит борьба с людьми, занимавшими в течение длительного времени видное положение в партии и государстве. Как сказал Хрущев позднее, на XXII съезде КПСС, разоблачение культа личности Сталина "...было внутренней моральной потребностью и обязанностью партии, ее руководства". Тогда же он пояснил: "Накануне XX съезда вопрос стоял так: или партия открыто, по-ленински осудит допущенные в период культа личности И.В. Сталина ошибки и извращения, отвергнет те методы партийного и государственного руководства, которые стали тормозом для движения вперед, или в партии возьмут верх силы, цеплявшиеся за старое, сопротивлявшиеся всему новому, творческому. Именно так остро был поставлен вопрос".

Думается, что преемник Сталина на посту главы партии понимал и то, что вынашиваемые им новые подходы к международным и внутренним проблемам трудно осуществить без мощного "удара" по Сталину. Нельзя реформировать страну и ее внешнюю политику без прорыва сквозь сталинизм.

XX съезд КПСС одобрил положения доклада Хрущева о культе личности Сталина. В марте содержание доклада стало известно членам партии. О нем заговорили все и везде. Наступили "мартовские иды" Сталина.

Сам по себе доклад Хрущева не был глубоко аналитическим. В нем был дан психологический портрет Сталина как политического деятеля, характер которого отличался властолюбием, жестокостью, недоверием, нетерпимостью, подозрительностью, мстительностью. По выражению Ильи Эренбурга, "персонаж был сродни некоторым героям Достоевского". В докладе приводились поразившие и ввергавшие людей в ужас факты необос-

нованных репрессий, расправ с видными партийными и государственными деятелями, преследования их семей. Все это действовало как шоковый грозовой разряд в атмосфере общественной жизни.

XX съезд КПСС оставил глубокий след в социальном сознании советского общества. Если пролистать газеты, журналы, литературную критику, мемуары, книги и брошюры общественников, то в этом зеркале жизни страны можно найти сотни и тысячи высказываний о том, какое огромное влияние оказал XX съезд на сознание людей разных поколений, профессий, умонастроений, на развитие общественной мысли, советского искусства, на освобождение от догматических стереотипов. Приведем некоторые высказывания:

"Я счастлив, — писал Илья Эренбург, — что дожил до того дня, когда меня вызвали в Союз писателей и дали прочитать доклад Хрущева о культе личности".

Ирина Прусс, сотрудница молодежного журнала "Знание — сила", беря интервью у академика Татьяны Заславской, известного социолога, очень точно заметила:

"Мне кажется, самый крупный шаг в самосознании мы сделали в 1956 году. XX съезд партии уже несколькими поколениями ощущается как крупнейшее событие не просто в истории общества, но буквально в личной биографии огромного числа людей, можно сказать, всех. Все мы — в каком-то смысле дети 1956 года".

Дадим же слово детям 1956 года: тем, чье взросление шло на середину 50-х; тем, кто был уже сформировавшимся, но еще молодым; тем, кто пережил "сталинский период".

Татьяна Заславская: "В 1956 году мне было 29 лет. XX съезд подтвердил мои глубочайшие сомнения в правомерности того, что происходило в стране. Вместе с моим поколением я приняла его как счастье, освобождение, очищение. Но тем, кто был на поколение — два старше, до конца принять откровения XX съезда было много труднее. Ведь это значило пересмотреть почти уже прожитую жизнь, признать, что и на тебе лежит доля ответственности. Социально-экономические структуры остались по сути прежними, централизация не ослабла, и по-прежнему людям говорили одно, а они видели вокруг себя другое. Правда, отступил страх, возвратились репрессированные — кто дожил, и это, пожалуй, одно из главных завоеваний 1956 года".

А вот что говорит Александр Бовин, публицист-международник: "Не могу не вспомнить о XX съезде КПСС. Как коммунист, как гражданин, как личность я сформировался под влиянием идей этого съезда. Тогда началась моя "перестройка", перестройка "длиною в жизнь".

Для молодых партийных работников того времени (мне было 25 лет, и я работал заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии) XX съезд был очистительным шквалом, который позволил с надеждой посмотреть в будущее. Мы учились мыслить, действовать, возражать. И с недоумением, болью, с отвратительным чувством собственного бессилия наблюдал я, наблюдало мое поколение, как уходили в бюрократический песок идеи одного из действительно исторических съездов нашей партии.

Мы не смогли тогда восстановить животворный демократизм ленинских норм партийной и государственной жизни, преодолеть молчаливую покорность, раболепие перед начальством, научиться серьезному, откровенному разговору о своих собственных делах. Н.С. Хрущев, бросивший вызов защитникам культа личности Сталина, вскоре стал допускать и поощрять славословия в свой адрес. Л.И. Брежнев, человек, наделенный, несомненно, природным здравым смыслом, позволил превратить себя в памятник самому себе".

Игорь Волгин, писатель, руководитель Литературной студии МГУ: "Мое поколение вступало в жизнь в незабываемое время. Это была эпоха XX съезда — эпоха великих надежд. Я помню полуночную толпу у только что открытого памятника Маяковскому: этот неизбывный, нескончаемый российский спор — о главном. К нам возвращались не только люди и имена — к нам возвращалась вера. Мы ни секунды не сомневались в том, что будущее — за нами, что никакая двойная бухгалтерия уже невозможна".

Под влиянием очистительной весны середины 50-х — середины 60-х годов сформировалось целое поколение, которое пронесло свои демократические идеалы юности через годы застоя. Это были люди, родившиеся в конце 20-х, в 30-е годы, хорошо знавшие горе и голод 40-х, воспринявшие борьбу с культом личности как начало общественного возрождения. Показательно, что они играют сегодня самую активную роль в перестройке, являются ее глашатаями и поборниками.

Как сегодня можно отнестись, имея за собой опыт XX съезда, неудавшихся после него экономических и политических реформ, период так называемого "застоя", к словам Ильи Эренбурга о том, что легче переменить политику, экономику, чем человеческое сознание? Прав или не прав был много повидавший на своем веку писатель? Чего больше, оптимизма или пессимизма, в таком мнении?

Проблема перемен в советском обществе, по существу, уперлась в человеческое сознание. Оказалось, что коренные перемены в экономике, в партийных и государственных структурах нельзя произвести волевыми актами, как пытался это сделать Хрущев, если им противодействует бюрократизированный и догматически мыслящий аппарат и если невозможно опереться на достаточно развитое общественное сознание широких слоев населения. Проведение реформ административными методами осуществлялось в условиях сохранения авторитарности в руководстве страной и партией, но без должного авторитета руководителей.

ГЛУБИНЫ И РИФЫ ДЕМОКРАТИИ

У великого Данте в его "Божественной комедии" есть место, где говорится: "Но столь велики тяготы труда и так для смертных плеч тяжка натуга, что им подчас и прогнать — нет стыда. Морской простор не для худого струга — тот, что отважным кораблем вспенен, не для пловца, чья мысль полна испуга".

Думается, что этот поэтический образ может быть применен к личности Никиты Хрущева. Разумеется, в период своего лидерства Хрущев был героем публикаций, как и полагалось тогда, безудержно-апологетических. В этом можно убедиться, заглянув в публицистически-завлекательно написанную книгу "Лицом к лицу с Америкой" — о поездке Хрущева в США. Будучи в результате собственных ошибок и сопротивления бюрократических слоев партийного и государственного аппарата лишенным поста лидера, более того, оказавшись на пенсии, Никита Хрущев лишь некоторое время еще занимал умы населения. За его политической и социальной смертью последовала физическая, а затем пришло время

(и здесь не обошлось без усилий со стороны пропагандистского механизма) фактического забвения этой неординарной личности. В памяти последующих поколений ее облик все более размывался. Правда, напоминанием о нем служил одно время экстравагантный на первый взгляд, но в целом весьма символический надгробный памятник Хрущеву работы Эрнста Неизвестного на Новодевичьем кладбище. Затем и доступ на кладбище стал очень ограничен.

На Западе же публицисты и политологи о Хрущеве время от времени продолжают писать. Среди публикаций о нем были и достаточно солидные и интересные, но были и откровенно спекулятивные. Советолог Абдурахман Авторханов в книге "Загадка смерти Сталина (заговор Берии)" пишет, что сталинские преемники, выдвигая Хрущева, считали его "мужиком", "недотепой", он же "оказался величайшим сфинксом". А затем "десять лет правил великим государством с репутацией "Иванушки-дурачка", но с головой гениального мужика". В этих рассуждениях — лесть и верное наблюдение, упрощение и преувеличение.

За грубоватой рабоче-крестьянской, простецкой внешностью Никиты Хрущева скрывалось довольно сложное содержание. В 1946 году писатель Александр Фадеев после встречи с Хрущевым делает такую запись в дневнике: "Его обаяние в целности народного характера. Ум его тоже народный — широкий и практический и полный юмора. Все это необыкновенно гармонирует с его внешним обликом. И хотя он русский, трудно было бы найти другого такого руководителя для Украины". Тогда Хрущеву было 52 года. Родившийся в селе Калиновка Курской губернии, он рано начал трудовую жизнь и с 14 лет уже работал на заводах и шахтах Донбасса. О своей рабочей молодости и слесарном ремесле он часто и, кажется, не без удовольствия вспоминал. В 1918 году Хрущев вступает в партию большевиков, участвует в гражданской войне, а после ее окончания находится на хозяйственной и партийной работе. Избирается от Украины делегатом XIV и XV съездов ВКП(б). С 1929 года он учится в Промышленной академии в Москве и выдвигается на руководящую партийную работу. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 году Хрущев становится членом ЦК и с 1935 года возглавляет в качестве первого секретаря Московскую городскую и областную партийные ор-

ганизации. Почти десять лет, с 1938-го по 1949 год, с небольшим перерывом в 1947 году, Хрущев первый секретарь ЦК КП Украины, а с 1939 года — член Политбюро ЦК.

В годы Великой Отечественной войны он был членом Военных советов юго-западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов. Окончил войну в звании генерал-лейтенанта. В 1976 году Константин Симонов, находясь в одной больнице с маршалом Александром Василевским, записал данную маршалом характеристику Хрущева: "Хрущев был человеком энергичным, смелым, постоянно был в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видаться и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили".

В личной жизни Хрущев, как и большинство крупных партийных деятелей того поколения, был скромным. К роскоши равнодушен. Отличался общительностью, разговорчивостью, проявлял интерес к людям. Однако ему были свойственны упрямство и апломб. Возражений или несогласия он не любил. Его зять, Алексей Аджубей, вспоминает, как сын и дочь Хрущева завязали с ним спор, пытаясь ходатайствовать за ученых-генетиков. Противостояние и дерзость молодых вывели Хрущева из равновесия, и им пришлось уехать с дачи в угнетенном состоянии.

Формирование личности будущего Первого секретаря, таким образом, приходится на бурные 20-е годы, а ступенчатое его как политического деятеля на сталинские, 30-е. И то и другое десятилетие оставили на нем свою печать.

Хрущев принадлежал к поколению, рожденному Октябрем. Октябрь открыл юному слесарю, как и многим другим рабочим и крестьянским сынам, путь в жизнь, наполненную высоким смыслом — строить новое, невиданное на земле, социалистическое общество. Гражданская война и 20-е годы были его политической школой. Они отшлифовали его природный ум, приучили к самостоятельности и смелости решений, воспитали его как агитатора и организатора. 30-е и 40-е годы учили иному: с одной стороны, масштабности, умению управлять людьми и делами, пользоваться властью; с другой — преклоняться перед властью вышестоящих, маневриро-

вать, устранять опасность, скрывая свое истинное лицо, свои истинные мысли и чувства.

Смерть Сталина освободила его, как и других членов Политбюро, от страха за свою жизнь. Наступал новый этап в жизни советского общества, начался новый этап и в жизни Никиты Хрущева. Предстояла борьба за высшую власть, из которой ему суждено было выйти победителем. Теперь начиналось его, Хрущева, "великое десятилетие".

Хрущев обладал несомненным личным мужеством. Он был организатором ареста Берии. Сумев принять такое решение, привлек на свою сторону других членов Президиума, убедил Маленкова в необходимости проведения антибериевской акции. "...Хрущев, — пишет Константин Симонов, — был инициатором этой поимки с полным, потому что он оказался проникательнее, талантливее, энергичнее и решительнее, чем все остальные. А с другой стороны, этому способствовало то, что Берия недооценил Хрущева, его качеств, его глубокой природной, чисто мужицкой, цепкой хитрости, его здравого смысла, да и силы его характера, и, наоборот, считал его тем круглорожим сиволапым дурачком, которого ему, Берии, мастеру интриги, проще простого удастся обвести вокруг пальца".

Через полгода после смерти Сталина, в сентябре 1953 года, Хрущев становится Первым секретарем ЦК КПСС. В феврале 1955 года на посту Председателя Совета Министров СССР Маленкова сменяет Булганин. Хрущев утверждается в роли лидера.

За десятилетие — до октября 1964 года — Хрущев, будучи Первым секретарем ЦК КПСС, а с 1958 года и Председателем Совета Министров СССР, проводил преобразования, охватившие различные стороны жизни советского общества. Эти преобразования характеризовались в народном хозяйстве попытками перехода от сугубо административных к экономическим методам управления, от принуждения — к учету материальных интересов труженика, от жесткой централизации по отраслям — к организации хозяйственной жизни прежде всего по территориальному принципу. В социальной сфере было сделано довольно много для улучшения народного благосостояния: принципиально изменилась жизнь колхозников, широко развернулось строительство жилых домов, повысились размеры минимальных пенсий. При

Хрущеве был нанесен первый удар по административно-бюрократической системе, которая зашаталась, но не стояла.

На съездах партии и пленумах ЦК обсуждались такие вопросы, как повышение самостоятельности, роли и значения Советов, соблюдение законности, восстановление демократических норм внутривластной жизни, передача все большего числа государственных функций общественным организациям, социализм и свобода личности. Эти и другие вопросы демократического развития были поставлены как практические задачи, требующие своего разрешения. На XXII съезде КПСС было сказано, что пролетарская демократия превращается во всенародную социалистическую демократию. В Отчетном докладе Первого секретаря ЦК КПСС на этом съезде был сформулирован главный ориентир: "Из всех ценностей, созданных социалистическим строем, самой великой ценностью является новый человек".

Хрущев как тип политического деятеля был прямой противоположностью Сталину. Сталин — это личность, ориентированная на идею как бы вне человека, на идею, абстрагированную от реальной человеческой жизни. И какой бы гуманистической ни была сама идея, она, воплощаясь в личности Сталина, в его деяниях, превращалась по отношению к конкретным людям, группам людей, в конечном счете ко всему народу в свою противоположность. Прямо так и напрашивается афоризм немецкого философа Иосифа Дицгена о том, что всякая истина, доведенная до предельной крайности, превращается в свою противоположность — в абсурд. Сталин сам себя сформировал как сверхчеловека. Не случайно он и говорил о себе в третьем лице: товарищ Сталин. А сверхчеловеческое — это уже не человеческое.

Хрущев, как и Сталин, тоже бывал капризен. Капризен, как почти все, кому доставалась слишком большая власть над людьми. Но в своей сущности он был человек и располагал — при многих личных недостатках — именно этой человеческой сущностью. Он не считал каждое свое слово богоданным, не взвешивал его, как драгоценность, прежде чем выпустить "в люди". Хрущев был излишне многословен и, говоря прямо, иногда попросту болтлив. Доброжелательность, приземленность качели Хрущева, в отличие от Сталина, в глазах многочисленных людей слишком обыкновенным человеком.

Одной из черт Хрущева, как нам кажется, было свойственное ему "легковерие", склонность судить о людях и вопросах быстро, на основании непроанализированных впечатлений, "поддаваться" на обещания и заверения. Это в первую очередь сказывалось в подборе кадров. Полемизируя с литературным критиком Ю. Буртиным в связи с его статьей "Вам, из другого поколения..." (Октябрь. 1987. № 8), посвященной поэме А. Твардовского "По праву памяти", его сталинистский оппонент из "читательской почты" справедливо отметил, что "команда Брежнева" сформировалась при Хрущеве. "Вы противопоставляете, — писал этот оппонент И. Петров, — 1956—64 и 64—82 гг., но это звенья одной цепи. Когда Ш.Р. Рашидов возглавил Узбекистан? В 1959 г. Когда он вовсе развернулся? В 70-е гг. Когда И.И. Бодюль возглавил Молдавию? В 1961 г. На какое время пришлось самые "красочные" годы его руководства? На 70-е гг. Когда руководителем Киргизии стал Усубалиев? При Хрущеве и позже много лет работал. Говорят, что любая эпоха выдвигает своих героев. Финал общественной деятельности героев эпохи Хрущева говорит сам за себя" (Октябрь. 1987. № 12). Оставляя пока для дальнейшего разговора сопоставление двух очень разных "эпох", хрущевской и брежневской, нельзя не признать, что в горьких упреках "сталиниста", автора цитируемого письма, назвавшего трех первых секретарей ЦК компартий союзных республик, которые довели эти республики, используя выражение, появившееся на страницах комсомольского журнала "Собеседник", до состояния социальной "аварии", есть своя горькая правда.

После июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, видимо, имелась возможность пополнить Президиум ЦК способными кадрами, выступающими за реформы за обновление общественной жизни. Но кто туда был избран из поколения, вступившего в партию в 30-е годы? В.В. Гришин, А.П. Кириленко, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский — руководители, не оставившие достойного следа в памяти народной. Ленинградский писатель Михаил Глинка, ставя в письме, опубликованном в журнале "Огонек" (1988. № 11), вопрос о необходимости широкой информации общественности о личностях руководителей партии и государства, обращается к фигуре Николая Подгорного. "Мне пятьдесят лет, — пишет он, — я читал и читаю газеты, интересовался и интересуюсь

происходящим, но ничего о Н.В. Подгорном, кроме факта, совершенно не мотивированного для меня, простого гражданина, назначения его на президентский пост в 1990 году, да совершенно будничного, в рабочем, как теперь говорят, порядке снятия с него в 1977-м, я не помню. Один штрих все же припоминаю — это был журнал почетных посетителей на одной из подводных лодок Северного флота. Там была такая запись: "Посетил боевой корабль. Оставил большое впечатление. Н. Подгорный". Почему же мы не спросим себя: за что, за какие выдающиеся деловые и личные качества человек стал президентом нашей огромной, великой страны и двенадцать лет им оставался? Впрочем, вопрос этот теперь чисто риторический, и ответа на него ни мне, ни, вероятно, уже никому другому не требуется". Что ж, здесь со всем, пожалуй, можно согласиться, кроме одного: сегодня вопрос "кто есть кто и почему он им стал?", "почему некто может стать тем-то?", "кого выбирают и кого назначают?" волнуют уже миллионы, и они, миллионы, хотят знать ответы на эти вопросы и иметь свое суждение о них.

В результате "кадровой слепоты" Первого секретаря флагоманский корабль оказался укомплектованным людьми, не имевшими не только своего политического, но даже и выраженного индивидуального лица.

Недостаточно критическое отношение к "выдвиженцам" сочеталось с недостаточно критическим отношением к "информации", поступающей от окружения. Сейчас известно, что и в случае с Пастернаком, и в отношении к художникам, и в случае осуждения Зощенко за его встречу с английскими студентами решающую роль сыграла предварявшая конфликтные события информация. Илья Эренбург рассказывает о встрече с Н.С. Хрущевым, воспользовавшись которой он пытался объяснить позицию Михаила Зощенко и ситуацию, в которой оказался писатель. Сравнительно недавно эта история 1954 года стала широко известна благодаря опубликованной в журнале "Огонек" статье Даниила Гранина "Мимолетное явление" (1988. № 6). В ней описано собрание Ленинградской писательской организации, созданное для вторичного, после 1946 года, осуждения Зощенко. На этот раз "осуждающие силы" привела в движение отрицательная оценка доклада Жданова, в котором тот в 1946 году обвинил Зощенко в аполитичности, пасквильничестве и

советскую действительность, чуждой социализму идеологической направленности его творчества. Отвечая на заданный английскими студентами вопрос о его личном отношении к докладу Жданова, Зошенко сказал, что он был назван в докладе "подонком", и если бы это считал правильным, то не смог бы прожить и одного дня. Все это было воспринято официозом как "покушение" на партийную оценку и попытку апеллировать к зарубежному общественному мнению.

Но вернемся к разговору Эренбурга с Хрущевым. Попытка Эренбурга защитить Зошенко окончилась неудачей, и в своих воспоминаниях он с горечью замечает: "Я ушел с горьким привкусом: намерения у него (Хрущева. — *Авт.*) хорошие, но все зависит от "информации" — кого он слушает и кому верит" (Огонек. 1987. № 23).

Известно, что у Хрущева были весьма непростые отношения с творческим миром, художественной интеллигенцией. Сказывались недостаток образования, культуры, да и необузданность характера. Андрей Вознесенский вспоминал, как он топал ногами у себя на даче на тоненькую Маргариту Алигер. Вознесенский показал фотографию, где он — на трибуне, а над ним — с нависшим кулаком — Никита Хрущев. Мы верили Хрущеву, говорил поэт, а он кричал: господин Вознесенский. Его накрутили, настроили.

Так же накручивали мало смыслящего в новаторской живописи Хрущева против Эрнста Неизвестного и других художников-авангардистов. А после отставки Хрущев встречался с некоторыми из них. Высказывал сожаление, что вел себя некорректно и недостойно руководителя. Ходили слухи, уже после смерти Хрущева, что якобы он несколько раз досадовал: "Не жалею ни о чем, что сделал! Жалею лишь, что не успел реабилитировать Бухарина и Рыкова". Слова эти передавались под секретом. Недавно были опубликованы воспоминания актера Михаила Козакова, работавшего в театре "Современник". Когда на спектакль "Большевики" М. Шатрова пришел Хрущев, уже пенсионер, драматург спросил: "Ну, как Вам спектакль, Никита Сергеевич?" — "Интересно, интересно, товарищ автор. Только вот у вас там упоминаются Бухарин и Рыков... Вы их не очерняйте... Это были хорошие люди... Надо было их реабилитировать. Но вот не вышло".

В октябре 1961 года состоялся XXII съезд КПСС. Он

проходил в мажорной тональности. Выступая с отчетным докладом ЦК, Хрущев говорил: "Советская Родина вступила в период развернутого строительства коммунизма по всему широкому фронту великих работ. Экономика и культура Советского Союза находятся на высоком подъеме... Творческие силы народных масс по всей стране бьют тысячами живых родников". На съезде была принята новая, третья Программа партии, целью которой провозглашалось строительство коммунизма. Исторические рамки Программы были определены в 20 лет. За это время страна должна была добиться самого высокого жизненного уровня населения по сравнению с любой другой капиталистической страной. Ставились задачи создания изобилия продуктов питания, удовлетворения потребности всех слоев населения в высококачественных товарах, обеспечения каждой семьи отдельной благоустроенной квартирой.

Это была действительно Программа, достойная социалистического общества, реально отражающая его глубинную сущность и его гуманистическую направленность. Важной частью Программы была задача всестороннего развертывания и совершенствования социалистической демократии. Речь шла о расширении роли и прав местных Советов депутатов трудящихся, о систематическом обновлении состава руководящих органов, о широком участии в управлении общественных организаций и объединений, о постоянном государственном и общественном контроле, о всемерном развитии свободы личности и прав советских граждан.

Имелись ли основания для такого исторического оптимизма, который был отражен в Программе? Известные основания, полагаем, имелись. В результате ряда социально-экономических реформ, проводимых с конца 1953 года, с сентябрьского Пленума ЦК КПСС, посвященного мерам по дальнейшему развитию сельского хозяйства, наблюдался быстрый рост промышленного и сельскохозяйственного производства. СССР стал производить почти пятую часть мировой промышленной продукции. В 1957 году был запущен в космос первый искусственный спутник Земли. В апреле 1961 года на околоземную орбиту был выведен корабль "Восток" с первым космонавтом Юрием Гагариным на борту. Советский Союз открыл для человечества космическую эру. С конца 50-х годов развернулось движение коллективов и ударни-

ков коммунистического труда. Комсомольская молодежь с энтузиазмом откликнулась на призыв участвовать в освоении целинных земель. Налицо был общественный подъем, напоминавший многим какими-то своими сторонами годы первых пятилеток.

После XX съезда партии Хрущеву, похоже, стало казаться, что стране, как и в двадцатые годы, предстоит осуществить рывок. Он, как, видимо, и другие члены Президиума, находясь в плену упрощенных представлений о коммунизме и к тому же недостаточно ощущая и понимая реальную действительность, решился на заманчивый и привлекательный призыв: объявить непосредственной, ближайшей задачей построение коммунистического общества в кратчайшие исторические сроки. Выступая на XXII съезде КПСС, Хрущев говорил о том, что "стихийное движение масс рождало утопические теории о будущем золотом веке", но представители утопического социализма были далеки от реальности, когда намечали пути осуществления своих идеалов. Обращение к утопическому социализму понадобилось для того, чтобы подчеркнуть реалистичность плана построения коммунистического общества в основном за два десятилетия — период ничтожно малый по всем историческим меркам.

Известный публицист и общественед Федор Бурлацкий рассказывает, что предложение включить в Программу КПСС цифровые материалы об экономическом развитии страны и ходе экономического соревнования на международной арене вызвало большие споры. Но на одном из заседаний рабочей группы комиссии выступил председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько с легкомысленным и ненаучным докладом. В нем выкладки о темпах развития экономики СССР и США были взяты, что называется, "с потолка". Дискуссия завершилась в привычном с конца 20-х годов духе: демонстрацией машинописного текста материалов, на которые опирался доклад Засядько, с резолюцией Хрущева: "Включить в Программу". И удивляться не приходится, если вспомнить такие самонадеянные заявления Первого секретаря из Отчетного доклада XXII съезду КПСС:

"Многие западные политические деятели иной раз говорят:

— В достижения вашей промышленности мы верим

но не понимаем, как вы выправите положение с сельским хозяйством.

Беседуя с ними, я говорил:

— Обождите, мы вам еще покажем кузькину мать и в производстве сельскохозяйственной продукции".

И что же... В 1962 году, следующем после принятия новой Программы партии, произошло повышение цен на мясо, мясные продукты, молоко. Наступает 1963 год — страна испытывает серьезные продовольственные трудности: выстраиваются очереди за молоком и хлебом. Начинается ввоз зерна из других стран. Сказывается многое: и обобществление находившегося в личном пользовании домашнего скота; и многократно осужденное, но выжившее планирование сельскохозяйственной продукции в духе "продразверстки"; и командно-административная система руководства колхозами и совхозами; и незаинтересованность работника в повышении доходов из-за товарного дефицита. Не все в этом продовольственном кризисе 1963 — 1964 годов ясно, так как одно из них пор не проанализирован экономистами и историками.

В октябре 1964 года Пленум ЦК КПСС освободил Хрущева от обязанностей Первого секретаря и члена Президиума. Решение о снятии было подготовлено в тот момент, когда Хрущев и Микоян находились на отдыхе, а член Президиума Козлов был болен. Все прошло без осложнений. Народ воспринял отставку недавно превозносимого в печати и с трибун лидера спокойно и даже с удовлетворением. Партийный аппарат — с еще большим удовлетворением. Создание совнархозов на местах, разделение обкомов и райкомов на промышленные и сельские, аппаратные перетряски, другие перманентные реформы, проводимые Н.С. Хрущевым, порождали чувство неуверенности и неопределенности. Не только партийный аппарат, но и довольно широкие круги членов партии и тем более населения не были готовы к производимым переменам, значительная часть людей, а может быть даже большая, не осознавала их необходимости. Идеологические стереотипы были еще очень сильны. Сталина для многих продолжало оставаться символом успехов и достижений социализма. Демократизация общества как важнейшее слагаемое результативности проведения социально-экономических реформ проходила медленно, с перекосами и отступлениями.

Мы долгое время обращали внимание только на волонтаристский характер экспериментов Хрущева. А о том, что в них, может быть, были и какие-то рациональные зерна, вопрос даже не ставили. А если его все-таки поставить? В этой связи весьма небезынтересными представляются рассуждения бывшего первого секретаря ЦК Компартии Украины, ныне персонального пенсионера, П.Е. Шелеста. Он хорошо знал Хрущева и ситуацию в партии тех лет и считает, что убирать Н.С. Хрущева с "капитанского мостика" методом "дворцового переворота" не было смысла. Хрущев, по мнению П. Шелеста, отчаянно искал рациональную структуру управления народным хозяйством, кроил и перекраивал ее вместе с организационной структурой партии и действительно не нашел на этом пути надежных решений. Но кто скажет, вполне резонно задает вопрос П. Шелест, что их удалось найти позднее. Мне думается, заключает он, и в этом опять можно с ним согласиться, что рядом с Хрущевым должна была действовать некая устойчивая "система противовесов", позволяющая предварительно обсуждать многие решения с достаточной степенью свободы мнений и гласностью. Такой системы, к сожалению, не существовало. И в этом, бесспорно, виновато и все хрущевское окружение, в том числе Петр Ефимович Шелест.

Отношение людей к Н.С. Хрущеву чаще всего или резко отрицательное, или сугубо положительное. Более двадцати лет никто не брался за объективную характеристику деятельности третьего по счету руководителя Коммунистической партии и Советского государства. Его и похоронили по-семейному, без официальных церемоний и соболезнований, на Новодевичьем кладбище. В воспоминаниях Брежнева места для Хрущева не нашлось. Словно и не было десяти с лишним лет истории страны и партии, связанных с именем Первого секретаря ЦК КПСС.

Н.С. Хрущева и его десятилетие вспоминают по-разному. Те, кого он освободил от ада острожной, лагерной и ссыльной жизни, те, кому он вернул доброе имя их родителей и родственников, безмерно ему благодарны, даже до сих пор отмечают день его рождения. Те, к кому сегодня вернулась вера в перемены, те, кто всю жизнь боролся за эти перемены, думают о второй половине 50-х — начале 60-х годов как о времени несбывшихся надежд и первых импульсов процесса движения за обновле-

ние общества. Для людей, сохранивших веру в догмы-установки 30 — 40-х годов. Хрущев — ненавистный ниспровергатель и разрушитель дорогих их сердцу идеалов. В обыденном сознании многих Хрущев — неавторитетный руководитель партии и государства, скомпрометировавший себя нескончаемой болтовней, обещаниями, всеобщим насаждением кукурузы, изъятием скота у колхозников, многими другими непродуманными мерами.

В № 31 "Московских новостей" за 1988 год под рубрикой "Не ставя точки..." помещена заметка доктора исторических наук Георгия Федорова "Как нам оценивать Хрущева?". Автор ее полемизирует с Юрием Левадой и Юрием Шейнисом, опубликовавшими в № 18 того же еженедельника статью "Размышления над страницами истории. 1953 — 1964: почему тогда не получилось". Оппонент двух ученых, выступивших с анализом хрущевских реформ, прав, на наш взгляд, в том, что не все реформы были последовательными, неполными, не доведенными до конца, нерезультативными. В частности, сельское население перестало быть "второсортным": именно с реформ Хрущева стал неуклонно возрастать его жизненный уровень, и крестьянин, живущий в добротном доме, в достатке, одевающийся по-городскому (а теперь уже и по последней моде), получивший паспорт (кого-то он, как "неполноценный" гражданин, не имел в сталинские времена), начал чувствовать себя таким же человеком, как и горожанин. Радикальными по своему характеру были и изменения в пенсионном обеспечении и жилищном строительстве. Ликвидацию партийных бессудных расправ, введение нового судебного законодательства и нового Уголовного кодекса можно в известном смысле рассматривать как определенный шаг в направлении правового государства. Но если брать всю реформаторскую деятельность Н.С. Хрущева в целом, то в ее оценке как непоследовательной и неудавшейся можно присоединиться к Леваде и Шейнису.

Особенно важное значение имела деятельность Н.С. Хрущева по восстановлению социалистической законности, ибо "беззаконие, — как писал в отзыве на статью Ю. Буртина читатель журнала "Октябрь" (1987, № 12) Е. Климов, — в государственном масштабе не только грозит каждому гражданину репрессиями, но и развращает души, приучает их ко лжи, приспособленчеству, ко всяким неправым делам, расшатывает сам госу-

дарственный строй". В то же время самой крупной ошибкой Хрущева было недопонимание им значения демократии в широком смысле этого слова. Необходимость структурных политических реформ, внутрипартийной демократии, плюрализма мнений, гласности не была осознана "реформатором", не избавившимся от сталинских идеологических шор. По признанию Алексея Аджубея, Хрущев боялся, что "иная оттепель может обернуться катастрофическим паводком". "На его мироощущение, — пишет Аджубей в мемуарах "Те десять лет", — явно давил внутренний цензор, заставлявший проверять себя: не слишком ли отпущены вожжи, не наступил ли тот самый грозный паводок?" Уже будучи на пенсии, осмысливая свою деятельность, Хрущев как-то в ответ на рассуждения Аджубея об опасности показного единодушия и единогласия в государственных и общественных делах сказал: "Партия у нас старая, многое в ней сложилось накрепко, не сдвинешь..."

В приведенных выше словах Хрущева, как нам кажется, прорисовывается то отождествление партии с партийным аппаратом, которое не позволило ему увидеть потенциальные возможности, открывающиеся с развитием внутрипартийной демократии. Отсюда вместо переориентации внутрипартийной жизни волюнтаристские планы реорганизации партийного аппарата, разделение партийных руководящих органов на промышленные и сельскохозяйственные.

В общественной памяти имя Хрущева оказалось накрепко связанным с кукурузной эпопеей, с безудержным воспеванием кукурузы и попытками ее бездумного распространения повсюду без учета климатических условий. Но и здесь, в "кукурузном вопросе", переусердствовал не столько сам Хрущев, сколько партийный аппарат, готовый насаждать что угодно и где угодно, лишь бы было приказано сверху. Вспоминается, как в конце 40-х годов на Южном берегу Крыма во всех санаториях и домах отдыха, совхозах и колхозах рыли траншеи для выращивания лимонов. Рыли только потому, что Сталин как-то обмолвился, отдыхая в Ливадии, что вот, дескать, и в Крыму можно выращивать цитрусовые. Этого мимолистного замечания Сталина было достаточно для организации очередной безумной и бездумной кампании, которая через несколько лет провалилась вместе с гибелью сотен и сотен "траншейных пленников".

Но предоставим слово по "кукурузному вопросу" читателям журнала "Октябрь" (1988. № 5), принявшим участие в дискуссии по статье Ю. Буртина "Вам, из другого поколения...". Как пишет ветеран войны и труда В.А. Денисов из деревни Луговая Вирня Гомельской области, "самое крупное "злодейство" сталинцы предъявляют Н.С. Хрущеву за кукурузу. Ай, ай! Какое преступление! Легче Сталину простить миллионы загубленных лучших людей Отечества, уничтожение деревни, чем Н.С. Хрущеву кукурузу". Обращаясь к И. Перову, автору апологетического отзыва о Сталине (Октябрь. 1987. № 12), киевлянка И.М. Шитова заканчивает свое письмо словами: "И не так уж Хрущев смешон, как вам кажется. Кукурузное поле лучше кладбища".

Сам Хрущев, говоря словами поэта Вознесенского, "постоянно подавлял в себе сталиниста". Сталинизм то и дело прорывался через облик прогрессивного реформатора. Показательно (о чем речь шла в одном из читательских отзывов на публикацию Вознесенского в газете "Советская культура" 21 июля 1988 г.), что, выступая по телевидению, Хрущев, оторвавшись от текста, произнес: "Дай бог, чтобы каждый был таким стойким коммунистом, каким был Сталин". В публикации же это высказывание уже звучало по-другому: "Как преданный Ленинист-марксист и стойкий революционер, Сталин займет видное место в истории". В целом Сталин не был приемлем для Хрущева, но в чем-то он им продолжал восхищаться.

Андрей Вознесенский признается, что он долго не мог уразуметь, как в одном человеке сочетается, казалось бы, несовместимое: мощный замах преобразований и добрые надежды 60-х годов, тормоза старого мышления и купеческое самодурство. Добавим к этому: нетерпение и нетерпимость. Во всяком нетерпении живет надежда на чудо: на кукурузу или химию, на "догнать и перегнать"...

Парадоксы Хрущева — это парадоксы соединения в одном человеке недюжинной энергии, инициативы, настойчивости, эгоцентризма, порой и невежества. Он тоже прошел эволюцию на посту руководителя — "розовел, кристалл, чернел". Выступил против генетики, попытался приблизить Лысенко... Были и при нем гонения на творческую мысль. Волюнтаристские шараханья из стороны в сторону.

Будучи сам продуктом определенной эпохи, социаль-

ной и политической среды, Хрущев хотел преодолеть ее законы, разрушить ее во многом теми же методами. Сломать бюрократию, действуя бюрократически. Развенчать культ личности Сталина, не отказываясь от создания собственного культа, хотя и без репрессий, но тоже достаточно авторитарного.

Хрущев так и "не прорвался" к народу, хотя и пытался: ездил на предприятия, выступал перед рабочими, встречался с интеллигенцией. Он оказался заложником того аппарата, той административной машины, которая перемалывает или выталкивает все новое, не вписывающееся в отработанную систему инструктивного и регламентированного течения жизни. Возможно, он думал, что поднялся над Системой, но в действительности она его крепко держала за ноги.

Когда-то Илья Эренбург рассказал Юрию Нагибину примечательную историю. Одно время Эренбург вел упорную борьбу против редакции, которая никак не решалась печатать ту часть его мемуаров, в которой речь шла о еще сомнительном тогда поэте Мандельштаме. Истый перестраховщик, редактор, возводя глаза вверх, к то поднебесье, где обитают вышестоящие инстанции, говорил: "Илья Григорьевич, что вы хотите — мы-то с вами умные люди, но там нас не поймут!" Наконец Эренбург со своим вопросом добрался до Первого секретаря, и Хрущев сказал, указывая вниз: "Илья Григорьевич, с чем вы говорите, мы с вами умные люди, но там же ничего не поймут!" Да, с могущественной Системой, ее образом мыслей должен был считаться и Первый секретарь. А когда он попытался что-то сломать в этой Системе, она сдернула его с пьедестала.

Сейчас уже, наверное, все больше становится людей, которых не надо убеждать в том, что фигура Хрущева — фигура крупной, незаурядной личности, чрезвычайно противоречивой, в полной мере несшей на себе черты своей эпохи, своей социальной среды. Нам не импонирует высказывание профессора Юрия Афанасьева о том, что со Сталиным нельзя расправиться по-хрущевски. Хрущев, дескать, ограничился чисто "языческим" жестом, вынес тело Сталина из Мавзолея.

Хрущев сделал много для разоблачения культа личности Сталина, сделал то, что шло гораздо дальше личной силы и слабости. Начался длительный процесс сс своей внутренней объективной логикой. Наверное, не

будь Хрущева, это позже сделал бы кто-либо другой. Произошел глубинный сдвиг в общественном сознании на всех его уровнях: историческом, идеологическом, социально-психологическом, нравственном. Поколение, возвращенное 56-м годом, не случайно лидирует сегодня в борьбе за перестройку.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Слово "альтернатива" стало очень популярным в политической лексике последних лет. Оно означает выбор (возможность выбора) одного из двух или нескольких вариантов решения. Мы говорим "нет альтернативы миру", подразумевая неизбежность уничтожения человеческой цивилизации в результате ядерной войны. Мы говорим "нет альтернативы перестройке", имея в виду бесперспективность и гибельность для страны консервации "постсталинских", "брежневских" структур. Но, размышляя о многовариантности современного мира, неизбежно обращаешься к историческому опыту поисков вариантов общественного развития. И знаменательно, что книга члена-корреспондента Академии наук СССР Павла Волобуева, вышедшая в 1987 году, называется "Выбор путей общественного развития: теория, история, современность".

Исторический процесс, преломляясь сквозь призму социальной психологии и обыденного сознания, предстает подчас в своих крайних формах как ряд гротескных образов, символизирующих вехи прошлого пути. Вспомним образ руки с трубкой на картинах Петра Белова: с бестрепетной, неумолимой жесткостью она направляет толпы то в пустую папиросную коробку "Беломорканала", то на немецкие танки. Вот созданный Эрнстом Неизвестным памятник Хрущеву на Новодевичьем кладбище: бронзовая голова на бело-черном мраморе. Символ противоречивости его поступков. А может быть, и своеволия? Недавно на одной из выставок промелькнул плакат-гротеск — фактурный мундир с многочисленными регалиями. Только мундир сам по себе. Без головы. Легко узнается. Вполне можно представить портрет человека-манекена, вручающего партийный билет В.М. Молотову... И первый порыв души: прикрыть глаза, оттолкнуть от себя эти призраки!

Может быть, все это и зло. Но действительно подступает к горлу комок обиды, когда думаешь об исторических судьбах Родины. Почему же все так получилось? Какие уроки необходимо извлечь?

Вот и встала проблема выбора в центр общественно-го сознания. Она постепенно сформировалась в потоке информации о забытых исторических личностях, в появлении художественных образов людей, вставших на пути "машины смерти", биологической и духовной. Проблема постепенно выходит на уровень теории. На ее решение направляется весь арсенал нашего социального познания.

В советской исторической науке и учебной практике довольно часто встречалось упрощенно-прямолинейное представление об историческом процессе как прогрессе, определяемом только развитием производительных сил. Согласно таким представлениям прогрессивная социально-экономическая тенденция, коль она уже проявилась в обществе, обязательно должна одержать победу. Не будем приводить примеры из истории, опровергающие это утверждение. Подумав, каждый найдет их сам. Историю надо понимать по-марксистски как деятельность людей, преследующих свои цели — классовые, национальные, государственные, групповые, личные, которые в чем-то могут совпадать, а в чем-то не совпадать. Классы, социальные группы, политические партии, личности видят какие-то возможности для реализации своих целей. Возможности разные, но пока только возможности, а не результат. Последний определится в столкновении противоборствующих социальных и личных интересов. И этот результат политической борьбы чаще всего в каждой данной исторической ситуации не предопределен заранее.

В работе первого российского марксиста Георгия Плеханова "К вопросу о роли личности в истории" отнюдь не потерявшей и сегодня своей значимости, говорится о некотором оптическом обмане, жертвами которого мы делаемся, абсолютизируя деятельность этих личностей. Выступив в роли "хорошей шпаги", спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов. Иные из них может быть, сыграли бы ее почти так же талантливо, как и он. То, о чем говорит Плеханов, казалось бы, ясно и очевидно. Читая подряд книги Е.В. Тарле и А.З. Манфреда о Наполеоне, можно представить себе более конкрет-

но, какие именно качества "шпаги" Наполеона позволили ему выбить клинки из рук соперников, обресть их на безвестность, изгнание.

И естествен вопрос: "А была ли у нас "хорошая антишпага"? Другими словами, была ли сила, противостоящая становлению культа личности?

Сама возможность обсуждения несостоявшихся альтернатив происшедшим событиям вызывает бурные протесты в "цехе ученых". Даже очень хорошие специалисты возмущены "фантазерством" на исторические темы.

Оставим создаваемое фантазией писателям и художникам. Поговорим о научном подходе к проблеме выбора. Вот, к примеру, историк Н.А. Рабкина оспаривает допустимость изучения последствий победы восстания 14 декабря 1825 года в случае его успеха. Такая гипотеза рассматривается учеными И.К. Пантиным, Е.Г. Плимаком и В.Г. Хоросом в книге "Революционная традиция в России". Н.А. Рабкина добросовестно воспроизводит их позицию: "Историк обязан учить не только совершившиеся события, но и их возможные варианты — в "сослагательном наклонении"... Ведь если историк обречен на то, чтобы лишь описывать случившееся и, так сказать, задним числом подыскивать ему детерминирующие причины, то он теряет почву для научного анализа и переходит на позиции пассивного регистратора событий, если не их апологета".

Н.А. Рабкина противопоставляет им свои аргументы: "Рассуждать о прошлом "в сослагательном наклонении" никому не запрещено, но, простите, это будет все-таки не история декабризма, а то, что потом отнесут к истории мысли сегодняшнего дня". Но разве бывает исследование прошлого, отгороженное от "сегодняшнего дня", в котором написана каждая его строка? Историк субъективно может считать себя независимым от "моды", "житейских страстей". Но у него всегда есть его собственная позиция, обусловленная "сегодняшним днем", тем днем, когда он мыслит. Все, кто изучал программы декабристов или народников, проекты Сперанского, политику Столыпина, в определенном смысле исследовали несостоявшиеся альтернативы, подобно герою Мольера, который не знал, что он говорит прозой.

Скорее всего, прав В.П. Данилов: "История... требует от историка анализа и оценки не только состоявшегося варианта, но и других реально намечавшихся, хотя и не

осуществившихся, вариантов. Иначе он оказался бы вынужденным автоматически одобрять все, что совершилось, лишь потому, что оно совершилось. История приобрела бы какой-то мистический характер, а занятия ею вообще утратили бы смысл" (Горизонт. 1988. № 5).

В последние годы наметился перелом в изучении социально-политических альтернатив в предоктябрьский период истории России. Основные итоги проделанной работы заключаются в следующем. В начале XX века народные массы вступили в борьбу за новый, буржуазно-демократический путь развития страны. В ходе этой борьбы сложились три классово-политических лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и революционно-демократический. Соответственно определились три альтернативы: консервативная (или реакционная), выражавшая стремление сохранить прежние порядки; либеральная, идеалом которой являлись западноевропейские буржуазные государства, и революционно-демократическая. Однако политическая действительность была еще сложнее: в каждом из перечисленных лагерей также имелись противоборствующие тенденции, так сказать, "правое" и "левое" крыло, отличающиеся друг от друга в понимании средств для достижения цели. В правительственном лагере состояли как черносотенцы, так и консервативные реформаторы (председатели Совета министров в 1905 — 1906 гг. Витте и в 1906 — 1911 гг. Столыпин). Две тенденции либерально-буржуазного лагеря отражали партии октябристов ("Союз 17 октября" — сторонники царского Манифеста 17 октября 1905 года, деклариовавшего буржуазные политические свободы) и кадетов (конституционно-демократическая партия). И в РСДРП (меньшевики), и в партии эсеров имелись сильные реформистские течения. Это создавало возможности для блокирования правого крыла одного лагеря с левой фракцией другого. Так, в период спада первой российской революции и в годы реакции политику Столыпина поддерживали октябристы. После Февральской революции 1917 года меньшевики и эсеры поддерживали либерально-буржуазные партии. Большевики тогда же сделали решительный шаг к социалистической альтернативе.

Нам думается, можно было бы предложить такую типологию альтернативных вариантов социального развития, стоявших в начале XX века перед страной: консерва-

тивный, или реакционный; консервативно-реформистский; радикально-реформистский и победивший — революционный. Но, разумеется, не в любой исторический момент имеется полный набор всех альтернатив, ставших слагаемыми поступательного хода истории.

Мы видим, что обсуждение вопроса о выборе пути общественного развития относится не только к советскому периоду прошлого нашей Родины. Это — общеметодологическая проблема построения теоретической модели исторического процесса. Она предполагает выделение победившего и возможных, заложенных в действительности, вариантов социального движения. От силы сопротивления, устойчивости, способности к самообновлению несостоявшихся альтернатив зависела окончательная форма и стабильность победившего варианта.

Формируются и основные принципы построения такой модели. Академик И.Д. Ковальченко, рассматривая в монографии "Методы исторического исследования" проблему альтернативности в историческом процессе, обращает внимание на необходимость выделения реальных, существенных возможностей в путях общественного развития. В одной и той же многообразной исторической действительности наряду с реальными возможностями могут быть и формальные, не имеющие шансов на осуществление. Каждая возможность имеет свои хронологические пределы: реальные возможности становятся формальными, и, наоборот, одно снимается, а другое возникает. Итак, наука позволяет нам приступить к ответу на серьезный вопрос, выраженный в наивной форме: "А была ли у нас "антишпага"?"

Авторы, пишущие о недавнем прошлом, подходят к ответу на двух уровнях: личном и социальном. При первом подходе внимание сосредоточивается на индивидуальных характеристиках Ленина, Сталина, их сподвижников и политических противников. Второй подход обращен на социальные закономерности и процессы, обуславливающие "культ личности".

В первом подходе художник, на этот раз драматург, вновь обогнал профессиональных историков. Вспышки личностных конфликтов исторических деятелей, перенесенные пьесами Михаила Шатрова на сцены театров, привлекали и будут привлекать пристальное внимание. Только вот проблемы, поставленные в пьесах, средствами искусства решены до конца быть не могут. А профес-

сиональные историки к ним, по существу, только приступили. И все-таки первые итоги начавшегося восхождения к истине уже можно подвести.

Прежде всего, прояснилась судьба предложений В.И. Ленина о замене И.В. Сталина на посту Генерального секретаря ЦК. Оставим в стороне драматургическую ткань пьесы Шатрова "Дальше... дальше... дальше!". Литературоведческий анализ ее — не наша специальность. Но это художественное произведение допускает строго рационалистическое, логическое рассмотрение "следственной версии", выдвинутой автором. Более того, пьеса нацелена на диалог с читателем и зрителем. Она буквально требует ответа, сопереживания, соучастия. Откликнемся на этот призыв.

Из созданных авторским воображением диалогов героев спектакля — Ленина, Троцкого, Каменева — следует со всей очевидностью, что собеседники Ленина, исходя из эгоистических личных побуждений, скрыли его завещание от партии. Не все интонации здесь убеждают. Если взглянуть в старые кинохроники, то легко увидеть: и Троцкий, и Каменев тогда (в начале 20-х гг.) были еще молодыми (чуть больше 40 лет), сильными и властными людьми. Они вовсе не похожи на проштрафившихся школьников (как допускает прямой текст пьесы). Но смысл, нравственное содержание происшедшего раскрыты драматургом достоверно. И никто из критиков Михаила Шатрова (Правда. 1988. 15 февраля; Советская Россия. 1988. 28 января; Агитатор. 1988. № 5) не оспорил его трактовки данного сюжетного узла драмы.

Критик Лев Овруцкий откликнулся яркой репликой: "Справедливость требует отметить, что подкупающая простота тезиса, к которому приходит или из которого исходит М. Шатров, вполне укладывается в прокрустово ложе традиции, сложившейся в историко-партийной литературе. Вот-де была нарушена воля Ленина, отсюда все и началось. Убеждение в том, что нам славно бы шагало по пути демократического развития, кабы у Сталина отобрали пост генсека, приобрело, похоже, прочность предрассудка. Даже такой вдумчивый исследователь, как Д. Волкогонов, отдает ему дань" (Советская культура. 1988. 4 февраля). Авторы книги тоже разделяют "предрассудок", что такое своевременное перемещение могло многое изменить. Но идеи Овруцкого не расхожие, а "истина дороже" (вспомним древних!). Стоит подумать.

"Мысленный эксперимент", проделанный Михаилом Шатровым, нашел вскоре убедительное подтверждение в документальных публикациях, сделанных историками КПСС. В нашей книге уже шла речь о письме членов ЦК партии, фактически дезавуировавшем перед коммунистами завещание В.И. Ленина. Руководители партии после смерти ее создателя оказались морально не готовы к публикации суровых ленинских предостережений. В середине 20-х годов альтернатива (и в личностном аспекте, и в противостоянии единоличного руководства коллективному) не состоялась. Наука еще не готова к ответу на вопрос: в какой мере она тогда имела? Поэтому и скептицизм Льва Овруцкого ("как славно нам шагало бы по пути демократического развития") вполне оправдан. Но спор рецензента с автором идет о разных вещах. Историю замалчивания ленинского завещания надо осмыслить и пережить. Тут обоснован поиск Шатрова. А сложность обстановки в "верхах" позволяет понять реплику Овруцкого: "шагать" оказалось мучительно.

Внимательный читатель пьесы Шатрова — М. Золотоносов выявил в ней второй план — идею "только-только нами осваиваемую: коллективность исторической ответственности", ибо "феномен сталинизма" явился "делом именно коллективным... Необходимо было господство идеи единоличного лидерства, вытеснившей мысль о коллективном руководстве". М. Золотоносов находит в споре Сталина и Бухарина о нэпе перспективу исторической альтернативы, той самой, которой посвящена эта глава: "Все это имеет прямое отношение к делу сегодняшнему, к продолжающимся битвам "товарищеских" и "кавалеристов", о которых пишет А. Стреляный. В двадцать девятом переломном году еще можно было, вероятно, повернуть, предотвратить" (Октябрь. 1988. № 5). Итак, наметился переход от суждений и переживаний об индивидуальных качествах партийных лидеров, порою рода "демонологии" нашего времени к анализу становления и противостояния разнонаправленных социально-политических процессов и человеческих устремлений.

Мы видим, как М. Золотоносов в сдержанной, неподавленной форме противопоставил свою позицию Игорю Клямкину, автору статьи "Какая улица ведет к драме?" (Новый мир. 1987. № 11) и Дмитрию Волкогонову, автору статьи "Феномен Сталина" (Литературная га-

зета. 1987. 9 декабря). По его определению, "оба автора, обсудив вопрос, существовала ли альтернатива персонально Сталину и сталинскому варианту развития социализма, пришли к выводу: такой альтернативы не было".

Д. Волкогонов впоследствии уточнил свою позицию. Выступая на страницах журнала "Проблемы мира и социализма" (1988. № 3) и газеты "Книжное обозрение" (1988. № 33), он признал целесообразность изучения альтернативы Сталину.

М. Золотоносов оказался первым, но далеко не последним оппонентом И. Клямкина. Внимание многих привлекло следующее суждение Клямкина: "Ни у кого из политических деятелей того времени, стоящих на платформе нэпа, я убедительных ответов на все возникшие тогда "как?" и "за счет чего?" не нашел... Давайте пересядем и не постесняемся произнести вслух: победили тогда (в 1929 г. — *Авт.*) сильнейшие, и никто, кроме них, победить не мог, потому что другого "проекта застройки" нашей улицы, способного конкурировать с коллективизацией, в ту пору не было" (Новый мир. 1987. № 11). Разъясняя в последующем свою позицию, И. Клямкин писал: "...спор идет не только между сталинистами и их противниками, но и внутри антисталинского лагеря, а именно — между сторонниками исторического романтизма, неотделимого от идеологических и политических иллюзий, и исторического реализма, ищущего в себе силы для отречения от всех и всяких иллюзий".

Если кто-то считает, что в прошлом имел место не реализованный выбор более прогрессивного варианта намеченного в трудах Чаянова, Бухарина или кого-то еще, отброшенного злой и невежественной политической волей, то за этим скрывается мысль, что тот старый выбор нужно осуществить сегодня, а зависит это целиком и полностью от наличия доброй и просвещенной политической воли. По существу, при таком подходе у исследователя нет предмета для анализа — кроме разве что незаслуженно забытого наследия мыслителей прошлого. Тут властвует чувство, пафос разоблачения и реабилитации, жажда немедленного действия при наивном убеждении: преодолеть день вчерашний и прорваться в завтрашний можно посредством возрождения позавчерашнего.

Если же, наоборот, кто-то полагает, что в прошлом альтернативы не было, то ему, чтобы выяснить, есть ли

она сейчас, надо проделать более сложную работу. Ему предстоит не только искать в истории готовые решения и доводить их, сопровождая добротными комментариями, но сведения современников, сколько разобраться, почему эти решения оказались отброшенными, какие объективные препятствия оказались на пути более привлекательного варианта, предстоит проанализировать, сохранились ли эти препятствия до наших дней, изменились ли они, если изменились, то как и насколько. Пока же такого анализа нет (в нашем случае анализа причин крушения нэпа), то нет и не может быть и серьезного понимания проблем и перспектив перестройки" (Политическое образование. 1988. № 10).

Первая статья Клямкина стала предметом обсуждения за "круглым столом" журнала "Знание — сила" (1988. № 7). Большинство его участников отвергли концепцию статьи "Какая улица ведет к храму?". Приведем фрагменты из двух выступлений.

Философ Рената Гальцева: "Автор сумел совместить открывшиеся страшные истины с оправдывающим их детерминизмом и тем самым ввести дополнительную долю цинизма в историческое сознание... Впервые, может быть, в русской публицистике мы сталкиваемся с таким бестрепетным и одновременно лукавым примирением с действительностью... Задавшись моральным вопросом, хороша ли, правильна ли дорога, по которой движется русская история XX века, ведет ли она к храму, И. Клямкин подменяет его по ходу дела философским вопросом о ее неизбежности, которая в итоге получает неожиданное оправдание..."

Юрист Леонид Волков: "Не покажется ли парадоксальным, что тоталитарные и близкие к ним системы по-прежнему возникали именно в "крестьянских странах и именно в период ускоренной, догоняющей модернизации"? По его мнению, у И. Клямкина "все время присутствует идея чуть ли не вековечности "крестьянской" культуры и ее российской исключительности. Что-то вроде того, что "Запад есть Запад, Восток есть Восток". Необходимо трезво оценить субъективные и объективные стороны альтернативных проектов, выдвигавшихся на переломе двадцатых годов для решения проблем индустриального и аграрного развития страны... Нам нужно трезво и нелицеприятно продолжать поиск, укрепляя его источниковедческую и концептуальную базу, не

боясь различных трудностей и противоречий. Думаю, это — наш гражданский долг людей эпохи перестройки”.

Не принял концепцию И. Клямкина также историк Агдас Бурганов (Дружба народов. 1988. № 6). И его возвращает исторический фатализм предложенной застройки “улицы, ведущей к храму”.

Доктора философских наук Юрия Леваду все-таки беспокоят люди, задающие ему “некорректный вопрос”: “Знаете ли вы, как можно было поступить иначе?” (Знание — сила. 1988. № 7). Но с точки зрения обыденного сознания вопрос естественный, хоть и его нефилософская форма “некорректна” и наивна. Он отражает позицию рядового, уже уставшего душой гражданина, рядом с которым стоит романтик, донимавший нас вопросом об “антишпаге”. Тут полемического мастерства недостаточно. Наши ученые приступили к позитивному ответу на этот вопрос. Они не испугались упрека в “историческом романтизме”. В статьях Отто Лациса (Коммунист. 1987. № 18; Знамя. 1988. № 6), Виктора Данилова (Горизонт. 1988. № 5), Василия Селюнина (Новый мир. 1988. № 5) содержатся достаточно четкие контуры альтернативы “великому перелому” — отходу от нэпа, от экономических методов руководства обществом, переходу к созданию административной, командно-мобилизационной системы. Основной справочный материал, необходимый для понимания сути дела, находится в работах этих авторов.

При этом нельзя обойти проблему кризиса “классического нэпа”. То, что в 1927 — 1928 годах возникли кризисные явления, — сомнений нет. А вот были ли они вызваны бесперспективностью нэповского пути или недостаточной развитостью механизмов нэпа — это дискуссионный узел, развязать который можно будет только в ходе дальнейшего изучения конкретного исторического материала. Тогда мы узнаем — исчерпала ли себя действительно нэповская модель или по целому ряду причин ей не был создан “режим наибольшего благоприятствования”? Может быть, она так и не стала “классической”, если исходить из ленинской концепции построения социализма?

Альтернатива конца 20-х годов, по мнению ряда ученых и публицистов, заключалась:

на стратегическом уровне — в ленинской концепции построения социализма;

на уровне тактического обоснования — в резолюциях XIV и XV съездов партии, в работах руководителей партии и ученых, объявленных вскоре либо “правыми уклониками”, либо “контрреволюционными заговорщиками”;

на уровне технико-экономического решения — оба варианта первого пятилетнего плана, ибо последующие события подтвердили реалистичность его наметок.

Поиски альтернатив в нашем прошлом вовсе не означают попытки автоматически опрокинуть в “настоящее” какие-либо старые рецепты. Рецепты, предлагавшиеся некогда, всегда нуждаются в переоценке. Но главное — наша перестройка имеет истоки и социально-экономические, и идейные.

Проблема альтернатив требует дальнейшего теоретического осмысления. В нашем историческом сознании (как в научном, так и в обыденном) существуют четыре ответа в оценке “великого перелома”:

1. Путь был определен в своей основе верно, хотя осуществлялся с ошибками и даже с деформациями социализма.

2. Пройденный путь сопровождался многими бедствиями, но избежать его было невозможно (“концепция исторической ловушки”).

3. Нэповский вариант был предпочтительнее.

4. На рубеже 20 — 30-х годов никому не удалось найти никакой удовлетворительной альтернативы.

Как же выйти из этого клубка? В один “пакет” под именем “альтернатива” складываются связанные, но все же требующие самостоятельного рассмотрения проблемы. Их по меньшей мере три: 1) представление о социальном идеале будущего общества; 2) альтернативные подходы к построению социализма (как, какими методами его строить); 3) борьба за лидерство в партии.

В размышлениях о выборе пути и методах, достижениях и деформациях, наверное, следует конкретизировать проблему “пути”. С нашей точки зрения, она имеет три принципиальных аспекта. Первый — генеральный курс на социализм. Необходимость создать материально-техническую базу социализма, перевести на социалистические рельсы, сделать крупнотоварным сельское хозяйство не оставляет сомнений. Но была еще проблема другого уровня — выбора конкретных вариантов, связан-

ных с определенной исторической ситуацией и определенными методами реализации генеральной линии. И здесь ошибки и деформации нередко приобретали характер отхода от генерального пути. Судить, оценивать, анализировать ошибки и их причины, просчитывать возможные альтернативы мы не просто можем, но и обязаны.

Хотелось бы обратить внимание читателей на точку зрения (полностью разделяемую авторами книги), высказанную обществоведами из Университета дружбы народов им. П. Лумумбы А.Л. Ивановым и А.В. Купцовым (Литературная Россия. 1988. № 29). "Совершенно непонятен в устах марксиста, — пишут они в ответ на статью Побиска Кузнецова "Вопросы историку" (Правда. 1988. 25 июня), — тезис о том, что мы должны перестраивать деформированное общество, а не путь, идя по которому мы это общество построили. Конечно, путь пройден, его уже не повторить. Но как можно отделить одно от другого, как можно понять наше современное общество, если не знать, каким образом оно развивалось? Такая позиция ведет к исторической слепоте. Мы должны не только перестроить деформированное общество, но и переосмыслить путь, по которому к нему пришли, чтобы впредь на каждом этапе нас вела не воля "вождя", а демократический выбор из ряда обоснованных альтернатив".

В правящей большевистской партии возникали принципиальные разногласия о путях развития. Может ли победить в стране социализм, если идти к нему нэповским путем? Или на каком-то витке развития нэповский путь надо оборвать? Всегда ли крестьянство будет надежным союзником рабочего класса в строительстве социализма или его нужно будет сломить? И за всеми зигзагами и переплетениями идейной борьбы 20-х годов стоят эти проклятые вопросы. До поры до времени нэповский путь, основанный на союзе рабочего класса и крестьянства, на его развитии и укреплении, на экономических методах управления, на стремлении к созданию строя цивилизованных кооператоров, поддерживало большинство ЦК — Бухарин, Рыков, Сталин, Калинин, Дзержинский и другие. Оппозиция — сначала троцкистская, затем зиновьевская, а потом троцкистско-зиновьевская — терпела поражения. Но в 1928 — 1929 годах положение меняется. Сталин и его окружение отказывается от

нэповского пути, считая его резервы исчерпанными. Бухарин, Рыков, Томский сами оказываются уклонистами и оппозиционерами.

В серии опубликованных в журнале "Знание — сила" (1988. № 2, 3, 4, 5) статей под общим заглавием "Тридцатые — сороковые" Л. Гордон и Э. Клопов проанализировали как достижения, так и издержки индустриализации и коллективизации в том виде, в каком они были осуществлены в СССР. Они сопоставили реализованный вариант с той программой, которая предлагалась оппонентами Сталина. Сравнивая альтернативные варианты, Л. Гордон и Э. Клопов справедливо замечают, что сопоставление реального хода истории с гипотетическим, очевидно, всегда будет содержать элемент неопределенности. Но если невозможно вынести окончательное суждение о том, был ли перелом рубежа 20 — 30-х годов наилучшим решением, был ли тогда избран бесспорно оптимальный путь развития, то нельзя и исключить то, что сохранение преимущественно экономических форм управления привело бы к бурному подъему и позволило бы добиться результатов, не уступающих результатам форсированной индустриализации. Меньший промышленный потенциал работал бы с большей эффективностью, а сельское хозяйство и общественная жизнь не понесли бы столь значительных издержек. Мы ведь победили в войне, опираясь лишь на часть экономического потенциала, созданного за годы пятилеток.

При решении вопроса о судьбе той или иной альтернативы очень важно изучить, какие политические силы и как боролись за нее или против нее. Судьба нэповской альтернативы в 1928 — 1929 годах решалась без широкого обсуждения, главным образом в рамках ЦК. Бухарин, Рыков, Томский отстаивали прежний курс, обращаясь в ЦК с записками и заявлениями, используя угрозу отставки; их попытка апелляции к партийным массам была немедленно пресечена. В этих условиях все определяло, используем выражение В. Селюнина, на чью сторону останется аппарат власти, на какую чашу весов положит свой свинцовый тяжести груз. Отметим и тех, кто открыто противостоял этой "свинцовой тяжести" в свой последний час": члены Политбюро Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.Н. Томский, кандидат в члены Политбюро, секретарь Московского комитета ВКП(б) И.А. Угланов, члены ЦК Ф.Я. Угаров, В.В. Шмидт,

Е.Ф. Куликов, кандидат в члены ЦК М.Н. Рютин — член ЦКК Д.П. Розит.

Итак, безальтернативного исторического процесса (развития), на наш взгляд, не бывает. Но альтернативность не постоянная, а переменная величина. Говоримыми словами, не всегда у нас есть выбор, и не всегда у нас есть богатый выбор. В истории стран, партий, правительств, государственных деятелей время от времени (особенно на поворотах, переломах, зигзагах истории) возникают ситуации альтернатив. Но само поле альтернатив может быть и широким, и узким. В тех событиях, которые рассматривались, как нам кажется, все время происходило сужение поля альтернатив.

Итак, перейдем к борьбе за лидерство в партии. Мы бы выделили здесь три этапа. Первый — это 1924–1925 годы, когда шла борьба за лидерство между Сталиным, Троцким и Зиновьевым. Второй — охватывает время с середины до конца 20-х годов. Третий — середины 30-х годов, когда альтернатива, если она и была, оборвалась с убийством Кирова.

Весь ход наших рассуждений подводит к тому, что настоящей альтернативой Сталину — так уж складывались события — могла стать не та или иная личность, а группа личностей, то есть коллективная воля и коллективный разум. Кстати, именно об этом думал и Ленин, создавая своего рода "баланс сил" в ЦК. И когда, на каком повороте, почему не состоялся авторитетный коллектив партийных руководителей, противостоящих Сталину и способных отстоять ленинскую линию в строительстве социализма, — это вопрос, который еще предстоит изучить. Сегодня ясно одно: историческую ответственность за культ личности Сталина несут многие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, проглядевшие за внутрипартийной борьбой главное: необходимость блюсти, как важнейший ленинский завет, коллективность в руководстве. Во всяком случае, в их силах было, даже не снимая Сталина с должности Генерального секретаря, уменьшить значение этой должности в партии.

Выступая на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, Е.К. Лигачев заметил: "Годы вползания в застой служат суровым напоминанием, что чем меньше альтернатив в созидании нового, тем больше вероятность ошибки. А зона проявления таланта, инициативы, новатор-

ства сжимается подобно шагреновой коже". Это, наверное, относится не только к годам вползания в застой, но и к годам установления культа личности Сталина. Сужалось поле альтернатив, и по мере этого зона проявления талантов, инициативы, воли потенциальных лидеров сжималась, точно шагреновая кожа, а ее сжимание, в свою очередь, еще больше суживало исторический выбор. На каком-то этапе выбора не стало — эти альтернативы были, как таковые, историей сняты.

Был, полагаем, еще один момент, если так можно выразиться, скрытой альтернативы в начале нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Сталина можно было сменить дважды: в первую неделю войны и в дни, когда решалась судьба Москвы. Это были моменты величайшей растерянности "гениального" вождя, когда события перестали ему подчиняться, когда его вина перед партией и народом стала как никогда ясна ближайшему окружению, когда его одолел страх перед возможным возмездием. В ночь с 3 на 4 октября 1941 года, когда фашистские войска прорвали оба фланга Западного фронта, упорно приближаясь к Москве, вспоминает мэр Иван Конев, он по ВЧ доложил Сталину об обстановке. Конев просил разрешить отвести подчиненные ему воинские части на Гжатский рубеж. Сталин, не приняв в тот момент никакого решения, вдруг неожиданно стал говорить о себе в третьем лице: "Товарищ Сталин не изменник. Товарищ Сталин не предатель. Товарищ Сталин честный человек. Товарищ Сталин сделает все, чтобы исправить создавшееся положение". Нет никакого сомнения в том, что, справедливо обвинив Сталина в поражении Красной Армии, его можно было бы лишить высших партийных и государственных постов... Но уже было некому...

Думается, что Сталин не сразу, став Генеральным секретарем партии, начал строить планы достижения "высшей власти". В этом отношении мифы о Сталине (и их много и просталинских и антисталинских) сродни мифам о Юлии Цезаре и других исторических деятелях. Известный советский историк античности С.Л. Утченко критикует крайний телеологизм в оценке Юлия Цезаря некоторыми авторами, в частности знаменитым немецким историком Моммзеном. По их мнению, Цезарь, чуть ли не с юношеских лет вынашивал планы достижения единовластия и установления абсолютной монархии в Древ-

нем Риме. Сама мысль о реальной возможности стать во главе государства в результате политической борьбы рождается в ходе ее, по мере побед над считавшимися более сильными другими претендентами. Когда такая мысль родилась у Сталина, никто не знает и не будет точно знать, но можно предположить, что в ходе тяжелых, хотя и быстрых, решающих побед над Троцким, Зиновьевым, Каменевым.

Сталин не был, с нашей точки зрения, дальновзорким государственным деятелем. В политике он, скорее, являл прагматика, отвечающего на вызов политической действительности решениями, напоминающими неожиданную комбинацию в шахматной игре, но комбинацию, рассчитанную только на несколько ходов вперед. Так было с ускоренной насильственной коллективизацией, подорвавшей развитие сельскохозяйственного производства на долгие годы. Так было в конце 30-х годов с оценкой истинных намерений и планов Гитлера. Так было с уничтожением лучшей части офицерского корпуса Красной Армии накануне второй мировой войны.

Но, не будучи дальновзорким государственным деятелем, Сталин представлял собой искусного политика. Понимая, у читающего это вызовет недоумение. Обратимся еще раз к монографии С.Л. Утченко о Юлии Цезаре, в которой проводится разграничение между понятиями "политическая" и "государственная" деятельность: "всякий государственный деятель (если только он деятель!) — политик, но далеко не всякий политик — государственный деятель". По мнению Утченко, Цезарь имел довольно большой опыт политической борьбы и карьеры, но это был опыт сенатских закулисных интриг, в лучшем случае — боевых схваток на форуме, а как государственный деятель он оказался дилетантом, в каком-то смысле даже и "неудачником". Мы не собираемся прибегать к прямой аналогии, для нас важнее здесь общий методологический подход.

Сталин был прежде всего мастером внутрипартийной борьбы. Он умело заключал временные политические союзы, находил слабые места у противников, точно и безжалостно рассчитывал удары. Компрометируя свои политические жертвы, Сталин твердо усвоил урок: во что бы то ни стало избегать компрометации своей собственной личности вождя. Он всегда "списывал" — и делал это искусно и вовремя — свои ошибки и просчеты на

других (классический пример: "Головокружение от успехов").

К началу 40-х годов реальной оппозиции сталинскому режиму в стране не осталось. Война несколько приглушила интерес "великого зодчего" к "поискам заговорщиков", хотя расстрелы 1941 — 1942 годов военачальников и оставшихся в живых политических деятелей имели, видимо, "превентивный" характер. Как сообщил генерал-лейтенант Н.И. Павленко, арест весной 1942 года начальника оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майора В.С. Голушкевича означал начало так и не состоявшегося "дела маршала Г.К. Жукова" (Советская культура. 1988. 23 августа). Но на судьбы страны такие "частности" не влияли.

Сразу после войны вновь оживился интерес И.В. Сталина к теме "альтернатив". Тут уж их приходилось выдумывать даже в большей степени, чем до войны. Ведь речь шла о новом поколении руководителей, прошедших "чистку 1937 года".

Распространяется молва о том, будто после смерти вождя Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) станет секретарь Ленинградского обкома А.А. Кузнецов, а Председателем Совнаркома — Н.А. Вознесенский. Кончилось все это гибелью "мнимых фаворитов" и тысяч якобы связанных с ними людей. Наибольший урон понесли Ленинградская и Горьковская партийные организации, а также "выходцы" из них, получившие повышение. К ним относятся "нижегородцы" — Председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов, министр авиационной промышленности А.И. Шахурин. Напомним, что А.А. Жданов возглавлял в 1924 — 1934 годах Нижегородскую, с 1934 года Ленинградскую партийные организации. Конечно, надо иметь в виду, что к Ленинграду вождь имел особое "пристрастие". Со смертью А.А. Жданова и гибелью большей части его окружения "внимание" перекладывалось на другие объекты.

И вновь Сталина терзают страхи. На рубеже 50-х годов она наваливается на старые кадры. Кульминацией стало его выступление на Пленуме после XIX съезда партии против В.М. Молотова и А.И. Микояна, описанное К.М. Симоновым. Немедленными репрессиями, однако, дело не завершилось.

После смерти И.В. Сталина проблема альтернатив вновь встала исключительно остро. Никто из ведущих

политических лидеров не мог единолично претендовать на власть. Временно создано внутренне неустойчивое коллективное руководство. В официальном коммюнике перечень нового руководства был построен не по алфавиту, а по значению. В Президиуме ЦК КПСС после Пленума в марте 1953 года остались 10 человек: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Булганин, Хрущев, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Таким образом, Президиум был существенно сокращен. Секретариат, избранный Пленумом ЦК КПСС, состоял из пяти человек. Хрущев стал в нем фактически, но не формально первой фигурой. Состав Секретариата не был перечислен полностью ни по алфавиту, ни по уровню власти. Вопрос остался открытым. Были укрупнены министерства, которые возглавили члены Президиума ЦК, сосредоточившие таким образом в своих руках всю партийную и государственную власть. Председателем Совета Министров стал считавшийся главным преемником Сталина Георгий Маленков, а на месте его первого заместителя оказался Лаврентий Берия, возглавивший объединенные министерства внутренних дел и государственной безопасности. Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал Ворошилов. Секретариат при такой расстановке призван был играть второстепенную, рабочую роль, как это и было в первые годы Советской власти при Ленине.

Выступавшие на траурном митинге, посвященном похоронам Сталина, Маленков, Берия и Молотов составляли как бы ведущий триумвират. Волевой и энергичный, неразборчивый в средствах и беспощадный Берия, опирающийся на лично преданных ему руководителей органов государственной безопасности и войск МВД, представлял грозную, рвущуюся ко всей полноте власти силу. Он был "вещью в себе", опасной в перспективе для каждого из членов Президиума. Его личность несла с собой продолжение авторитарного режима. По меткому определению Константина Симонова, бывшего в то время членом ЦК, Берия являл собой "решительного и дерзкого авантюриста, сумевшего на какое-то время повернуть в свою пользу возникшую ситуацию коллективного руководства". Казалось бы, его решимости и силе не мог противостоять никто. Но такой человек нашелся: им стал Никита Хрущев.

Говорят, что, когда Хрущева, уже потерявшего власть, как-то спросили, в чем он видит самую значи-

тельную свою заслугу, он ответил — в уничтожении Берии. Да, не в разоблачении культа личности Сталина, не в начатых им коренных улучшениях жизни колхозного крестьянства, не в "жилищной революции" (массовом индустриальном жилищном строительстве), а в ликвидации Берии. На первый взгляд эта заслуга кажется несоизмеримой с теми, которые были нами перечислены. Но если вдуматься, то, может быть, Хрущев и был прав, так рассуждая. И когда Константин Симонов в своих записках "Глазами человека моего поколения", уделяя немало страниц злобещей фигуре Берии, справедливо отмечает, что тот олицетворял "самое жестокое, трагическое, свирепое и грязное, что было в той эпохе", он все же ошибается, полагая, что "сама эпоха была обрублена смертью Сталина". Нет, не смертью Сталина в марте была "обрублена" эпоха, а в июле — гибелью бериевщины, которая могла стать глубинной и пагубной альтернативой, пусть непоследовательному, но начавшемуся с Н.С. Хрущева очищению от сталинского режима.

Вновь вопрос о том, каким путем идти, встал менее чем через полтора года после XX съезда. Напуганная разворачивающимся разоблачением культа личности, "старая сталинская гвардия" решила дать бой Хрущеву. Возможно, что Молотов, который, кстати, еще один парадокс времени — возглавлял комиссию по расследованию нарушений социалистической законности в период культа личности Сталина, Ворошилов, Каганович и Маленков с особой тревогой относились к росту потоков заявлений с просьбой пересмотреть дела репрессированных. Ведь во многих случаях они не только были причастны к репрессиям, но и несли за них личную ответственность не только как исполнители воли Сталина. По заявлениям Кагановича в НКВД пострадало большинство сотрудников возглавляемого им Наркомата путей сообщения. Резолюции Молотова были на многих списках пострадавших. Когда жена В.М. Мологова, Полина Семеновна, попросила Н.С. Хрущева принять ее по вопросу восстановления в партии Молотова, тот показал ей документ с его резолюцией о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных партийных работников.

Антихрущевская группа составляла большинство в Президиуме ЦК КПСС. В нее входили 7 членов Президиума (Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков,

Молотов, Первухин, Сабуров) из 11 (Хрущева поддерживали Кириченко, Микоян, Суслов) и, как позднее писали, "примкнувший к ним" кандидат в члены Президиума Шепилов (все остальные 5 кандидатов в члены Президиума выступали в поддержку Хрущева). Положение при таком соотношении сил у обеих сторон было сложное. В дело вмешались ряд членов ЦК, находившихся тогда в Москве. Некоторым из них удалось проникнуть на заседание Президиума (усиленные посты охраны получили от Булганина, бывшего тогда Председателем Совета Министров СССР, указание никого без его личного распоряжения не пропускать) и огласить на нем следующее заявление: "Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вы обсуждаете вопросы управления Центральным Комитетом и управления Секретариатом. Такие важные для всей нашей партии вопросы нельзя скрывать от членов Пленума Центрального Комитета. В связи с этим мы, члены Центрального Комитета, просим срочно созвать Пленум ЦК и поставить этот вопрос на обсуждение. Мы, члены Центрального Комитета, не можем оставаться в стороне от обсуждения вопросов руководства нашей партией". Попытка поставить партию перед свершившимся фактом снятия Первого секретаря путем "дворцовой интриги" не удалась. Заседавший с 22 по 29 июня 1957 года Пленум высказался за оставление Хрущева на посту Первого секретаря. На Пленуме был избран новый состав Президиума, в который Молотов, Каганович, Маленков уже не вошли.

Если в 1957 году "старые консерваторы" потерпели неудачу, то в октябре 1964 года взяли реванш уже "молодые консерваторы". 14 октября Пленум ЦК освободил Хрущева от всех постов в связи "с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья". Смерть Хрущева и Микояна (последний занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР до декабря 1965г.) в "брежневские времена" была отмечена скромными некрологами. Захоронения у Кремлевской стены они не удостоились. Культ любой личности главы партии и государства порождает произвол и неуважение к личности других. "Чистка" ЦК продолжалась: были освобождены секретари ЦК В.И. Поляков, Л.Ф. Ильичев, В.Н. Титов. "Ушли" ряд работников аппарата ЦК: А.Н. Яковлев, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий и другие. А.Н. Яковлев

стал послом в Канаде, директор ТАСС Д.П. Горюнов — послом в Кении. Нужны были не думающие, а верноподданные. А.Е. Бовин и Ф.М. Бурлацкий приобрели в дальнейшем известность как политические обозреватели и публицисты. "Возглавлявшие" партию, по всей видимости, не придавали значения такой мелочи, как потеря "штабом" умов. А когда верноподданность служит главным, а порой, может быть, и единственным критерием отбора кадров, всегда выплывают на поверхность беснравственные карьеристы: рашидовы, щелоковы, медуновы.

Набирал кажущуюся силу новый культ личности, но уже без личности. В 1966 году Президиум ЦК вновь переименовывается в Политбюро, а Первый становится Генеральным. В 1977 году Брежнев занимает еще один пост — Председателя Президиума Верховного Совета СССР. По обкомам партии рассылается подписанный Сусловым документ об укреплении авторитета Генерального секретаря ЦК КПСС. Но ничто не помогает: авторитет на бумаге, в речах, в награждениях (Герой Социалистического Труда и четырежды Герой Советского Союза), но не у трудящихся.

Сбросив "либеральную тогу" и загубив экономическую реформу 1965 года, Брежнев в глазах людей стал "прорабом застоя" и благодетелем бюрократов и коррупционеров. Рассматривая весь период постсталинизма с точки зрения борьбы двух тенденций — консервативной и реформаторской, следует отметить, что победа консервативной альтернативы привела страну к предкризисному состоянию. Но в недрах партии вызревали силы, готовые вернуться к радикальным реформам. Необходимость перемен понимали и сторонники либерально-реформистской альтернативы. По всей вероятности, последних было немало. Однако чем дольше затягивался кризис, тем яснее становилось думающим и болеющим в стране людям: глубина застоя такова, что требуются глубокие реформы. И тем не менее после смерти Брежнева исход борьбы за путь реформ не был, думается, предопределен. Кратковременное пребывание на посту Генерального секретаря Ю.В. Андропова сменилось столь же кратковременным пребыванием на нем К.У. Черненко. Андропов не успел ничего изменить, хотя понимал необходимость перемен и решительных действий. Черненко не хотел, да и не был способен что-либо изменить. В ли-

це Черненко вновь восторжествовала консервативная тенденция. Но этот почти недееспособный Генеральный секретарь, образно говоря, "съел", израсходовал имевшийся у консервативной альтернативы энергетический запас. Бесплодность ее оказалась слишком обнажена. И все же — на то история и деятельность людей — в марте 1985 года "консерваторы" во главе с Гришиным стремились к власти, но победил здравый смысл и стремление к переменам. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС была определена новая альтернатива — курс на перестройку и ускорение социально-экономического развития страны.

* * *

СКЛЕРОЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ИСКУССТВО ИКЕБАНЫ

В книге Чингиза Айтматова "Буранный полустанок" есть поучительная легенда. Племя завоевателей подвергало своих пленников следующей процедуре: им начисто обрывали головы, натягивая на них кусок сырой верблюжьей шкуры, и связанными оставляли на солнцепеке. Те, кто выдерживал эту мучительную пытку, поскольку голова пленника сжималась подобно железному обручу, становились манкуртами — лишенными памяти подобиями людей. Манкурт превращался в раба, не ведавшего страстей, чувств, любви. Только покорность хозяину, а из радостей — насыщение. Историческое беспомыслие — вещь не менее страшная. Человек, лишенный исторической памяти, перестает быть таковым.

Тема манкуртов в публицистике перестройки звучит часто. Как тема — предупреждение обществу. Ведь тот прорыв в будущее, который мы обязаны совершить, может осуществиться только на базе полного исторического знания о прошлом своей страны.

Уже образование первых этнических общностей связано с возникновением легенд, преданий. Историческое знание всегда было важнейшей частью национального самосознания. Вне связи с предшествующими поколениями, напоившими потом и кровью землю, на которой мы живем, мы — никто и ничто, иваны не помнящие родства, люди без роду и племени.

Революция, совершившаяся в России, аккумулировала в себе патриотические и интернациональные традиции народов. Не случайно воссоздание исторического прошлого всех народов России, принижавшихся царизмом,

их историко-культурных достижений стало одной из важных задач Советской власти. Были приняты меры по сбережению и охране культурного наследия. Огромную роль в этом сыграли личные инициативы В.И. Ленина, его распоряжения как главы правительства, письма, статьи. 223 памятника архитектуры были отреставрированы за первые десять лет после победы социалистической революции.

Но, по мере того как раскручивался маховик административно-командной системы, бюрократическое равнодушие к прошлому отразилось и на судьбах многих памятников старины. В документальном фильме "Больше света" есть страшный в своей натуралистической правде кадр — взлетает на воздух храм Христа Спасителя, представлявший собой фактически памятник жертвам Отечественной войны 1812 года и построенный на народные деньги.

В ходе борьбы с религией под угрозой уничтожения оказалось большинство ранее действовавших культовых зданий: церквей, костелов, кирх, мечетей, синагог. А ведь среди них были подлинно уникальные памятники национальной культуры и истории. Как писал Ю. Жуков на страницах "Строительной газеты" (1988. 18 августа), антирелигиозные акции "осуществляли республиканские НКВД, их местные органы — административные отделы исполкомов... В силу полной некомпетентности НКВД не ведал, что творил".

Немалый урон был нанесен и Кремлевскому комплексу. Снесли Чудов и Вознесенский монастыри, самый старый московский храм Спаса-на-Бору. Андреевский и Александровский залы Большого Кремлевского дворца были уничтожены, заменены функциональным гостевым залом. Словом, наряду с политическим начиналось историко-культурное самоуправство. Это понимали представители ленинской когорты революционеров, для которых дело революции и дело духовного совершенствования общества рассматривались как однопорядковые. Так, узнав о готовящемся сносе Чудова и Вознесенского монастырей, бывший тогда директором Ленинской библиотеки видный историк партии В.И. Невский написал Сталину письмо-протест: "Я твердо убежден... что предполагаемая мера не вызывается острой необходимостью, а между тем она ... без сомнения, не только не послужит аргументом, усиливающим нашу

борьбу со всякого рода религиозным дурманом и шовинизмом, а, как раз наоборот, будет исходной точкой вредной пропаганды против нас, коммунистов, якобы разрушающих все русское". Отклик последовал скоро. В феврале 1935 года пришли за самим В.И. Невским. На одной машине увезли его самого, на другой — все его рукописи, книги.

Нельзя понять до конца отношение режима личной власти Сталина к историческому наследию вообще вне связи с проблемой памяти о персонифицировавших революцию людях. Как для владыки-деспота следы предшественников, реализованные уже в виде памятников культуры, могут стать фактором раздражающим, снижающим ореол собственных культовых символов, так и в данном случае память революции на определенном этапе становилась ненужной и даже обременительной.

Сопоставим два определения роли Сталина в октябре 1917 года, отделенные друг от друга почти четвертью века. "В октябрьские дни член "пятерки" (коллектива для политического руководства восстанием)". Это — из данных Сталиным в декабре 1922 года биографических сведений в Комиссию Истпарта по истории Октябрьской революции и РКП(б). "Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания" — это уже из "Краткой биографии" Сталина 1947 года. Между этими фразами пролег не только и не столько временной водораздел. Была создана новая, фактически фальсифицированная история революции. Но, для того чтобы это осуществить, необходимо было "очистить" поле исторической памяти от носителей подлинной правды и имеющих у них документов.

Уничтожались люди, участвовавшие в создании большевистской партии, революции, гражданской войне. Сталин "вычеркивал" их из истории. Уничтожались и "закрывались" документы, чтобы народ не получал доступа к правде. Писательница Татьяна Толстая напела (Неделя. 1988. № 21) поучительную пословицу: "Незнайка на печке лежит, зайку на веревочке ведут" — и рассказала, как уводили знаек-краеведов. Да, масштабы репрессий против знаек были огромны: от соратников Ленина, лучше всех знавших "кто есть кто", до местных краеведов. Это тоже происходило не сразу, постепенно.

Почему Сталин, у которого, что называется, рука не дрогнула, чтобы применять репрессии против "своих", прежде всего не расправился физически с Троцким? Почему он не только предоставил возможность уехать ему самому, но и позволил вывезти огромный личный архив, где имелись сведения о партии, да и о самом Сталине. Наверное, потому, что в 1929 году он не мог этого сделать. Был вынужден считаться и с мнением международной общественности, и с ситуацией того времени в партии.

В приказе наркома обороны К. Ворошилова № 86 от 12 июня 1937 года говорилось, что память об "агентах фашизма" "гамарниках и тухачевских, якирах и уборовичах" и прочей "предательской падали" будет "проклята и забыта". Причем было сделано все возможное, чтобы стереть эту память буквально. Так, праху Я.Б. Гамарника не нашлось места в крематории. Урну с прахом С.С. Каменева выбросили из Кремлевской стены. Останки М.П. Томского выкопали, и место их захоронения до сих пор неизвестно.

Вычеркивались из памяти народной и имена видных деятелей культуры. В июле 1939 года был арестован известнейший режиссер Всеволод Мейерхольд. Его архив был моментально опечатан. Вскоре при неизвестных обстоятельствах была убита его жена, актриса З.Н. Райх. Ее дети от предшествовавшего брака с поэтом С. Есениным были выброшены на улицу.

Инспирировались идеологические разгромы философов "школы Деборина", историков "школы Покровского". Необходимы были "новые" история, философия, культура. Те, которые бы начинались с обоснования "гениальных" заслуг Сталина.

В печати уже несколько раз промелькнула мысль о том, что, ставя в вину М.Н. Покровскому формулу об истории как "политике, опрокинутой в прошлое", Сталин фактически этой формуле следовал сам. Среди профессионалов утвердилась точка зрения о том, что это утверждение М.Н. Покровскому было приписано. Сам он данное положение не пропагандировал. Хотя если анализировать его взгляды, то видно, что действительно элементы социологизма и модернизации истории были ему присущи. Однако взгляды Сталина на историю вряд ли можно назвать более марксистскими, чем воззрения Покровского.

Теоретические позиции и практические решения Сталина отличает откровенный прагматизм. Это явственно проявляется в его отношении к патриотизму: патриотичными называются то и те, что и кто нужны, чтобы оправдать какую-то политическую акцию. Например, из прошлого извлекались только "нужные" в данный момент исторические личности. Естественно, что заслуги военных, полководцев прошлого ценились особенно высоко. Классовый подход нередко в таких случаях уступал место чисто "патриотическому".

Конечно, воспитывать на героических традициях прошлого важно. Скажем, это было необходимо в годы Великой Отечественной войны. Имена Александра Невского, Богдана Хмельницкого засияли не только позолотой высших боевых орденов, но и стали символом былых подвигов наших предков в борьбе с иноземным нашествием. Но когда ему было нужно, Сталин обыгрывал патриотические чувства совсем по-иному. В феврале 1947 года он вместе с А. Ждановым и В. Молотовым встретился с постановщиком фильма "Иван Грозный" Сергеем Эйзенштейном и исполнителем главной роли Николаем Черкасовым. Иван Грозный, поучает Сталин, был истинным национальным царем, а вот Петр I, "Петруха", как фамильярно заметит он, не национален — открыл дверь иностранцам. Опять исторические оценки подчиняются политическим задачам. Вчерашние западные союзники стали противниками. Необходимо отгородиться, прикрыть окно. А кроме того — близится кампания борьбы с космополитизмом.

Есть искушение обвинить Сталина в незнании основ марксистского подхода к проблеме патриотизма. На самом деле это не соответствовало бы действительности. В 1950 году на макете книги "Ленин Владимир Ильич" он напишет: "для Пospelова. Что же это: и Ленин патриот, и Суворов патриот, и Петр I патриот — есть же разница?" Понимал. Но понимание "для себя" — это одно, а "для политики" — иное.

Куль личности Сталина создавал искаженный образ целых поколений, лишал их историю индивидуальности. Если оттепель 50-х — начала 60-х годов вновь повернула людей к действительной исторической памяти, то в период общественного застоя 70-х годов рецидивы былого антиисторического подхода к историко-культурному наследию вновь дали о себе знать.

Действительно, технократический и бюрократический подходы к историческому прошлому заметно стали довлеть на практике. Инфляция духовных ценностей, апология вещизма и потребительства не могли не сформировать атмосферу антипатриотизма, а отсюда — равнодушие к прошлому. На фоне разрушаемых памятников старины, унылой казенщины школьных учебников, лишенной человеческого облика истории партии и социалистического государства, стал вступать в сознательную жизнь представитель новой, антиисторической генерации, не помнящий родства своего, имени и отчества бабушек и дедушек.

Вакханалия технократических приоритетов приводила к бездумному разрушению памятников истории и культуры, оправдываемому планами социалистического строительства. Многие по-своему неплохие, честные люди в силу своего бескультурья становились геростратами. Ведомственный подход, объявляемый "государственным", превратился в страшное орудие, упорно и методически разрушавшее экологическую и культурную среду.

Солидные ведомства, вроде бы заботясь о трудящихся, заносят меч грозной опасности над уникальной культурной сокровищницей — Ленинской библиотекой. И академик Д. Лихачев, вместо того чтобы заниматься своим непосредственным делом, вынужден вести настоящую борьбу со своей же, Советской властью, поскольку от ее имени совершалось непоправимое.

Почему же понадобился приезд в Крым поэта Андрея Вознесенского, чтобы прервать чудовищную оргию надругательства над памятью погибших от рук фашистов? Почему он, а не партийные и советские органы области, должен был развернуть кампанию по наказанию мародеров с советскими паспортами, осмелившихся пойти на это? Ну что ж, приходится пожинать горькие плоды конъюнктурного патриотизма.

Вполне закономерно, что недовольство самочинным, бездушным и казенным вторжением в сокровищницу исторической памяти все более усиливалось.

В этой обстановке возник ряд неформальных историко-патриотических объединений, и среди них — движение "Память". В его задачу входило то, что должно было по своему предназначению делать Общество охраны памятников истории и культуры, но не делало

по причине забюрократченности и формализма, а если и делало, то явно недостаточно. "Память" стала организовывать воскресники и вечера по восстановлению гибнущих исторических памятников. Так, была приведена в порядок заброшенная могила историка Татищева. Пока все шло на определенном историко-научном уровне, работа "Памяти" помогала патриотическому воспитанию. Но застой не мог не повлиять и на это движение.

В "Памяти" на каком-то этапе захватили руководство экстремистские элементы. Симптомы негативных явлений в обществе ими угадывались подчас достаточно верно. Но, не обладая должным научно-историческим образованием, они ставили абсолютно неверный диагноз. А соответственно выписывали обществу рецепт "лекарства", которое не только не лечило, а усугубляло болезнь.

Главное, что составляет основу подходов этих экстремистов от истории, — это пресловутая концепция "врага-вредителя". Так сталинизм как деформированный вариант социализма еще раз выстрелил в будущее. Справедливости ради следует сказать, что попытки списать существующие проблемы на происки врага, желательно иноземного или "иностранного" происхождения, имеют давнюю историческую традицию". В известной повести писателя А.И. Куприна "Поединок" есть сцена, в которой описывается урок "словесности" в царской армии. Ведущий занятие ефрейтор спрашивает: "Кого мы называем врагами у-ну-тренни-ми?" "Нутренними врагами... врагами..." — мучительно соображает солдат. Его бойкий товарищ выпаливает: "Так что бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки!"

Шовинистический набор аргументов экстремистов "Памяти" представляет собой причудливую смесь черносотенно-монархистских и неосталинистских воззрений. Это своеобразный идейный и политический симбиоз, замешанный на объяснении негативных явлений "происками" врагов, а не реальными фактами общественной жизни.

Тема эта особая и большая. Обозначим лишь те ее аспекты, которые отражают историческую направленность нашей книги в целом. Идеологи экстремистской части "Памяти" активно пропагандируют тезис о некоем

"масонско-сионистском заговоре" как главной причине кризисных и застойных явлений в обществе. Здесь мы сталкиваемся с неразработанностью в советской исторической науке вопроса о роли масонов в истории российского общества, о течениях и направлениях в масонстве, его различной политической окраске в разные периоды. Поскольку в сферу масонских организаций оказались вовлеченными ряд идеологов и руководителей буржуазных и мелкобуржуазных политических партий России, разразившиеся в эмиграции потоком воспоминаний на эту тему, то, не получая научного осмысления, проблема мифологизировалась, становилась материалом для политических спекуляций. Так "закрытые" темы в исторической науке создают почву для использования дефицита правды в сооружении антидемократических конструкций в обыденном сознании.

Отталкиваясь от действительно имеющихся проблем, возникающих сегодня в Российской Федерации, часть руководства "Памяти", возглавляемая Васильевым, Риверовым и др., оперируя традиционным для нее набором выкрикиваний о "масонско-сионистском заговоре", уводит действительно имеющуюся проблему от возможности ее реального решения. В этой связи идеализация Васильевым "реформатора" Столыпина вполне объяснима. Ностальгия по "сильной" личности. Действительно, заметная в истории личность: крупный консервативный реформатор, самый молодой министр в царской России (в 44 года становится министром внутренних дел и одновременно председателем Совета министров), Столыпин имел целый пакет реформ, направленных на политическое и экономическое преобразование государства при сохранении верховной власти помещиков. Он пал жертвой заговора царской камарильи. Черносотенцы разыграли при убийстве Столыпина "инородческую" карту (его убийца Дмитрий Багров был евреем). Васильев, иконоизируя Столыпина, использует ту же аргументацию, которой оперировали силы, отправившие его кумира в мир иной. Но главное, конечно, не в этом. Главное в том, что Столыпин был "сильной личностью" весьма определенного толка. Он "прославился" еще на посту саратовского губернатора как вешатель, душитель крестьянских восстаний, как каратель того самого русского народа, о котором так активно "заботятся" его нынешние "радетели".

Тем не менее экстремистская платформа отдельных вожakov "Памяти" по-своему разбудила общественную тревогу. Тревогу за судьбы памятников старины, за историческое прошлое. Именно действия "Памяти" в значительной степени заставили задуматься о действительных проблемах исторической памяти, о гласности в этой области, о необходимости считать ее составной частью политической культуры личности, в первую очередь политического руководителя.

Из истории нельзя ничего выбрасывать. Ничего и никого. Ее нельзя переделывать из "плохой" в "хорошую". Хотелось бы предостеречь от вычеркивания из каталогов библиотек работ Брежнева, Черненко, Суслова, Гришина, Кунаева, Рашидова и др. Все это уже было и ни к чему хорошему не приводило.

Сейчас идет дискуссия вокруг очень острой нравственной проблемы — возрождения названий старинных городов, улиц. Имеются ли основания к тому, чтобы имена Жданова, Ворошилова и других дискредитировавших себя деятелей оставлять символами исторической памяти? Наверное, нет. Это было бы просто безнравственно. Но следует ли проводить экстазацию у Кремлевской стены, очищая ее, скажем, от праха Сталина, Суслова и других. И, наоборот, помещая там прах тех, кто этого действительно заслужил. Думается, что тоже нет. Ведь нынешняя ситуация у Кремлевской стены — это и есть наша реальная персонифицированная история. "Генеральный" юрпалач Вышинский — в Кремлевской стене, а реформатор Хрущев — на Новодевичьем кладбище. Другое дело — воссоздание пантеона великих героев революции и социализма в исторической памяти народов.

Нельзя быть манкуртами. Но ни в коем случае нельзя решать вопросы исторической памяти и с позиций национальной исключительности. Подлинный интернационализм органично впитывает в себя патриотизм. Возрождение исторической памяти неотделимо от процесса демократического обновления настоящего, гуманистической реконструкции прошлого. Историко-патриотическое движение следует очистить от налипшей на него "ржавчины". Пусть "Память", но как подлинная память истории всех народов страны, их дружбы и сотрудничества, как широкое интернациональное движение, питаемое духовностью взаимопониманием представителей разных народов на-

шей многонациональной Отчизны. Многонациональной.

В мозаику символов нашего государства естественно вписываются Московский Кремль и Казанский, готические кружева городов Прибалтики и Львова, купола Самарканда, строгие очертания Эчмиадзина и деревянное волшебство Кижей. Исторические пути и перепутья многонациональной страны — это тропы времени, пройденные ее народами не в изоляции, не в этническом вакууме, а в разнообразнейших контактах друг с другом. Российское государство складывалось как многонациональное. В ходе его создания были насилие и захваты колониальная экспансия, но был и объективный процесс сближения народов. В каждом конкретном случае причины единения были различными — экономические, политические, религиозные, культурные. Объединительные процессы опирались на вековые традиции взаимоотношений народов, тесные миролюбивые контакты. Набирал силу совместный протест против социальной и национальной несправедливости. Он входил в общероссийский революционный процесс, делая его масштабным и глубоким.

Национальный момент обострял те коллизии, которые испытывала царская Россия в начале XX века. Правящие классы проводили политику национального произвола и угнетения по отношению к "инородцам", составляющим более половины населения многонациональной страны.

В современной западной литературе предпринимаются попытки идеализации национальной политики царизма. Так, например, в книжке Роберта Мэсси "Николай и Александра" (по которой был поставлен фильм-пастораль о любви императора и императрицы) типично буржуазных позиций дана характеристика Николая как активного националиста.

Восторгаясь любовью царя ко всему русскому — языку, культуре, Пушкину, Гоголю, Чайковскому и т.д. — "забывая" о преследовании "инородцев", черносотенных погромах и других проявлениях великодержавного шовинизма, Мэсси называет Николая II истинным патриотом.

Немало было сказано в свое время о национальных проблемах и национальном угнетении и российской буржуазией. Однако протест против неравенства наций с

стороны нередко был чисто декларативным. Заботясь о сохранении господства капитала в России, буржуазные критики осмеливались указывать царизму только на его просчеты в национальном вопросе, требовали более гибкой и маневренной (хотя той же великодержавной) политики в этой сфере, что не решало проблемы свободы народов в рамках системы классового угнетения.

Национальная проблема заняла много места в программных документах мелкобуржуазных партий. Эсеры, не понимая истинных причин национального гнета, не связывая их с радикальными классовыми изменениями, сводили суть вопроса лишь к возможности федеративного устройства многонациональных государств.

Национальный вопрос не был обойден и вниманием российской интеллигенции. В жарких дискуссиях писателей, публицистов отчетливо обнаруживались взгляды пошлых и мнимых демократов. Александр Блок в письме к К.С. Станиславскому излагал тему России как возрождение национального самосознания, но "без православия и самодержавия и без славянства". В знаменитой драме "Роза и крест" он осудил националистическую политику самодержавия.

Единственной политической силой России, имевшей реальную и конструктивную программу по национальному вопросу, являлась партия Ленина. В принятой на II съезде РСДРП в 1903 году программе партии были сформулированы важнейшие пункты в области национального вопроса: широкое местное самоуправление; областное самоуправление для местностей, отличающихся особыми бытовыми условиями и составом населения; полное равноправие всех граждан, независимо от национальности; право получать образование на родном языке; право на самоопределение за всеми национальностями, входящими в состав государства. Программа по национальному вопросу была органической частью программы партии большевиков. С ней она пришла к власти.

Победа Великого Октября, решив вопрос о социальном освобождении, открыла дорогу к справедливому решению и национального вопроса. Причем дорога эта была отнюдь не гладкой и короткой.

Советское правительство учредило специальный орган, регулирующий национальные отношения, — Народный комиссариат по делам национальностей (Нарком-

нац). Наркомнац был призван определять политику Советской власти в связи с интересами всех национальностей страны. Рожденная революцией идея союза народов в социалистическом государстве крепла и набирала силу.

И вдруг — осенью 1922 года, когда должна была обрести конкретную государственно-правовую форму идея упрочения союза народов, — возглавлявшаяся Сталиным комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) принимает так называемый план "автономизации". По нему независимые республики должны были войти на правах автономных РСФСР. Под угрозой — завоевания, которые принес народам России Великий Октябрь.

Эту опасность прекрасно понимает Ленин. Он решительно выступает против проекта "автономизации" и обосновывает принципиально иной путь — не уничтожать "независимость", а создать федерацию равноправных советских республик. К проблеме неукоснительного соблюдения принципов суверенитета и равноправия во взаимоотношениях между ними он вернется в день образования Союза ССР. На исходе декабря 1922 года Владимир Ильич диктует письмо "К вопросу о национальностях или об "автономизации" — свое фактическое вещание по осуществлению национальной политики Советской власти. Именно в нем он сказал: коммунисты никогда не должны относиться формально к национальному вопросу.

Этот ленинский завет определенное время соблюдался, принося реальные плоды. Хотя уже в 1923 году были попытки форсированного решения национальных проблемы, о чем, например, свидетельствовало выступление Г. Зиновьева на XIII съезде РКП(б) (национальный вопрос решен, заявил он, осталось лишь доделать отдельные детали); в целом партия коммунистов понимала, что в этом деле спешкой можно только навредить.

В 20-х — начале 30-х годов был создан и успешно работал динамичный механизм управления национальными процессами. Национальные секции, отделы, комиссии, сектора и целый институт изучения национальных проблем. Специализированные издательства, библиотеки и клубы национальных меньшинств. Журналы "Жизнь национальностей", "Революция и национальности". Существовали национальные районы и Советы.

Результаты революционных достижений в социальных, экономической, политической, духовной областях бы-

впечатляюще. Жизнь подтвердила, подчеркивалось в докладе М.С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС, правоту идеи, заложенной в организацию нашего великого Союза, — сложение, объединение усилий позволили каждой нации и обществу в целом резко ускорить свое движение, выйти на новые рубежи исторического прогресса. Важнейшими вехами на этом пути стали возрождение и развитие национальных культур, ускорение прогресса ранее отсталых народов, преодоление межнациональной розни.

Но деформации политического курса не могли не затронуть и сферы межнациональных отношений. Сталин считался специалистом по национальному вопросу. Руководил, хотя в целом недостаточно, Наркомнацем. Выступил на съездах с обоснованием национальной политики партии. Явно претендовал на роль ведущего (после Ленина) теоретика в этой области. Наверное, было бы несправедливо полностью перечеркивать сделанное им в национальном вопросе. Его работа "Марксизм и национальный вопрос" в свое время вызвала одобрение Ленина. Сталин пытался разработать учение о социалистических нациях. Проводил определенную работу в области национально-государственного строительства.

Вместе с тем большой глубины в теоретическом осмыслении национальных процессов Сталин не достиг. Пропагандист побеждал в нем самостоятельного мыслителя. Его теоретическое наследие отразило не столько зарождение и развитие оригинальных идей, сколько изложение в разных контекстах набора определенных тезисов, формулировочных вариаций. Знакомство с подготовленными материалами к сталинским работам по национальному вопросу подтверждает это. Поражает бедность литературы по национальной тематике в библиотеке Сталина. Любопытен следующий факт: одна из немногих книг в этой области — сборник "Национальный вопрос в послевоенной Европе", изданный в 1931 году, разложен только на помещенной там статье самого Сталина.

Общий курс на централизацию и административно-командные методы руководства способствовал свертыванию и национальной программы, созданной и осуществленной большевиками-ленинцами. Нет, Сталин был Лениным "национал-либералом" не просто в запамятываемой, раздражения от критики. Анализ сталинских документов показывает, что его "уступчивость" в во-

просе "автономизации" не была искренней. В последующем в его закрытых письмах, да и в некоторых публичных высказываниях проявлялось непонимание существа таких понятий, как "федеративное", "самостоятельное" и "независимое" государственное образование. Республики он фактически лишал статуса независимости и самостоятельности. Столько было сделано по ликвидации фактического неравенства народов, создания атмосферы интернационального сотрудничества! Каких усилий стоило Советской власти после революции дело духовного возрождения народов! И все это было, по существу, приостановлено в 30 — 40-е годы.

Любой акт нарушения социалистических принципов всегда отдается болью и изломами в общественном сознании. Форсированное переустройство сельского хозяйства в национальных районах оставляло глубокие язвы в сознании их народов, воспринималось как курс на "уничтожение наций". К этому приводили и кампании борьбы с "националистами", репрессии против политических и духовных лидеров, выдвинутых и возвращенных революцией. Сверхцентрализация, отрицающая ленинские принципы социализма, в ряде случаев воспринималась народами как возрождение великодержавной модели на новой основе.

Первые проявления "недоверия" к целым народам относятся к концу 30-х годов. На Дальнем Востоке возникает японская военная угроза... и живущие там корейцы переселяются в Среднюю Азию. Воссоединяются СССР и БССР. Западная Украина и Западная Белоруссия... значительная часть населения польской национальности "отправляется" с этих земель (а также из Литвы на Восток. И наконец, "венец" политики "отца народов" — массовая насильственная депортация во время Великой Отечественной войны (немцы из Поволжья и других регионов, калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и даже проживавшие в Крыму греки). Переживший трагедию вместе со своим народом калмыцкий поэт Давид Кугультинов с болью говорит: "Когда мы читаем документы о восстании декабристов, о том, как ссылали в Сибирь целые роты, полки, — мы содрогаемся. Но когда "Народы, в Сибирь пошел марш!" — это не уместается в рамках человеческого сознания. Ибо как можно оправдать уничтожение целых народов?"

Эта политика, до сих пор остающаяся вне поля зрения историков, оставила рубцы в национально-историческом сознании перечисленных народов. Тонкая материя — социальная память. Турки-месхетинцы были в конце войны выселены из пограничных с Турцией районов на юге Грузии. Когда корреспондент "Известий" Г. Димов беседовал с этими людьми о пережитом, то попадались и такие, кто винил в случившемся кого угодно, но только не Сталина. "Не надо валить на него. Не он подписывал указ". И это — далеко не единичное наблюдение. Один из авторов книги недавно встречался с балкарцем, вспоминавшим, как после смерти Сталина в среде его высланных земляков произошел следующий конфликт. Слава аллаху, что Сталин умер, теперь нас, может быть, вернут в родные места, заметил кто-то из них. Большая же часть несправедливо высланных в казахские степи людей была возмущена его радостью в связи со смертью вождя.

Двадцатый съезд восстановил ленинские принципы национальной политики. Интернационализм обретал полную силу. Но затем вновь началась пробуксовка...

Как гром среди ясного неба грянули события 1986 года в столице многонациональной советской республики — Казахстана Алма-Ате. Длительное время о Казахстане писалось только в радужных тонах как о "лаборатории интернационализма", в республике шумно, даже помпезно, проводились Дни дружбы, различные парадные мероприятия. А при этом интернациональное воспитание населения во многом было пущено на самотек, забывая то, что даже в социалистическом обществе человек сам по себе не может стать интернационалистом. Столь же неожиданными и еще более драматическими оказались события в Нагорном Карабахе и вокруг него.

Курс на революционное очищение был воспринят людьми, презревшими нормы социалистической морали, как тревожный сигнал опасности. Для того чтобы воспринять утверждение принципов социальной справедливости, они использовали старый, испытанный способ отвлечения трудящихся от борьбы за свои интересы — национализм.

Да, перестройка затронула интересы целых кланов, кто откровенно паразитировал на социализме. Явление это — к сожалению, достаточно распространенное и в РСФСР, и для других регионов. Но в ряде республик

эти социальные аномалии приняли националистический облик.

Сегодня у нас находятся люди, склонные винить в негативных явлениях в межнациональных отношениях политику гласности: в более откровенном, открытом разговоре о просчетах они склонны видеть "запал" националистических эксцессов. Но дело, конечно же, в другом. Выплывающее сегодня наружу — результат и следствие бывшей атмосферы умолчания, многолетнего поверхностного, облегченного отношения к сложной диалектике межнациональных процессов.

Опять и опять скажем — годы застоя не проходили бесследно. Например, на войне, в суперэкстремальных условиях люди могли не спать по несколько суток, засыпать в воде... Казалось, все выдержит организм. И вроде выдерживал. Но прошли годы, начались хронические заболевания, молодыми стали уходить из жизни бывшие фронтовики. Механизм торможения нанес ощутимый удар и по нашему многонациональному организму. Все, что подспудно накапливалось, прорвалось.

Если внимательно проанализировать случаи националистических проявлений, обнаруживается такой общий для них фон, как нарушение принципов социальной справедливости, дефицит политической, правовой, нравственной культуры. Националистические проявления — это реакция, симптом. Чуждые нашей системе, ее объективным социально-экономическим, политическим, нравственным устоям, они — аномалия, результат излома.

В принятой XIX Всесоюзной конференцией КПСС резолюции "О межнациональных отношениях" изложена программа крупномасштабных мер по укреплению и развитию советского многонационального государства. Речь идет прежде всего об упрочении демократии, расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы.

Искусство икебаны — умение составить букет цветов так, чтобы при этом каждый цветок не потерял своей первозданности, природной красоты. Соткать государственное созвездие народов, не ущемив ни одного из них, напротив, расцветив грани их бытия энергией сотрудничества, — дело неизмеримо более сложное. Чтобы создать

дерево не было простой гирляндой разноцветных лампочек, зажигаемых по случаю праздника, каждая звезда должна излучать собственный свет.

ЭКЗАМЕН ЭКЗАМЕНАТОРАМ

В 1988 году в средней школе были отменены экзамены по истории. Это вызвало буквально волну возмущения широкой общественности — мол, до чего довели изучение и преподавание истории собственной страны!

Действительно, возникшая ситуация весьма печальна. Но тем не менее есть в этом и свой резон. Будем откровенны: бывают в развитии любой науки такие моменты — смены концепций, точнее, целой системы их (парадигмы), — когда лучше не дать ничего, чем дать полуправду, полуфабрикат, а точнее, эрзац подлинного знания. Кстати, это уже не первый случай отмены экзаменов по истории. Подобное было после XX съезда партии.

Для того чтобы определить направление выхода из экстремальной ситуации, необходимо еще раз просмотреть ранее проделанный путь, увидеть, где и как на нем были совершены отклонения от магистральной линии познания общественно-исторических процессов.

Вернемся и мы к периоду конца 50-х — начала 60-х годов. Это время, последовавшее после долгого окостенения творческой мысли, стало поистине благодатным для развития исследовательского поиска. Начался процесс переосмысления общественных явлений. Реабилитация коснулась не только конкретных людей, но и исторических событий. История социализма стала оживать, появились серьезные публикации по ее различным аспектам. Но, как и в других областях, все было прервано и приостановлено. Более того, началось движение к восстановлению прежних схем. Близкое прошлое опять подернулось флером умолчания. Строки из сатирической "Русской истории от Гостомысла, с IX по XIX век" А.К. Толстого — "ходить бывает склизко по камешкам иным; итак, о том, что близко, мы лучше промолчим" — вполне могли бы стать эпиграфом к историографической ситуации 70-х — начала 80-х годов. Причем это было осуществлено также не сразу. Но симптомы новых реверансов новым руководителям историческая наука почувствовала уже в начале 60-х годов. На одном из

всесоюзных совещаний обществоведов в докладе как бы мимоходом прозвучало: выпущены очерки истории Компартии Украины, в которых показана выдающаяся роль Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПУ, а затем ЦК КПСС.

Весьма показательна эволюция формулировки об ответственности за нарушения ленинских принципов в период коллективизации. В 1962 году Н.П. Пospelов заявил официально: в ошибках в области коллективизации "повинны были не только местные партийные и советские организации, но и руководящие работники ЦК, в первую очередь сам Сталин... Весной 1930 года Сталин всю вину перекладывал на партийные кадры и местные партийные организации, хотя большая часть вины за допущенные тяжелые ошибки была, по существу, на самом Сталине". В 1965 году вышла обобщающая монография С.П. Трапезникова "Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана". Очень скупо, мимоходом, но все же автор был вынужден признать, что сталинская статья "Головокружение от успехов" имела "не совсем объективный характер. Статья рисовала положение таким образом, будто бы коллективизацию затеяли местные власти и совершали при этом тяжелые ошибки, что об этом в центре узнали случайно по сигналам с мест". Если продраться сквозь туман слов, то суть понять все-таки можно. Но далее туман густел. Смысл следующей фразы: "В статье прямо говорилось, что ЦК и правительство проверяют все факты и строго наказуют виновных" — был, прямо, скажем, таинствен. Так кто же был виновен на самом деле? На это "ответила" в 1971 году многотомная история КПСС: новизна задач, отсутствие опыта и, конечно, местные парторганизации.

Сегодня явственно видно, что конструктивного переосмысления послеоктябрьской истории советского общества в период "оттепели" не произошло. Была осуществлена критика Сталина, но целый ряд его противников остались в общественном сознании противниками социализма. Вот только один пример. 31 октября 1958 года состоялось общесоюзное собрание писателей, на котором ужасающему "разносу" подвергся Б.Л. Пастернак. Так вот, выступивший на нем А.В. Софронов поставил вину Пастернаку "апологетическую оценку", которую свое время дал его творчеству Бухарин.

И тем не менее до начала 70-х годов процесс развития

исторической науки был в целом поступательным. Многие книги данного периода по праву вошли в "золотой фонд" советской историографии. Для того чтобы убедиться в правильности этого утверждения, надо прийти в Библиотеку им. В.И. Ленина и заказать монографию К.Н. Тарновского с академическим названием "Советская историография российского империализма" (М., 1964). Книгу, буквально затертую до дыр руками читателей. Это — исследование, где доказательно разрушались догмы "Краткого курса", касающиеся социально-экономического развития России в начале XX века. Константин Николаевич был не только очень талантливым, но и принципиальным и смелым человеком. В годы застоя он являлся фигурой для официоза не очень приятной, но зато среди историков пользовался огромным уважением до конца жизни. Нам вспоминается такой случай. Всесоюзная конференция в Воронеже, посвященная 80-летию академика М.В. Нечкиной. Мы сидим в холле гостиницы. О чем могут говорить историки? Конечно, об истории. И когда речь зашла о том, была ли личностная альтернатива Сталину на посту Генерального секретаря, Тарновский громко заявил: "Была: Бухарин!" Инстинктивно оглядываемся по сторонам — не слышит ли кто.

В этой оглядке уже был зримый симптом нового состояния и в общественной жизни, и в исторической науке. В 1966 году был рассыпан набранный первый том по истории коллективизации, подготовленный под редакцией В.П. Данилова. Парадокс — в 1965 году проводится Пленум ЦК КПСС, посвященный поиску выходов из кризисных явлений в сельском хозяйстве, а через год правда из "истории болезни" расценивается как опасная и ненужная.

В 1969 году группа просталинистски ориентированных обществоведов фактически провозглашает поворот к канонам "Краткого курса". В журнале "Коммунист" В. Голиков (бывший в то время помощником Брежнева), С. Мурашов, И. Чхиквишвили, Н. Шатагин и С. Шаумян публикуют статью "За ленинскую партийность в освещении истории КПСС". В ней в лучших традициях конца 30-х годов подвергалась политическому ostracismy группа прогрессивных историков: А.Л. Угрюмов, И.М. Лейбзон, В.А. Дунаевский, Ю.А. Красин, А.Ф. Халин, В.П. Данилов и др. Им облыжно инкриминировалось:

"очернительство опыта партии, стремление "пересмотреть проверенные жизнью истины", искусственное заострение проблем, "давно решенных партией". Словом, весь тот "хрестоматийный" набор, который и до сих пор не снят с вооружения борцами за "идеалы".

После этой статьи начинается "смена вех". Подвергаются разгрому ученые из Института истории СССР АН СССР. Им вменяется в вину "новое прочтение" Ленина, "ревизионистские" взгляды на многоукладность экономики России, проблему формирования политической армии социалистической революции и т.д. Взгляды, как это ясно сегодня, борьба с которыми фактически отбросила общественную мысль назад.

В 70-е годы под предлогом критики "методологических ошибок" был вновь активно возрожден метод приклеивания политических ярлыков. Это испытал на себе один из авторов данной книги. Именно в то время он обсудил в Симферопольском университете план докторской диссертации на тему "Меньшевистская историография в России". То, что эта тема может и должна стать предметом изучения, — у него сомнения не было. Однако вскоре он был вызван в Киев к тогдашнему заместителю министра высшего и среднего специального образования УССР, а позже секретарю ЦК КПУ В.Е. Маланчуку. Человек весьма неглупый, Маланчук, очевидно, отдавал отчет в том, что в данной теме никакой политической крамолы нет. Его это и не интересовало. Интересовала формальная сторона. "Покайтесь в ошибках, и все скоро забудется, — убеждал он. — Главное — покайтесь". Вопросу было придано такое значение, что он специально рассматривался на коллегии министерства. Принятое и расосланное в вузы Украины решение коллегии гласило, что тема диссертации — "объективистская", а автор "не занял четких методологических позиций". Ректорату университета было строго указано на необходимость "усиления коммунистической принципиальности и требовательности к идейно-политической направленности научных исследований".

Ирония последующих событий заключалась в том, что, может быть, одним из действительно успешно работанных в период застоя направлений исследовательского поиска стало комплексное изучение не только меньшевиков, но и всех непролетарских партий России.

В основе возвращения к догматам прошлого лежал

целая группа факторов. Чем более пробуксовывал социально-экономический механизм, чем большей инфляцией подвергались мировоззренческие и идеологические ценности, чем больший наблюдался отход от ленинских принципов и норм партийной жизни, тем менее "власти предержащие" нуждались в объективной, научной истории. Да что там нуждались! Целому ряду людей, занимавших высшие партийно-государственные должности и ключевые посты на различных участках общественно-научной деятельности, историческая правда была невыгодна, она вскрывала их неприглядную роль в истории. Личные и групповые интересы определенных людей во многом являются "золотым ключиком", открывающим дверцу в далеко не кукольный и невеселый театр политических интриг.

А раз были такие люди на "самом верху", то они обзаводились достаточно солидным штатом исполнителей от идеологии. Разве можно назвать случайностью заявление генерала Епишева еще в 1966 году: "На кой черт она (правда. — *Авт.*) нам нужна, если она невыгодна?" А несколько позже сделанное заявление тогдашнего первого секретаря Московского горкома партии В. Гришина: "У нас сейчас новая линия в отношении Сталина".

В 70 — 80-е годы все внешне выглядело достаточно внушительно: на книжных прилавках и в библиотеках появлялись новые объемистые фолианты, а зона подлинно научного воздействия исторического знания на умы людей неуклонно суживалась. Юбилейные сессии, парадные мероприятия, а за ними — "почитаемые" в официальных хвалебных рецензиях, а на деле не читаемые широкими массами книги на общественно-политическую тематику. Выходящие работы партийных и советских руководителей, в первую очередь Л.И. Брежнева, становились нередко именно литературой подобного рода. А что книги "Малая земля", "Возрождение", "Целина", в чем-то не лишены интереса, сразу после выхода были провозглашены "вершинами" политической мудрости, исторической правды и литературного мастерства, на них сыпался как из рога изобилия дождь наград самых высших рангов. Это приводило подчас даже к своего рода исторической идиосинкразии. Так, например, Малая земля, на которой полковник Брежнев и все бойцы и командиры 18-й армии действительно показывали и бесстрашие и мужество защитников социалистической Родины, из славной, но все же одной из страниц Великой Оте-

чественной войны становится как бы главным событием ее летописной истории. Это утверждается сначала громко, потом очень громко, затем назойливо.

В обыденном сознании (было бы неверно отождествлять его с обывательским) возникает своего рода защитный рефлекс. Появляются анекдоты. Например: "Приходит человек сниматься с военного учета. "Воевали?" — спрашивают его в военкомате. — "Воевал". — "А где, на Малой земле геройствовали или под Сталинградом отсиживались?" Комментарий здесь, наверное, излишен.

Вновь обрубались веточки, лакировались сучки на древе истории. Апологетическое смакование успехов, скороговорочное упоминание об "отдельных" ошибках. Причем постепенно и этих ошибок становится все меньше. Резкие и горькие, но вполне справедливые слова были сказаны по этому поводу в выступлении М.С. Горбачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук: "Сложилась парадоксальная картина: самое интересное и увлекательное в современном научном познании — человек и общество, законы их развития, противоречия, борьба классов, строительство нового мира, устремленность человечества к идеалу, духовные поиски и разочарования, обретение истины и героизм трудового созидания — превращается нередко в лекциях, да и в учебниках в нечто скучное, казенное, формальное".

Но справедливости ради следует сказать, что одних обществоведов винить в сложившейся ситуации нельзя. Образ "серпачков и молоточков" насаждался сверху. Нарушить его означало бы фактическую социальную смерть. Именно в эти, а не в сталинские годы появилась поговорка: "Обществовед, как и сапер, ошибается только один раз". Конечно, были честные люди, и их, наверное, было очень много, понимавшие: если нельзя сказать всю правду до конца, то можно не пойти на славословия и сохранить собственное достоинство. Имелись и успехи в изучении общественно-исторических процессов. Не случайно резко возрос интерес к источниковедению и методологии.

Иногда в современной публицистике историки изображаются чуть ли не сознательными злоумышленниками, по собственной инициативе и к вящему удовольствию скрывавшими от народа правду. Но историки ста-

ли ничуть не меньшими, а может быть, и большими жертвами администрирования в науке, жертвами созданной системы информационных фильтров. Закрытость архивов, бдительный надзор за тем, как бы из архивохранилищ не была извлечена и, не дай бог, опубликована неприятная правда, обезвоживали ниву исторического поиска. Неудивительна и скудность собираемых с нее урожаев. Причем были, оставались люди, которые пытались, не щадя здоровья, ставя под удар свою профессиональную судьбу, преодолеть информационные барьеры. Были и есть работники архивов — бескорыстные помощники исследователей. Но ведь не они решали судьбу исторической науки. Ее решали люди, духовно сформированные на ценностях и нормах сталинизма. Они сами определяли, что можно разрешить народу, слугами которого они себя именovali, знать о собственной истории, а что нет. Люди, обладающие такой властью, которой в социалистическом обществе официально их никто наделить не мог. Плоды этого самочинного властвования горьки. Срубить дерево — дело минуты, вырастить — многих лет.

Весной 1986 года, выступая в Московском государственном университете в переполненной аудитории, вместившей несколько сот преподавателей, профессор А.П. Бутенко поведал о следующем весьма примечательном факте. В 1971 году для ЦК КПСС были подготовлены материалы, в которых шла речь о том, что в СССР будет построено развитое социалистическое общество. Л.И. Брежнев настоял на том, чтобы слово "будет" было убрано из текста... Однако, как свидетельствует Ф. Бурлацкий, эта теоретическая "новация" о построении развитого социализма не была личным изобретением Брежнева. Оказывается, она была подготовлена людьми из его "идеологической парикмахерской". Почти пятнадцать лет общественная мысль билась в прокрустовом ложе идеализированных трактовок концепции развитого социализма.

Апрель 1985 года внес в общественную атмосферу свежую струю правды и реализма. Была обнажена связь застойных явлений с общей атмосферой парадности и самообольщения. Мы все отчетливо увидели, что, скажем, Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года "О преодолении культа личности и его последствий" уже не до конца удовлетворяет потребность в

осмыслении этой сложнейшей болевой проблемы нашей истории.

Время, прошедшее после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, можно по праву назвать этапом политического прозрения. Оно характерно не только возвращением к тому правдивому освещению нашего исторического пути, которое было предпринято в период первой "весны", но и стремлением пойти дальше, довести этот процесс до подлинно демократического уровня.

С каким нетерпением мы все ожидали доклада М.С. Горбачева к 70-летию Великого Октября! Но, признаемся честно, были и опасения, что столкнемся с ситуацией, когда получим правдивый, но все же регламентирующий, дозирующий документ, за рамки которого выйти в поиске исторических оценок будет опять невозможно. Слишком глубоко еще ощущали на себе пропагандистские кампании, разворачивавшиеся в стране после очередного выступления Л.И. Брежнева. Поэтому абсолютным неожиданным и одновременно весьма показательным стало разъяснение на пресс-конференции в пресс-центре МИД СССР на следующий день после выступления М.С. Горбачева. Помнится, западногерманский журналист спросил, является ли доклад советского руководителя срезом исторического знания о семидесятилетнем пути первого социалистического государства, которым общество располагает сегодня, или это окончательная истина. Нет, был ответ. Это — не директива, а ключ к творческому осмыслению опыта Великого Октября.

Конечно, это ни в коем случае не умаляло идейной и концептуальной значимости данного коллективного документа партии, одобренного решением октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Он несет в себе мощнейший методологический импульс в осмыслении принципиальных вопросов пройденного пути, содержащиеся в нем положения и оценки являются ориентирами в исследовательском поиске ученых-обществоведов. Сам М.С. Горбачев, выступая на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, отметил, что партия в документах, связанных с 70-летием Октября, стремилась дать объективную, взвешенную оценку пройденного советским народом пути. Но сейчас — и это Генеральный секретарь ЦК КПСС счел необходимым подчеркнуть — "настоя-

тельно ощущается потребность подойти к этим вопросам с учетом новых требований, поработать над ними основательно".

За прошедшие три года перестройки уже немало сделано в советской исторической науке. Начинают опускаться пелена с подлинного облика нашего исторического пути и шоры с подходов у тех, кто этот путь изучал. Много сказано о "белых пятнах" в этой области. Кстати, наверное, сам термин "белые пятна" применительно к истории нашей страны не всегда употребляется точно. "Белым пятном" являются сейчас многие периоды социалистического строительства — их необходимо изучать заново, на базе новых источников, с позиций подлинного историзма. Вообще же, если говорить по большому счету, "белое пятно" — это определенный показатель беспредельности человеческого познания, своего рода ориентир на карте поисков разума. То есть это в какой-то мере нормальное явление исследовательского поиска. Другое дело "запретные зоны", вырезанные страницы, — "черные дыры" в знании. Это аномалия.

Перестройка возвратила нам подлинный облик ряда коммунистов, соратников Ленина, партийных руководителей.

Гораздо более откровенно стали говорить о проблемах, связанных с Великой Отечественной войной. Началась дискуссия по таким вопросам, как число людских потерь СССР в войне (многие исследователи говорят об известной неудовлетворенности ранее принятой методикой их подсчета, цифра 20 млн. человек представляется им заниженной), наблюдается более серьезный подход к анализу не только побед, но и поражений. Начала восстанавливаться правда о 2-й ударной армии, героизм участников которой подвергался сомнению на том основании, что ее командующий генерал Власов оказался предателем. Идет честный разговор о судьбах бывших военнопленных. Проблемы внешней политики, в том числе неудачи и просчеты в осуществлении ее курса, также начинают выходить из области запретов.

Решения XX съезда КПСС многое сделали для восстановления правды истории. Но все-таки многое тогда осталось втуне. В дальнейшем положение усугубилось. Был наложен фактический запрет на объективное иссле-

дование биографий не только многих деятелей 20-х годов, даже реабилитированных, но и тех политических фигур, которые были "выброшены" из истории в борьбе за власть в 50 — 60-е годы.

...Осенью 1987 года в Москве состоялась Международная книжная ярмарка. Особенно много людей толпилось у стенда, где не было ярких обложек и рекламных буклетов. Огромный интерес вызвали строгие тома последнего издания новой Британской энциклопедии. Нам, профессиональным историкам, было неловко и стыдно за свою науку, когда студенты, молодежь, да и люди старшего поколения удовлетворяли свой интерес к таким личностям, как Берия, Каганович, Молотов — хоть и одиозным, но реальным персонажам нашей отечественной истории, — через западные издания.

"Очеловечение" истории, составляющее зримый результат перестройки, происходит в полной мере с требованиями марксистско-ленинского подхода к этому вопросу. Еще в работе "Святое семейство" К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: "Не история, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется... История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека".

В процессе перестройки общественного сознания раньше всего история как деятельность преследующего свои цели человека предстала в произведениях художественной литературы.

Наибольший интерес и целую гамму суждений вызвали произведения А. Рыбакова ("Дети Арбата") и М. Шатрова ("Брестский мир", "Дальше... дальше... дальше!"). В числе упреков, которые раздавались и раздаются в адрес этих писателей, на одном из первых мест стоят претензии к авторам за допущенные ими исторические неточности, временные смешения, "додумывание" фраз, мыслей реальных исторических личностей. Но необходимо понимать специфику авторской версии художественного произведения.

Художник — совесть поколения, он призван бить в набат нравственности. И не обязан буквально "слово в слово" следовать факту. Когда Анатолию Рыбакову говорили: "Уберите монологи Сталина, освободите роман от деталей, не могущих в полной мере найти историчес-

кое подтверждение", то он отвечал: "Хорошо, уберу. Но сначала дайте мне письменное подтверждение, что герой повести Пушкина "Капитанская дочка" действительно подарил заячий тулупчик Пугачеву".

Что касается времен прошедших, каждый при желании мог удовлетворить свое любопытство, обратившись к исторической науке, прочтя труды С. Соловьева, В. Ключевского, Е. Тарле, М. Нечкиной. По проблемам советского периода сделать это сложнее. Многие откровенно раздражены тем, что, скажем, М. Шатров вторгается в "святая святых" — ленинскую тему, раскавычивает ленинские работы, осуществляет своеобразный монтаж из них. На наш взгляд, это "оживление" Ленина следует только приветствовать. Ведь делает это М. Шатров с позиций убежденности в правоте ленинского учения, а негативными персонажами являются в его пьесах те, кто был либо противником Советской власти, либо своими поступками фактически дискредитировал ленинские принципы. Но еще раз подчеркнем: М. Шатров — писатель, а не историк. Он имеет право на личные симпатии или антипатии, личную пристрастность, художественный вымысел.

Если вернуться к началу нашего разговора об истории, ее преподавании как в школах, так и в вузах (а то, что история отечества не преподается в институтах негуманитарного профиля, — явный просчет), то есть ли сейчас какие-то реальные выходы, пока не написаны новые учебники и пособия?

Выход из этой ситуации мы видим в том, чтобы изменить менторско-дидактический тон процесса обучения. Его целью должна быть не оценка, а активизация познавательных способностей личности. Поставить дискуссию, обмен мнениями, выявление оригинальных и самостоятельных позиций и подходов во главу угла процесса преподавания истории отечества и Коммунистической партии. В этом плане материалы, что называется, под рукой. Это — публикации газет и журналов, теле- и радиопередачи. Используя информацию, накопленную в ходе перестройки, можно вернуть доверие к нашей отечественной истории.

Можно с уверенностью ждать расцвета научно-документального, научно-художественного, мемуарного жанров. Литература обогащается в соприкосновении с документом, с живым преданием. И она остается пока

одним из важных источников формирования исторического сознания общества.

Процесс познания безграничен. Обществоведы, опираясь на выстраданный социальный опыт нашего народа и на традиции профессиональной культуры, могут и должны создать обоснованный учебный курс социальных наук в средней и высшей школе.

Поэт Омар Хайям в одном из рубаи восклицал: "Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим? В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим". Но поэт все же не смог уйти от естественного для любого человека стремления постигнуть свое место на Земле. В другом рубаи он скажет: "Оглянись на себя и подумай о том, кто ты есть, где ты есть — и куда же потом?" К ответам на эти вопросы человечество никогда не потеряет интереса.

ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ ИСТОРИЧЕСКИ...

В выступлении на XIX Всесоюзной конференции КПСС поэта Б. Олейника, гневно обличавшего "черные времена" сталинщины, был сделан также упрек в адрес обществоведов, которые "доперестраивались" до того, что вдруг задались вопросом: что же мы вообще построили? И это на восьмом десятке Советской власти, замечает Б. Олейник.

Действительно, были и стремление насадить в общественном сознании облегченные представления о сущности, этапах и сроках социалистического строительства, и односторонняя констатация успехов в ущерб анализу сложных проблем. Ответственность представителей общественных наук за это велика. Конечно, имелись и имеются среди них откровенные конъюнктурщики, сегодня легко опровергающие то, что безудержно хвалили вчера. Но не они сегодня определяют тяжело выстраданные поиски новых подходов к общественным проблемам. Какая-то часть ученых искренне сожалеет о написанных когда-то ими страницах, а для другой только сейчас появилась возможность публично обнародовать свои давно вынашиваемые мысли. И потому они не могут на основе марксистско-ленинской методологии не задать себе честный вопрос: в каком обществе мы живем, с тем чтобы

глубже и объективней осмыслить опыт прошлого, разобраться в настоящем, точнее прогнозировать будущее?

Если взглянуть исторически...

Разговор об оценке периода социалистического строительства и общества, сложившегося в основных чертах к концу 30-х годов, выявляет различные подходы. Обществоведы стремятся обнаружить ту временную точку, тот полустанок, где мы сошли с пути, заветанного Лениным. Анализируя "чудовищные деформации" социализма (выражение И. Дедкова и О. Лациса в статье "Путь выбран"), обществоведы не могут уйти от обобщающей характеристики и этапов истории советского общества и его облика (модели) на каждом из этапов.

Публицист Лен Карпинский в беседе за "круглым столом" "Баррикады перестройки" (Век XX и мир. 1988. № 2) выступает против оценок социализма и его исторического пути, основанных на принципе "с одной и другой стороны". По его мнению, силы торможения перестройки стремятся "соорудить в общественном сознании эклектический образ истории". Речь при этом идет не о полуправде, а о формально "полной правде", выстроенной из разных половин. "С одной стороны, были коррупция, моральная деградация, подавление инициативы и застой, разыгрывались неслыханные трагедии, а рядом — радость, энтузиазм и великие свершения... Допустим. Но как прикажете понимать целое?! Где системная логика?" — ставит вопрос Карпинский.

Да, вопрос сложный, если еще учитывать при этом нравственный параметр оценки истории. Разумеется, следует исходить из противоречивости самого исторического процесса, видеть обе стороны, но вместе с тем и взаимосвязь между ними. Безусловно, советский народ строил социализм. Отсюда — вера и энтузиазм. Но также безусловно, что путь социалистического строительства был отягощен насилием, демагогией и стремлением достичь целей "любой ценой".

В полемической статье Игоря Дедкова и Отто Лациса "Путь выбран" (Правда. 1988. 31 июля) подвергается критике статья Юрия Афанасьева "Ответы историка" в "Правде" (1988. 26 июля), написанная с позиции "нераздельной истории". Авторы присоединяются к суждению Афанасьева о том, что нельзя искусственно разделить историю на плохую и хорошую. Это не может дать по-настоящему научного понимания сложного пути развития.

страны. В то же время они считают, что интерпретации нашего прошлого в статьях Афанасьева тоже односторонни: невыясненным остается результат народного труда, совершавшегося вопреки бесчеловечной сталинской системе. Не все удовлетворяет Дедкова и Лациса также в комментарии "Правды" к статье "Ответы историка". В нем, на их взгляд, упрощенно и прямолинейно трактуется тезис — "иного пути не было". Авторы справедливо обращают внимание на то, что надо видеть принципиальную разницу между курсом к социализму, намеченным партией, и сталинской практикой. В противном случае может сложиться представление, что и то и другое в равной степени не имело альтернативы. "Сталин и его окружение, — делают вывод авторы статьи "Путь выбран", — чудовищно деформировали социализм в интересах укрепления своей власти, создали беспощадный механизм подавления инакомыслия. Но они должны были обеспечивать и строительство индустрии, и оборону страны. А народ шел за ними, веря в эти практические дела, не зная всей правды о тщательно маскируемых сталинских преступлениях. Это-то и объясняет, почему, невзирая на самые тяжелые деформации, социализм выжил и в самое горькое время".

Да, социализм выжил. И мы тоже, как Дедков и Лацис, не можем согласиться с утверждением Афанасьева о том, что вряд ли можно считать созданное в стране общество социалистическим. Но здесь возникает действительно проблема, которая в 1988 году не раз обсуждалась на страницах журналов: что и какое общество мы построили?

Много интересных суждений, в частности, было высказано в беседе за "круглым столом" в редакции журнала "Политическое образование" (1987. № 12) по теме "Теория социализма: история и современность". Принимавший участие в дискуссии член-корреспондент АН СССР К.И. Микулинский считает, что социализм у нас был не только деформированным, но и неполным. Другой участник дискуссии В.А. Печенев полагает, что в 30-е годы мы решили задачу создания недостающих материально-производственных и культурных предпосылок для перехода к социализму, но решение этой задачи приняли за создание полностью готовой материально-технической базы социализма, за построение его в основном. "Именно отсюда, — говорит он, — началось наше

забегание вперед в определении степени зрелости нового общества в нашей стране, от которого полностью мы не смогли избавиться до сих пор". По верному замечанию К.И. Микулинского, прежняя классификация этапов построения и развития социализма основывалась на формальных, упрощенных и субъективно-оценочных мерках. Участники дискуссии пришли к выводу о необходимости разработки критериев оценки с учетом изменяющейся исторической действительности. И все же вернемся к рассуждению о том, что мы построили.

Думается, что поставленная проблема имеет несколько аспектов. Во-первых — стадийный, во-вторых — типологический, в-третьих — аспект перехода от одной модели к другой. Стадийно то общество, которое сложилось к концу 30-х годов, относится к ранним, незрелым формам социализма. Полагаем, что объективные условия не позволяли тогда выйти на иные в стадийном отношении формы. И это не зависело от того, под чьим руководством осуществлялось строительство социализма. А вот конкретно-исторический облик социализма зависел от той теоретической модели, которая сложилась в головах (или голове) его архитекторов (или архитектора). Чтобы разобраться в модели возникшего у нас социализма, надо рассмотреть в первую очередь соответствующие представления Сталина. В них, на наш взгляд, можно выделить три основополагающие идеи: уравнилельного социализма, этатизма (направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития), принуждения (насилия) как универсального средства решения политических и социальных вопросов. Прежде всего об идее уравнилельного социализма. Ее не следует понимать узко, исключительно в плане материального равенства. В широком плане — это нивелирование (приведение к одному уровню) всех социальных групп, всех личностных, в том числе и духовных, потребностей, всех индивидуальных проявлений. И не случайно родилась формула: незаменимых людей нет.

Суть этатистской идеи в том, что, будучи орудием построения социализма, государство является и формой, в которой осуществляется социализм. Но если для Ленина государство Советов — форма реально действующего народовластия, то для Сталина социализм строится, используя выражение писателя А. Платонова, "на аппа-

ратной тяге". При этом происходит фактически сращивание государственного и партийного аппаратов, которые подчиняют себе общество.

Аристотель говорил: государство нуждается в суровом воспитании со стороны народа. У Сталина это могло бы выглядеть так: народ нуждается в суровом воспитании со стороны государства. Именно в силу господства Административной Системы государство не может обеспечить блага народовластию. Таким образом, тот конкретно-исторический тип социализма, который мы получили, можно назвать этатистски-уравнительным. Абсолютизация командно-директивных методов управления всеми сферами общественной жизни, начиная от экономики и кончая творческой деятельностью, характерна и для Сталина, и для такого социализма. Эта деформированная модель социализма, как нам представляется, не была исторически неизбежной. Ее утверждение во многом связано с отступлением от генеральной линии партии, выработанной при Ленине и предусматривавшей строительство социализма в условиях гражданского мира на основе союза рабочего класса с крестьянством, развития их общей производственной и политической культуры, установления общественного контроля над деятельностью государственных органов.

Думается, что самого Сталина в известной мере "мучила" проблема, какое общество построено под его руководством. Читая рукопись пьесы Афиногенова "Ложь", в том месте, где один персонаж ("перерожденец") спрашивает: "Повернуться лицом к подхалимам и хамелеонам? К системе магометанского социализма?", Сталин вместо "магометанского" напишет "приказного". Ведь мало ли что болтает враг. Но его мучит реальность, и он невольно выдает правду. В его библиотеке сохранились два экземпляра учебников по истории СССР. В одном Сталин вычеркнул фразу: "У нас построен социализм". Он колдует над названием последней главы (учебник 1937 г.). Она называлась "Социализм в СССР построен". Вместо "построен" он сначала написал "победил". Затем в другом экземпляре — "Строительство социализма в СССР". Однако если Сталина этот вопрос все же волновал, то его "команду" теоретиков — нет. Им было все ясно.

Нуждается в самостоятельной проработке вопрос перехода от одной модели социализма к другой. Переход

от этатистски-уравнительной, командно-мобилизационной модели социализма к социализму в его марксистско-ленинском понимании возможен только революционным путем. Плавного перерастания прежних структур в новые не произойдет. Нужно не просто обновление, а обновление, носящее революционный характер. Обратимся к резолюции XIX партконференции "О демократизации советского общества и реформе политической системы". Что в ней предлагается? Восстановление руководящего положения выборных органов по отношению к их исполнительному аппарату; создание в местных органах власти постоянно действующих президиумов Советов; избрание на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей партийных комитетов; невозможность совмещения работы в исполнительных органах с депутатскими обязанностями; реконструкция высших органов государственной власти и т.д. В резолюции ставится задача — сформировать социалистическое правовое государство как форму организации политической власти, полностью соответствующую социализму. Таким образом, коренная реформа политической системы должна носить комплексный характер и охватывать все ее звенья. Можно сказать, что в известном смысле речь идет о революционной ломке старого государственного аппарата и замене его новым, о демонтаже административно-командной системы.

Вызревание и развитие новой общественной формации во всех ее частях — процесс сложный и разновременный. Возьмем Великую французскую революцию 1789 — 1794 годов. В результате ее победы во Франции установился капиталистический строй. И невольно возникает вопрос: а зачем тогда понадобились в этой стране революции 1830 и 1848 годов? Ленин отмечал, что становление капиталистической формации осуществляется на уровне базисного фактора в недрах феодализма. И все же понадобилось несколько революций, длительный исторический период развития и упрочения новой формации. Раньше всего утверждается новая форма собственности. Так, сразу после победы французской буржуазной революции было обеспечено утверждение буржуазной формы собственности. Полное же оформление буржуазных политических структур произошло во Франции уже после франко-прусской войны и Парижской коммуны. На это потребовалось примерно 80 лет. Но если столь сложным

и растянутым во времени оказался переход от одной эксплуататорской формации к другой, то почему же таким сжатым по времени должно быть становление социализма?

Очевидно, что утверждение социалистической формы собственности в 30-е годы еще не означало победу социализма, коль не сводить ее только к форме собственности. Долгое время степень зрелости социалистического общества в нашей стране явно преувеличивалась. Все это началось с того, что в 30-е годы было провозглашено: социализм в нашей стране уже построен. Хотя стадийно общество, которое тогда сложилось, можно отнести лишь к ранним, незрелым формам социализма. Более того, социализм в нашей стране оказался отягощенным деформациями, связанными и с отступлениями от намеченного Лениным пути. Дальнейшее историческое развитие показало, что многое нужно дотраивать и перестраивать.

Что, как, в каком направлении — все это требует ответственности и продуманности политических решений. Выработка правильной стратегии и тактики перестройки невозможна без глубокого научно-критического анализа. И не только того реального общества, в котором мы живем, но и того теоретического багажа, которым мы располагаем. Это даст возможность отказаться от догматов, долгие годы сковывавших нашу общественную мысль, завоживших в тупик практику. Ведь история уже исключила право на новые ошибки.

Логика критического анализа советского общества неумолимо подвела обществоведение к самому важному вопросу: завершен ли в нашей стране переходный период? Совсем недавно такая мысль могла показаться в высшей степени крамольной, как покушение на фундаментальные основы теории и концепции истории советского общества. И вот со страниц "Правды" прозвучала гипотеза (а в дискуссиях это обсуждается уже давно): не исключено, что переходный период завершается ликвидацией административно-командной системы — цель, которую ставит перед собой перестройка. (Г. Бордюгов, В. Козлов. "Время трудных вопросов". Правда. 1988. 30 сентября). Наверное, к этому можно было бы добавить: перестройка — длительный, сложный процесс, окончание которого должно быть связано с утверждением параметров действительного социализма — правового государства, идей подлинного гуманизма, принципа социальной

справедливости, удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Вообще, историческое развитие, как говорил Чернышевский, — не Невский проспект. Ему противопоставлена (как и исторической науке) прямолинейность. Историческое развитие чаще всего идет зигзагообразными путями, и строительство социализма тоже может иметь свои "уходы в сторону" и даже "откаты" с потерей качества.

Перестройка, будучи феноменом революционным по сути, не может не вызывать существенных потрясений в обществе. Новые требования повсюду наталкиваются на старые стереотипы и привычки. Часто срабатывает инерция прежнего, выработанного во многом в условиях модели экстенсивного развития, образа мышления и действия, боязнь новизны. Опасным препятствием на пути революционного движения вперед являются бюрократизм и формализм. Пагубная стихия циркуляра, бумаги, административный окрик мешают обновлению социалистической демократии, становятся препонами на пути самоуправления, гласности, контроля со стороны масс. Недаром сейчас в одном из центральных издательств вышел документальный сборник, название которого весьма символично — "Самый худший у нас внутренний враг". Так Ленин характеризовал бюрократизм. Сегодня как никогда ощущается справедливый характер ленинских предостережений о зле бюрократизма, красной нитью проходящих через его последние работы.

Борьба с бюрократизмом сегодня ведется не на жизнь, а на смерть. Причем бывают (а это нередко случается в пылу полемики) и известные передержки. Любой руководитель, администратор, хозяйственник, работник административно-управленческого аппарата "разоблачается" как потенциальный противник перестройки. Нередко в таком подходе вместе с водой из ванны выплескивается и ребенок. Ведь любое общество невозможно без организаторов, руководителей. А речь должна идти о том, что вместо "номенклатурной единицы", за которой нередко скрывается профессиональный ноль, должны прийти настоящие руководители, умеющие проявить свою инициативу и поддержать чужую, менеджеры социалистического типа. Но таких руководителей, рожденных социализмом и выдвинутых перестройкой, избранных на ответственные должности самими трудовыми коллективами, если сказать честно, еще немного, и при-

ходится им нелегко. Пока больше тех, кому перестройка создала немалый дискомфорт, и они заняли позицию выжидания или активного, хотя и скрытого, сопротивления ей.

Очень интересны рассуждения на этот счет публициста Игоря Волгина. "Меня не очень утешает весть, — пишет он, — что у перестройки нет противников. То есть противников явных. Лучше бы они были. Тогда их можно было бы поименно назвать и публично оспорить. Ныне же они — неразличимы. Они неверной рукой бьют себя в грудь, они затравленно улыбаются с телеэкранов (о могучая сила ТВ!) — и в их мученических глазах мерцает только один вопрос: господи, когда же все это кончится? Неподвижная во всем остальном, бюрократия проявляет поразительную гибкость, когда дело касается ее собственных интересов. Она тоже "перестраивается". Размышляя о том, почему не удалось провести в жизнь процесс обновления, начавшийся в 50-х годах, до конца, Волгин обвиняет свое поколение в идеализме, в надежде на то, что одного страстного желания, одного общественного чувства достаточно, чтобы искоренить социальное зло. Революция предполагает кардинальную ломку, которая никогда всех не удовлетворит. Стремление забалтывать перестройку, то есть ратовать за новое, поддерживать почины, говорить о демократии и гласности, а на деле ничего не осуществлять, практически не меньшая опасность, чем открытое сопротивление курсу на обновление... "Хитры на выдумки табачные фабрики, — писали летом 1917 года буржуазные газеты. — В обиходе было много папирос под названием "Императорские", "Царские". На тех же коробках ныне наклеены красные этикетки с названием "Гражданские". Переклейка этикеток чрезвычайно опасна и сегодня: сменить призыв, поменять плакат, не продвинувшись реально по пути ускорения.

Перестройка остро поставила вопрос о более углубленном и реалистическом анализе и социальной структуры советского общества, и понятий "социальная политика", "социальная психология". Термин "революционер" в условиях социализма углубил свое историческое содержание. Революционер — тот, кто смело идет на риск, предлагает новаторские решения. В истории бывают такие переломные, решающие периоды, когда именно революционность выступает как главный принцип и как ос-

новное условие реализации выдвинутых жизнью задач. И то, что мы стали открыто глядеть на свое общество, на самих себя, — тоже показатель революционности.

Для каждого советского человека и нашего общества в целом важны вопросы: "Откуда мы пришли? Что мы построили? Как это получилось?" Когда-то на них имелись "ясные" ответы — в логике сталинских схем и догматических представлений. Теперь путь к их познанию пролегает через очищение, через непростой и нелегкий процесс возвращения к ленинской концепции социализма.

МУЧИТ ЗАБОТА САДОВНИКА

В "Планете людей" Антуана де Сент-Экзюпери есть одна очень важная для нас мысль. Писателя-гуманиста тяготит не столько само зрелище людских несчастий и нищеты, а то, что в каждом из них, быть может, убит Моцарт. Автора мучит забота садовника. Сохранить личность, человеческую индивидуальность, творческий дар созидания. Это мучит всех прогрессивных людей на Земле и сегодня.

Перестройка в СССР происходит в условиях финиширующего двадцатого столетия. Наш "просвещенный" век оставляет неоднозначное наследство. На него было возложено немало надежд. В чем-то он не только оправдал, но и превзошел ожидания. Был достигнут невиданный технический прогресс. Фантастика стала реальностью — человек побывал на Луне. Были найдены лекарства, лечащие болезни, считавшиеся настоящими бедствиями человечества. Система массовых коммуникаций, технологическая революция производят подлинный переворот в жизнедеятельности общества. Все это так.

Но это же столетие характеризовалось страшными трагедиями. Две мировые войны и реальная угроза третьей, ставящей под сомнение само существование нашей цивилизации. Тысячи детей, умирающих от голода. Гигантский, все увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися странами. Политический экстремизм, осуществляемый под знаком как свастики, так и спекулятивно используемой красной звезды. Националистические конфликты, пылающие на этнической карте Земли. Наркомания и преступность. Наконец, новая

страшная угроза — СПИД. В третье тысячелетие мы входим с озабоченностью и опасением. "Прорыв природы к разуму совершался не один миллиард лет. И что же в итоге?.. Если корень зла таится в биологии, то неужто это направление в развитии материи было изначально тупиковым?.. Неужто так было предусмотрено в генах — человек достигнет грандиозного, непостижимого могущества и рухнет под тяжестью достижений собственного ума? С этим трудно примириться". Поэтому так понятен призыв Чингиза Айтматова (на заседании "Иссык-Кульского форума") растопить лед отчужденности между людьми.

Итак, есть ли реальная альтернатива всем тревожащим нас процессам? Где лежит путь для развития человеческого общества, воплощающий силы людского приращения, а не отталкивания? Может ли осуществиться идея Владимира Вернадского о ноосфере, основанная на принципе гармонического слияния общества с природой?

Основополагающее условие решения — прочный мир, требующий нового политического мышления. К такому мышлению также можно подходить с разных точек зрения, с разных позиций, но конечная цель одна — человечество должно выжить!

Все это имеет органическую связь с революционным прошлым и настоящим Советского Союза. Феномен Великого Октября как раз прежде всего состоит в том, что человек, личность, впервые в столь массовом масштабе был вовлечен в процесс борьбы за собственное освобождение. Освобождение экономическое, социальное, духовное, национальное. В нем — одна из главных демократических и гуманистических традиций социалистической революции.

Происходящая сегодня перестройка отнюдь не означает отрицания всего, что было ранее. Опыт создания нашего общества со всеми его уроками, в том числе и негативными, — достояние истории Советского государства. Его нынешний фундамент — это не какие-то скользкие болотные кочки, а твердь, сформированная усилиями многих поколений советских людей.

И в то же время мы поставлены перед необходимостью пройти школу демократии, освоить новые подходы к расширению ее огромных возможностей в условиях социализма. Мы не считаем чем-то зазорным обратиться к опыту наших друзей в братских социалистиче-

ских странах — Венгрии, Югославии, Китае, имеющих образцы для творческого заимствования.

Нам безразлично, как отзовется перестройка и гласность на мировых процессах. Ведь человечеству предлагается общегуманистическая альтернатива, направленная на поиск ценностей нового мышления с позиций не противопоставления "мы — они", а единства и целостности всех живущих на нашей планете. Свои социалистические убеждения мы никому не навязываем. Пусть каждый выбирает, а история все поставит на свои места.

В книге известного венгерского философа Евы Анчел "Этос и история" разрабатывается понятие этоса как некоего вечного субстрата нравственности в истории человеческого общества, который делает ее именно человеческой, а не иной. С этим трудно не согласиться, хотя тему можно развивать в разных аспектах. А вот к мысли Евы Анчел: "Общеизвестно, что раны, нанесенные историей, заживают с трудом, и все же они рубцуются быстрее, чем те травмы, которые бессознательно, из-за умолчания переданы по наследству" нам добавить нечего.

Само развитие нашей страны вывело на "стыковочную орбиту" ее истории два отдаленных по времени, но в сущности однотипных этапа: ленинский революционный период первых социалистических преобразований и революционную перестройку. Ее дух, методы и символы составляют характернейший признак происходящего в СССР процесса обновления общественной жизни. Действительно, настоящая революция...

Выступая на совещании руководителей центральных средств массовой информации, работников науки и культуры в ЦК КПСС, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев отметил, что по резкости, глубине перемен, остроте, непривычности нового и по силе воздействия на каждого человека переживаемый ныне период можно сравнить с выходом из подполья. "Психологически здесь очень много общего... Сейчас мы вышли из подполья самообмана, атмосферы безгласия и безмолвия, созданной для прикрытия негативных явлений и злоупотреблений, к открытости и гласности. Взглянули в лицо проблемам, народу, друг другу, внешнему миру".

Наш откровенный критический разговор о сталинизме, застое — это мысли вслух о том, о чем мы думали тайно или говорили по секрету.

Набирающий темп процесс социального и нравственного очищения советского общества заставляет правдиво посмотреть на многие проблемы. Выступая по телевидению, известный спортсмен, писатель и общественный деятель Юрий Власов сказал, что ему стыдно за "всеобщее прозрение". Но лучше эффект всеобщего прозрения, чем синдромы всеобщего гипноза или апатия. Духовный застой, неискренность, расхождение официальных идеологических постулатов с реальной жизнью — все это не могло не породить у части людей, в том числе и молодежи, духовного вакуума. А поскольку человек — существо социальное и проблема поиска духовных ориентиров всегда перед ним стояла и будет стоять, то этот вакуум стал заполняться химерическими, а подчас и националистическими идеями.

Свойственная молодежной субкультуре неконформистская модель поведения стала принимать иногда настораживающие формы. Оказалось, что панки, другие молодежные течения агрессивного толка, даже фашистского, могут быть не только на буржуазном Западе, но и в социалистическом государстве; наркомания — общая беда человечества. Деформации ценностных ориентаций коснулись и нашего общества, когда, согласно проведенным социологическим опросам, в шкале престижности социальных групп мясник и официант стоят выше профессора и инженера.

Для того чтобы советский народ черпал из незамутненного родника духовности, исторического самосознания, интернационализма, необходимо очистить воду от всех вредных примесей. Владимир Маяковский когда-то называл себя "ассенизатором революции". И наша революционная перестройка на своем начальном этапе во многом выполняет миссию социального очищения авгиевых конюшен застоя.

Необходимо учитывать законы социальной психологии. Если палка долго перегибалась в одну сторону, то в какой-то момент возвратный перегиб будет неизбежен и в другую. Хорошо по этому поводу сказал известный режиссер Эльдар Рязанов, выступая по советскому телевидению: "Мы 70 лет огульно хвалили то, что было. Сейчас надо дать выговориться". Да, накопилось много мусора вокруг стен нашего, созданного революцией дома. Необходимо мусор разгрести и убрать. Сейчас мы это и делаем, естественно, много внимания уделяя процессу

расчистки. И все это делается во имя главного — социализма. Такой подход противостоит смакованию наших недостатков противниками социализма. Отличается он и от позиций экстремистских группировок, которые, безответственно манипулируя гласностью, фактически дискредитируют перестройку.

Находятся и такие, кто пытается притормозить процесс очищения, пуская в ход жупел борьбы с "очернительством". Они выдвигают разную аргументацию. Одни прямо, по-солдатски, как М. Малахов в "Молодой гвардии" (1988. № 4), рапортуют: все в порядке. Серьезных дефектов в прошлом нет. Были ошибки. Они исправлены. М. Малахов взялся ответить на вопросы, поставленные Ф. Раскольниковым Сталину. Например: "Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев?" М. Малахов утверждает: "Можно ответить однозначно: великий патриот и гражданин, авиаконструктор и ученый А.Н. Туполев всегда был со своим народом" (!). А все остальные, находящиеся в тюрьмах, тоже "были с народом"? Или нет?

Другие притормаживают очищение путем призывов к "гуманизму": зачем бередить старые раны? А как же быть с гуманизмом по отношению к тем, у кого эти раны еще болят?

Насколько глубоко проникли идеи перестройки в массовое сознание советского народа? Давайте разберемся. Вот "Комсомольская правда" сообщает о результатах опроса студентов одного из вузов Москвы. И что же? Там около 20% студентов сомневаются в необходимости критики И. Сталина. Генерал-полковник Дмитрий Волкогонов получил три тысячи писем после статьи в "Литературной газете". Из них около четверти в поддержку Сталина (Книжное обозрение. 1988. № 33). Можно ли считать эти "микрореферендумы" достаточно убедительными ("репрезентативными", как говорят социологи) показателями? Конечно, нет. Люди, пишущие в газету или на радио, — это особая, социально-активная группа населения.

Если же обработать почту журналов "Молодая гвардия" и "Наш современник", думается, результаты "микрореферендума" будут иными. Может быть, Всесоюзный центр изучения общественного мнения, возглавляемый академиком Татьяной Заславской и профессором

Борисом Грушиным, сможет сделать это в ближайшее время.

Картина представляется серьезной. 20 — 25% сторонников Сталина — это только верхушка айсберга?

Критика сталинизма несет в себе не только восстановление попорченной справедливости. Это проблема прежде всего практической политики, ибо реализация перестройки требует качественно новых людей.

Сталинская эпоха сформировала особый тип личности. Задумано было создать поколения идеальных исполнителей — энергичных, дисциплинированных, честных, лишенных "ненужной информации" и уверенных в своей правоте. Ну а как умалчивать и оставлять без осмысления бесспорный факт, что для миллионов он был вождем любимым, и чем больше у одних было оснований ужасаться им, тем сильнее, "повальнее" преклонялись перед ним другие? Не говорить? Вообще о нем не упоминать? Но не то ли делал он сам, вычеркивая из истории неугодные ему имена? По логике вещей, замалчивать сегодня Сталина означает все тот же сталинизм в действии", — пишет корреспондент "Известий" Александр Васинский (1988. 1 августа). "Сталин был выдающимся знатоком народа, который правил, искусным игроком, умевшим вовремя разыграть нужную карту", — отметил историк Леонид Седов во время заседания "круглого стола" в журнале "Знание — сила" (1988. № 7). И с последствиями этого "мастерства" управления следует считаться.

В телепередаче "Взгляд" симпатичному студенту Сталин кажется (доныне!) образцом моральной чистоты. А артист Михаил Ульянов, сидящий в комнате ведущих программы, на глазах миллионов зрителей впервые не находит слов, начинает заикаться от гнева. Да, стоит посидеть ночью у телевизора, чтобы посмотреть на ошеломленного, заикающегося Михаила Ульянова! Можно поблагодарить авторов передачи за такую незабываемую картину.

Сталинская "педагогическая программа" удалась далеко не полностью. Распространился тип суетливого, нахрапистого, некомпетентного руководителя в сочетании с покорными (но отнюдь не дисциплинированными), лукавыми, трусоватыми исполнителями. Сталинизм породил агрессивную безнравственность в защите рядовых

ми обывателями своего покоя, своего благополучия, своего "права" на бездушие.

Преодоление сталинского наследия — не только в критике И.В. Сталина. Дело в формировании нового сознания советского народа. Сталинист не способен к обновлению. Он способен в лучшем случае только подчиняться. Сталинское наследие — мировоззренческая "баррикада". Ее необходимо преодолеть. Без этого перестройка невозможна.

Партия справедливо предупреждает об опасности забегания вперед, упрощения и искусственного форсирования хода преобразований. Очищение сознания людей, которых в свое время оттолкнули формализм и демагогия, преодоление активного и пассивного сопротивления тех, кто свил себе уютные гнездышки в обстановке благодушия и нарушений, — дело не одного дня. Есть и, наверное, будут еще в этом деле и ошибки, и просчеты. Но мы верим в победу, в созидательное начало, присущее нашему обществу.

Курс на революционную перестройку возвращает партии ее большевистские традиции. В полной мере это показал ход работы XIX Всесоюзной конференции КПСС. Партия вновь выступает революционной силой, берущей на себя историческую ответственность за будущее социализма. Работа конференции в полной мере продемонстрировала возрождение ленинских принципов демократии и гласности. По смелости и открытости суждений, деловому настрою и реализму конференция знаменует новый качественный этап в жизни партии и страны. Ее решения положили начало практическим сдвигам по реализации перестройки, стратегического курса на революционное обновление советского общества.

Идя на реформу политической системы в рамках формирования социалистического правового государства, партия вовсе не стремится "забронировать" за партийными работниками должностной пакет. Нет — этим она идет на серьезнейшее испытание для коммунистов, которые реальным делом, своей гражданской позицией должны будут доказать право партии на политическое руководство страной.

В июне 1917 года в споре с меньшевиком Церетели, утверждавшим, что в переломное, неустойчивое время не найдется политической партии, готовой взять на себя ответственность, Ленин произнес ставшее историческим

”есть”. В этом слове была глубочайшая убежденность в правоте социалистического дела. Была готовность взять ответственность за судьбы страны.

Сегодня ясно — очищение от негативных наслоений и деформаций прошлого — процесс длительный и совсем не такой простой, как, может быть, казалось вначале. Он требует от всех нас огромной ответственности, активной гражданской позиции и, прежде всего, реальных практических шагов по созданию действительно демократического общества. С этим ничего общего не имеют анархическая вседозволенность, пренебрежение нормами права и морали, использование атмосферы гласности для проповеди националистических и других антигуманных лозунгов. Сегодня в период серьезных испытаний особенно видно, что будущее социализма зависит от нас самих.

* * *

ВОССТАНАВЛИВАЯ ЛЕНИНСКУЮ ТРАДИЦИЮ

Вместо послесловия

Итак, книга прочитана... Если судить по ее названию и заголовкам — книга эта о политической истории нашего общества. Если по реальному содержанию — о значительно более широком круге проблем — собственно исторических, нравственных, духовных, борьбы гуманизма и бездушия, доброго и злого в человеке и обществе. Авторы называют избранный ими жанр повествования ”публицистическими заметками”, оговаривая, что не претендуют на систематическое и сколько-нибудь полное освещение с новых позиций всего исторического пути Советского государства. Все это так. И все же при всей многоплановости затронутых в ней проблем книга оставляет ощущение цельности и продуманности замысла и логической убедительности и завершенности его воплощения. Чувствуется, что перед нами не просто эскизы-заметки, а нечто глубоко осмысленное, причем не холодным и отстраненным умом аналитиков, а умом людей, пристрастных к предмету разговора, имеющих свою позицию, свое обостренное гражданское чувство.

Во введении авторы отмечают, что написанная ими работа — не научный труд. Будучи профессиональным историком, я должен заметить, что наряду с обобщением уже известных исторических сведений книга содержит немало нового. В этом мне видится несомненное научное достоинство и ценность работы. За последнее время общественное сознание уже в какой-то степени насыщено фактами. Этап сенсационных взрывов заканчивается. Наступает пора первых шагов по сведению воедино всего сказанного уже с позиций концепционных оценок. Пришло время анализа и осмысления нашей революционной, и героической и трагической, истории. В этой связи отрадно отметить, что настоящая работа содержит попытку такого анализа.

Вместе с тем, и это несомненное достоинство книги О. Волобуева и С. Кулешова, она написана живо, увлекательно, в свободной публицистической манере. Однако те интригующие ”заходы”, которыми начинается каждая глава, служа законам избранного жанра, вовсе не настраивают на ”легкое чтение”. По мере углубления в материал становишься все более серьезным. Иногда хочется отложить книгу, чтобы поразмышлять, в чем-то даже возразить авторам, уточнить отдельные факты и положения.

Период застоя коснулся исторической науки, может быть, даже в большей степени, чем других гуманитарных дисциплин. Те "фокусы", с которыми в 70-х — начале 80-х годов выступали историки, во многом подорвали доверие к ним у широкой массы читателей. Но самое главное — были подрублены корни, которыми питается любая наука. Запрет на правдивую информацию имел для нее самые негативные последствия.

Сегодня время не только "научных" фокусов, но и паллиативов миновало. Настала пора реализма и объективности. Перелом, который осуществляется сейчас в жизни советского общества и его политического авангарда — Коммунистической партии, происходит и в историко-партийной науке. Однако процесс освобождения от догматизма идет непросто. Подчас проявляет себя психология скоропалительного нетерпения — чего, дескать, историки осторожничают, тянут, необходимо оперативно разъяснить новое понимание пройденного исторического пути, дать соответствующие рекомендации пропагандистам, и мешкать в этом деле не следует. Мешкать действительно не следует, но необходимо сперва скрупулезно все изучить, а затем делать выводы. Сам смысл изменений, происходящих в обществе, состоит в том, что историки не ждут команд, идущих сверху, каких-то директивных указаний. Им самим предстоит разобраться в том, что и как происходило в истории жизни партии и страны и науки, их изучающей. Отобрав верное, проявив культуру дискуссий в рамках социалистического плюрализма мнений, в русле гуманистических ценностей нового политического мышления.

Назвав свою книгу "Очищение", авторам предстояло решить главную, принципиальную задачу — определить точку отсчета, с которой они будут рассматривать исторический опыт политической истории нашей страны. Таким эталоном они совершенно правильно выбрали ленинские суждения и оценки о строительстве социализма в СССР. В этом плане небольшая глава "В чем наша сила и чего нам не хватает" как бы знакомит читателя с контурами исходных "чертежей" создания нового общества, с теми положениями ленинской концепции социализма, целый ряд из которых по разным причинам не был реализован или был искажен и к воссозданию которых на новом качественном уровне возвращает нас революционная перестройка.

Обращение к подлинному Ленину, к его творческому наследию, восстановление ленинской традиции поиска истины на путях научного анализа реальных событий с учетом мнений и точек зрения всех, кому близка и дорога судьба социализма, являет собой одну из характернейших особенностей происходящего сегодня кардинального обновления общественно-исторического сознания. Различие в подходах и оценках, терпимость, стремление убедить не окриком и диктатом, а логикой и фактами — реальные показатели этого.

Заметим, что сам Ленин никогда, ни при каких обстоятельствах не переходил на прокурорский, обвинительный тон. Он никогда не выносил приговоры как судья. И нам завещал то же. Так что давайте лучше будем не судьями, не прокурорами, не адвокатами, а по крайней мере прилежными учениками истории. Ленин сам учился у своих предшественников, сам брал уроки у истории и учил других диалектически применять уроки и закономерности исторического развития, теорию научного коммунизма к живой, сложной, многогранной, все время меняющейся, быстротекущей жизни.

Последние работы Ленина — это не только марксистский, диалектический анализ объективных реальностей того времени, но и смелый взгляд в будущее, концепция социализма на многие десятилетия вперед. Политическое завещание Ленина — это во многом и методологический ключ к пониманию и развитию основных принципов социализма, путей его строительства в целом. Это — ключ к пониманию современных процессов социалистического строительства.

Авторы книги немалое место уделяют новой экономической политике, тем дискуссиям, которые развернулись по этому вопросу в партии. Действительно, далеко не все коммунисты поняли глубоко новаторский подход Ленина к нэпу как не просто смене одной тактики другой, а кардинальному повороту в системе идеологических и политических воззрений на построение социалистического общества в нашей стране. Полемика о новой экономической политике как своего рода макмусовая бумажка выявляла уровень осмысления самой сути социализма членами партии. Сегодня мы во многом возвращаемся к опыту нэпа, беря в нем то, что связано именно с ленинским пониманием социализма как гуманистического общества, в котором должен полностью раскрыться созидательный потенциал человеческой личности. Это, конечно, не означает, что мы должны проецировать из прошлого "один к одному" все, что связано с политикой, осуществлявшейся в иных исторических условиях. Речь должна идти не о механическом копировании, а об усвоении сегодня методологических принципов, сформулированных Лениным и партией, об их творческом развитии и обогащении опытом современности.

Дискуссии о нэпе вылетали в общую ткань идейных и политических процессов, проходивших в партии и обществе в конце 20-х годов. В книге достаточно убедительно выявлены подходы к пониманию взаимобусловленности этих явлений. О. Волобуев и С. Кулешов (и это характерно не только для данного сюжета) как бы обнажают в свете нового мышления некоторые пласты исторического знания, ранее сокрытые стеной догматизма. Правда, они не всегда идут дальше, на разрывание исследовательским анализом этих пластов. Наверное, винить их в этом и не стоит, ибо авторская задача состояла в том, чтобы прежде

всего привлечь внимание к сложным вопросам пройденного исторического пути с позиций очищения его от наслоений неправды.

Пытаясь объяснить, почему идейная борьба по коренным вопросам социалистического строительства переросла в борьбу за политическую власть, авторы, как мне представляется, правильно ищут причины этого в исторической специфике страны, первой вступившей на путь социализма, в особенностях развития партии большевиков, ее социальной структуре. Стремление выполнить ленинский завет о сохранении единства партийных рядов, защитить его учение о социализме от ревизии со стороны оппозиции, ощущение своего интернационального долга перед мировым пролетариатом — все это те отправные моменты, обходя которые невозможно уловить ведущие тенденции общественной жизни тех лет. И в то же время нельзя не замечать, и одна из заслуг О. Волобуева и С. Кулешова в том, что они не только замечают, но и высказывают свое суждение о том, как происходил отход ряда руководящих деятелей партии от ленинских принципов коллективности руководства. Как создавалась обстановка нетерпимости к инакомыслию, утверждалась психология вождизма, утрачивались инициатива и независимость суждений и преданность делу социализма стала фактически отождествляться с преданностью отдельным лицам и лично Сталину.

В книге проводится идея о необходимости конкретно-исторического анализа взглядов различных групп не с позиций поисков политического криминала, мол, "кто не с нами, тот против нас", а стремясь понять и объяснить взгляды и поступки людей, занимавших крупные партийные и государственные посты, добросовестно изучить их платформу. Перестройка уже дала возможность обществоведам вводить научный оборот работы Г. Зиновьева, Н. Бухарина, Л. Каменева, Л. Троцкого, Е. Пресображенского и ряда других деятелей, которые раньше могли появляться на страницах нашей печати только с отрицательными знаками. Тем самым обеднялся и искажался исторический опыт партии. Сейчас положение дел изменилось, и материал книги наглядно это подтверждает.

Другое дело, что в этой области предстоит огромная исследовательская, научно-поисковая работа.

Сталин использовал лично подконтрольный ему партийный аппарат, получил возможность одерживать верх над своими оппонентами не убедительностью своих теоретических аргументов, а методом авторитарной власти. Причем уже на самых ранних стадиях этой неравной борьбы Сталин подключил органы ОГПУ. Это в полной мере относилось и к историкам и политикам. На процессе Промпартии утверждалось, что Рамзин должен был стать премьер-министром после свержения Советской власти, министром иностранных дел — Тарле, народного просвещения — Платонов. Многие предполагаемые "министры" узнавали об организации, где они готовятся стать членами правитель-

ства, только в следственных камерах ОГПУ. Логическим завершением таких приемов политического руководства явился тоталитарный контроль над всем обществом, осуществление массовых репрессий. О. Волобуев и С. Кулешов не уходят от этой сложнейшей проблемы, которой кое-кто еще по инерции опасливо сторонится или по-прежнему ограничивается безоговорочной общей констатацией, что в борьбе против оппозиции ЦК во главе со Сталиным отстоял генеральную линию партии и защитил ленинизм. Авторы показывают на конкретных фактах и примерах, что речь должна идти не только о защите, но и о деформации социализма.

Исторические иллюзии плохие помощники нашему движению вперед. Они не ведут к истине. Это своего рода тупик. И особо ценно то, что О. Волобуев и С. Кулешов пытаются по-своему наметить пути выхода из него.

Деятельностная природа человека, заключенная в рамки табуизированных догматов, не могла проявиться в виде той социальной активности, на которую возлагал надежды Ленин, когда писал, что только с социализма начнется вовлечение всевозрастающей массы населения в процесс исторического творчества. В обществе, провозгласившем приоритет гуманистических ценностей, насаждались абсолютно несвойственные ему по его социальной природе принципы слепого послушания, псевдоколлективности, казенной дисциплины, жесткой иерархии и субординации всех сфер жизни. В качестве единственной движущей силы общественного развития административно-командная система определила волюнтаристский диктат. Сегодня лекторам, участникам "круглых столов" и других дискуссий, всем выступающим в разных по своему социальному, профессиональному, возрастному составу аудиториях приходится отвечать на вопросы: каким образом могла произойти столь разительная деформация исходных революционных принципов? почему авантюристическая политика Сталина не получила достойного отпора? на какие силы в партии и обществе опирался Сталин?

Историки ищут ответы на эти вопросы. Остановлюсь на некоторых причинах установления в партии и стране волюнтаристского диктата Сталина, в чем-то здесь уточняя позиции авторов книги. Прежде всего следует отметить, что самоотверженность, стойкость, безграничная вера в торжество идеалов революции народных масс были использованы в интересах упрочения сталинского режима. Быстрота коренных изменений не только в политической жизни, но и в экономике, культуре рождала уверенность в том, что все социальные преобразования можно осуществить в кратчайшие сроки. Все это искусно использовалось Сталиным в борьбе с политическими противниками. Так фарисейская эксплуатация им высоких нравственных качеств народа и его социальных идеалов направлялась в первую очередь на укоренение в сознании масс его культа. Марксистская фразеология составляла при этом только

идеологической камуфляж. Исторические факты, политическая биография Сталина позволяют утверждать, что ведущим мотивом его деятельности было стремление к утверждению личной власти, переросшей в бонапартизм. Этому способствовали такие известные черты его характера, как нетерпимость, нелояльность, грубость, подозрительность, интриганство, о которых немало сказано в книге. Привлечен интересный материал, иллюстрирующий сталинское политическое и моральное лицемерие.

Один из важнейших вопросов социалистического строительства в СССР — вопрос о его темпах — остро дискутируется сейчас в исторической науке. В литературе прошлых лет расхожим было обвинение Бухарина и его сторонников в том, что они выступали против высоких темпов социалистического строительства. В действительности позиция Бухарина, Рыкова, Томского была иной. Они ратовали за соблюдение меры в определении разумного соотношения между потребностями и возможностями, за поддержание необходимых пропорций народного хозяйства в условиях высоких темпов его развития. Сталин же считал необходимым "подхлестывать" и "подгонять" страну.

К сожалению, в книге не так много, как хотелось бы, уделено внимания экономическим вопросам, в частности экономике первой пятилетки. А ведь пересмотр заданий по важнейшим отраслям промышленности в сторону их бесперывного повышения привел к распылению средств, снижению отдачи от капиталовложений, к жертвам, к осложнению процесса строительства нового общества. Многие задания первого пятилетнего плана были выполнены лишь спустя длительное время после намеченных сроков. В народном хозяйстве возобладали внеэкономические методы управления, основывающиеся на неограниченной власти центральных органов. Даже на заседаниях Политбюро распределялись не только фонды, материалы, но и практически вся производимая в стране продукция, включая керосин и гвозди.

Грубейшие нарушения элементарных экономических норм, волюнтаризм и прожектерство ставили страну в тяжелое положение. Когда иные публицисты рассуждают о великом государственном уме и прзорливости Сталина, о его загадочном феномене, то позволительно и справедливо ради напомнить, что феноменальные способности Сталина довольно часто раскрывались в тех критических ситуациях, которые он сам и создавал. В книге на ряде примеров деятельности Сталина показано, что он вряд ли может претендовать в истории на место выдающихся государственных деятелей. Но вот в политике, взятой узком смысле этого слова — в смысле мастера тонкой и продуманной игры в политических взаимоотношениях в верхних эшелонах власти Сталин был фигурой несомненно выдающихся способностей.

Какой социализм мы построили? К этому вопросу сегодня активно обращается общественная мысль. Поставлен и по-своему рассмотр-

он и авторами книги. Видимо, дело здесь не только в типологии, всегда что-то схематизирующей. Главное в другом — в том, что сталинская модель социализма по всем основным критериям разошлась с ленинским пониманием сущностных характеристик социалистического общества. Народ, проливший кровь за Советскую власть, сохранил верность социализму, хотя видел и понимал, что не все идет так, как хотелось бы. Советские люди в своей массе не сомневались, были уверены в социалистической сущности политической власти. Используя народную веру в социалистические идеалы, ошибки и просчеты списывали на счет вредительства старых специалистов, происков врагов народа, отступников от линии партии, которые тоже объявлялись врагами народа. К числу последних были отнесены даже ближайшие сподвижники и друзья Ленина. В сознание масс внедрялась идея о пути к социализму, неизбежно сопряженному с тягостными лишениями, необычными трудностями, резкими ограничениями личной свободы, демократических норм партийной и государственной жизни. Тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма привел к теоретическому обоснованию репрессий, к оскотлению гуманистической сути социализма.

Да, достигнутые успехи несомненны. Но они были завоеваны слишком высокой ценой, недопустимыми средствами. При сохранении ленинских принципов построения социализма эти успехи могли бы быть не только более весомыми, но и долговременными. И сам образ социализма был бы более привлекательным, и, следовательно, его воздействие на весь ход мирового развития могло бы быть более значительным. Строительство социализма было делом всего советского народа. Веру в конечное торжество социалистических идеалов не поколебали ни нарушения законности, ни игнорирование многих социальных потребностей советских людей.

Было бы непростительной и глубокой ошибкой забывать достигнутые советскими людьми. Но, высоко оценивая их подвиг осуществления на практике идеалов Октября, идеалов социализма, мы должны честно сказать, что концепция социализма в ходе его строительства претерпела чудовищную деформацию в сравнении с теми представлениями, которые разделял Ленин.

Мне лично импонирует стремление авторов к взвешенной оценке рассматриваемых событий, оценке с позиций историзма. Сейчас сам термин "взвешенный подход" иногда трактуется чуть ли не как стремление оправдать то, чему оправдания нет и быть не может. При этом диалектический анализ целого как единства противоположностей, синтез неоднозначных социальных явлений с учетом всех связей и взаимозависимостей подчас понимается как эклектическое соединение фактов "одной стороны" с фактами "другой стороны". И как выход из положения — призывы отказаться от учета разных сторон, характеризую-

щих явление исторической действительности. А это ведет к одномерному, однолинейному подходу в оценке сложных и неоднозначных социальных, экономических и политических явлений. Такой подход не просто игнорирует в исследовании чрезвычайно важные стороны исторической действительности, но и демонстрирует методологическую несостоятельность в изучении одной из ведущих проблем послеоктябрьской истории партии, ведет к субъективизму и односторонности.

За два последних года накопился весьма разноплановый историографический фонд публицистических статей, переосмысливающих наше прошлое. Публикации разные — и чисто информационные, и претендующие на анализ и обобщение. Вся эта литература нуждается в систематизации, в выявлении и сопоставлении высказанных в ней оценок и суждений. Достоинством книги О. Волобуева и С. Кулешова является то, что авторы в известной мере выполняли и эту задачу. Особо удалась в этом смысле глава "Альтернативы".

Аккумулируя большой и разнообразный публицистический материал, авторы вместе с тем выходят к читателю не просто с материалом большим. По сути дела, нам предложена первая книга, посвященная проблемам, к которым сегодня приковано внимание общественности.

Не берусь предсказать, какой резонанс она получит, как воспримет ее читательская аудитория (вспомним знаменитое: "нам не дано предугадать, как слово наше отзовется"). Одно могу сказать с полной уверенностью: книга является несомненным вкладом в то дело, которое определено словом, вынесенным в ее название.

В. Наумов
доктор исторических наук,
профессор

В68 Волобуев О.В., Кулешов С.В.
Очищение = История и перестройка. — М.:
Изд-во Агентства печати Новости, 1989. — 288 с. —
(Б-чка АПН).
100 000 экз.

Книга Олега Волобуева и Сергея Кулешова — это публицистические заметки ученых о проблемах исследования политической истории нашей страны начиная с 20-х годов, о возникновении культа личности Сталина, возможных альтернативах развития советского общества в эти годы и необходимости его революционного обновления на основе концепции перестройки.

Название "Очищение" отражает направленность книги на избавление от мифологизма и анонимности в освещении прошлого.

В 4702010204
067(02)-89 Без объявл.

ББК 63.3(2)

Волобуев Олег Владимирович
Кулешов Сергей Владимирович
ОЧИЩЕНИЕ. История и перестройка

Заведующий редакцией К.Г. Ликутев
Редактор М.В. Егорова
Художественный редактор В.В. Анохин
Технические редакторы Л.А. Ряховская, Е.А. Дронова
Корректор Л.П. Агафонова
Технолог В.Ф. Егорова

ИБ 10230

Сдано в набор 20.10.88. Подписано в печать 13.02.89. Т08001
Формат издания 84х108/32. Бумага типографская №1, 70 г/м².

Гарнитура таймс. Высокая печать.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,84. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1036. Изд. № 8249. Цена 85 к.

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

**В 1989 году
в Издательстве АПН
выходят следующие книги:**

**Григорий Бакланов. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ
КАМНИ.** Сборник публицистических статей

**Олег Битов. КИНОФЕСТИВАЛЬ ДЛИ-
НЮЮ В ГОД.** Отчет о затянувшейся команди-
ровке

**Дмитрий Волкогонов. ТРИУМФ И ТРА-
ГЕДИЯ.** Политический портрет И.В. Сталина
(в 2-х книгах)

**Анна Ларина-Бухарина. НЕЗАБЫВАЕ-
МОЕ**

**Всеволод Овчинников. СВОИМИ ГЛАЗА-
МИ.** Страницы путевых дневников

**ПАБЛО НЕРУДА — КОРРЕСПОНДЕНТ
АПН.** Сборник публицистических статей

**Николай Шмелев, Владимир Попов. НА
ПЕРЕЛОМЕ: ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНО-
МИКИ В СССР**

Даниил Гранин. ТОЧКА ОПОРЫ. Статьи,
беседы, портреты

Федор Бурлацкий. Н.С. ХРУЩЕВ. Полити-
ческий портрет

О. ВОЛОБУЕВ С. КУЛЕШОВ

ИСТОРИЯ
И
ПЕРЕСТРОЙКА
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

65.5(2)7
В.68

ОЧИЩЕНИЕ